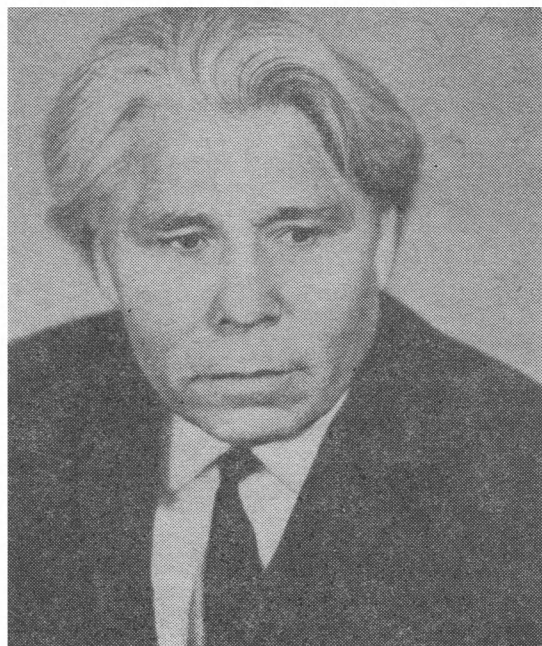

Постановлением Совета Министров РСФСР
от 24 декабря 1982 г.

Назару Наджми (Назмутдинову Назару Назмутдиновичу)
присуждена Государственная премия РСФСР
им. М. Горького
за книги стихов и поэм
«Приглашение другу», «Дыхание», «Стороны»

Назар Наджми

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУГУ

Перевод с башкирского

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1984

С(Башк) 2
Н17

Художник Л. Ф. Шканов

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУГУ

СТИХИ

СОСЕД ПО ОГНЮ

Оттого ль, что когда-то, в былые года,
Высекали огонь из кресала,
В очаге у людей он не гас никогда,
В углях прятался искоркой малой.

Если все ж затухал (так бывало на дню)
И в золе не мерцало ни искры —
Каждый знал: у него есть сосед по огню,
Безотказный сосед, самый близкий...

О сосед по огню!.. В тот таинственный миг,
Когда пламя в душе угасало,
Шел я к людям — огонь доставал я у них,
Будто бы высекал из кресала.

Я желанье заветное в сердце храню:
Мне такого б огня хоть крупницу!..
Чтоб меня называли сосед по огню!
Чтобы людям — ко мне торопиться!

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУГУ

Приеду к вам, но когда?..
(Из письма)

Когда позвать тебя — не знаю,
Чтоб погостил в моем краю,
Чтоб сторона моя родная
Запала в душу бы твою?

Не лучше ль выбраться весной,
Когда черемуха в цветенье?
Обрызган песнею лесной,
Ты соловья услышишь пенье —
Возможно ль на земле прожить
Без этих запахов и цвета?!.
А может, лучше отложить
Приезд твой до косьбы, до лета?
Хоть нет романтики былой
В косьбе — очарованье длится:
Бушуют травы пред тобой,
И нет им края и границы.
А море луговых цветов?
Весь день ты по нему пробродишь...
А краски ягод? Нету слов!
А вкус? И впрямь язык проглотишь!..
И ненаписанным стихам
Раздолье здесь — текут, как реки!..
А может, ты приедешь к нам,
Когда в лесу пойдут орехи,
Когда, ползя в овражках вниз,
Нальется соком ежевика?..
В преддверье осени явись
И здесь подольше поживи-ка!
...Пылает желтизна листа,
Зажженного природой властно.
И умирает красота —
И в гибели она прекрасна...
Но осенью не приезжай:
Грусть осенью в груди таится —
Не оттого ль, что в дальний край
Мою уносят радость птицы?
Зимой, зимой!.. Такой зимы
Нигде не видел ты!.. Под солнцем
С тобой помчимся вихрем мы
На тройке с медным колокольцем!

Под белым облаком, в снегу,
По свету белому, по белой
Дороге!.. Больше не могу
Писать!.. Как ты захочешь — делай!
Когда захочешь — сам реши:
Хоть осенью, в конце, в начале, —
Ведь кратковременны печали,
А твой приезд — весна души!..

ХЛЕБ, СОЛНЦЕ...

Детство, уловки, невинность грехов,
Клятвы на каждом шагу.
Изгородь, яблони, шорох шагов...
Я в темноте бегу...
С грядки соседской кривой огурец...
Было — вина моя!
Клялся: «Ей-богу (прости, творец!)
Это не я, не я!»
Детство... Отчаянное вранье —
«Солнцем, хлебом клянусь!».
Детство! Невиннейшее мое!
Нынче не дотянусь.
Совесть чиста, и пустячен грех,
Высшая вера — хлеб,
Матерью данная, прежде всех, —
С ней я возрос, окреп.
Первая школа навек одна,
Главный из всех — урок.
Жизни наука. При мне она.
Смысл ее прост и строг.
Он из неписаной книги взят,
Совесть веков в нем есть —
Сущая правда, что хлеб наш свят,

Кровь в нем земли и честь.
Труден он. Шутки опасны с ним.
Всяческий спор нелеп.
Солице зовет нас, к нему летим.
А хлеб он и нынче — хлеб.
Первая школа навек одна,
Главный из всех — урок...
Жизни наука! При мне она.
Выучил назубок.
Пусть же я буду забыт тобой,
Проклят тобой, земля,
Если однажды сытой рукой
Хлеб оскверню твой я.
Пусть и стихи от меня сбегут,
Мир обратится в склеп,
Если крестьянский забуду труд,
Сверху взгляну на хлеб.

ПРИВЕЗИ МОЕГО ОТЦА

Племяннику Рамилю

Когда я вернулся с войны,
Был маленьким мальчиком ты,
Я помню, ты часто стоял
И глаз не сводил с высоты.
Я помню — вдали самолет
И тонкий твой голос вблизи,
Кричишь ты: «Э-гей, самолет,
Отца моего привези!»
Гудели моторы вверху,
Не слыша тебя, милый мой,
И что им!.. Известно, с войны
Не всякий приходит домой.

Не всякий... Теперь ты и сам
Высоты познал до конца,
Но кажется мне, до сих пор
Летишь ты и ищешь отца.
Летишь, и глядит детвора
Вслед, глаз не сводя с высоты,
И бегают дочка твоя
Вдоль улиц, где некогда ты...
А я все забыть не могу,
Все слышу сквозь даль, как вблизи:
«Э-гей, самолет, самолет,
Отца моего привези!»

ДВА ВСАДНИКА

...Россию поднял на дыбы...

А. Пушкин

Два всадника — в порыве резком...
Одна дорога — две судьбы...
Один взлетел на берег невский,
Другой поднялся на дыбы
Над Белой ¹...
Властью облеченный
Один — с простертою рукой,
И на коне разгоряченном
У берега застыл другой...
Один — великою царицей
Отлит из бронзы на века.
Другого — в кандалах в темницу
Ее же бросила рука...
Один, вперед скача победно,
По воле гения воскрес,

¹ Памятник Салавату Юлаеву.

Расправив крылья — Всадник Медный —
Под сенью северных небес.
Другой же — в безымянных песнях
Обрел бессмертья торжество,
Встав из глуби веков, воскреснув
В душе народа своего.
И вот сейчас он — всадник смелый —
Землей любит свою...
Вдаль взоры устремив — над Белой
Он взмыл — не выше ли царей?..

ЛЕНИНСКИЙ КОСТЕР

Поляна — российской земли уголок,
Берез кудреватые тени.
Убогий шалаш, у костра — одинок —
Сидит человечества гений.

Задумался... Знаю тех дум глубину,
Хоть не был в Октябрьской буре.
Костер его греет меня, чуть взгляну
На искорку в мудром прищуре.

Пылает костер. На березах — дымка
Висят серо-синие клочья.
Костер Ильича не потушат века —
И днем он пылает, и ночью.

Весна моей родины вечна с тех пор,—
Так много тепла в ней и света.
Горит Ильичем разожженный костер —
Согрета им наша планета.

ТРИ ПЕСНИ ЖИЗНИ

1

О жизнь, ты старой песней оказалась...
И я тебя, наматывая строки,
Сложил, как песню. И она вписалась
В страницы времени — в скуные сроки.
Той песни моя молодость касалась,
Казалось — птицей взмлет в поднебесье!
Но песня та — незвонкой оказалась,
И я сказал: сложу другую песню.

2

Дороги, годы! Жизнь свою сплетал
Из вас, как мог. Искал, плутал, летал...
Моей земли и радость и беду
Я на плечи взвалил. Так и бреду...
Из жизни искры, словно из кремня,
Я высекал: о, как я ждал огня!
Но песня не звонка и в этот раз...
Я лучшую сложу — наступит час...

3

Прочь уходящим молвят: до свиданья!
Навек ушедшим говорят: прости...
Один есть путь, известный всем заране,—
Последний путь. Его не обойти
Околицей. Не ляжет он стороной...
И я скажу, тот завершая путь:
Что ж, оказалась песнь моя незвонкой...
Но лучшая — вспарит когда-нибудь.

СЛОВО О РОДИНЕ

Ее не измерить от края до края.
В ней — снежная замять и вешнее пламя,
Могучая сила, краса огневая
С широким размахом, с большими шагами.
Здесь подлинно все:
Вечера и рассветы,
Зима ее — это снега и морозы,
И осень — как осень,
И лето — как лето.
А весны — цветение, паводок, грозы...
На земли другие она не похожа —
Ни нравом своим, ни людьми, ни законом,
Ни лесом, ни полем, ни далью дорожной,
Ни песней, ни волей своей непреклонной.
Мягка она, словно весенние ночи,
Подобно зиме, и грозна, и сурова,
Коль нужно, по-летнему жаром клокочет,
Как осень, отдать все народу готова!
О, как я люблю это разнообразье,
О, как оно дорого сердцу и мило!..
Встречали бы разве весну мы как праздник,
Когда бы весна только в мире царила?
Я предан навек ей — душою и телом,
И кровь моя светом Отчизны согрета,—
Любви моей к ней нет границ и предела,
Как щедрости осени, ясности лета!..

* * *

Космонавты говорят: «Земля
Так мягка в минуту приземленья!..
Эта ль мягкость матери-земли
Нашему досталась поколенью?

На ее камнях я спал не раз,
Рыл окопы, когда пули пели...
Видно, неспроста тебя, земля,
Люди окрестили колыбелью.

Так мягка — от материнских рук,
От тепла их и прикосновенья,
Ты, земля, — и мать, и колыбель
От рожденья до успокоенья...

ЗАСТОЛЬНОЕ СЛОВО

Спасибо вам! Моим родным просторам
Хвалу я слышу здесь со всех сторон...
Башкортостан! Окиньте только взором:
На стол накрытый не похож ли он?

Солгу ли я, сказав, что изобилья
Такого не найти в краях иных...
Напоминают стройные бутылки
Нам о башкирских вышках нефтяных.

Из вышек тех напитков пьет особый
Моя земля... Греми, наш славный пир!..
Всегда с другими братьями — бок о бок
Жизнь нынче строят русский и башкир!

РАЗГОВОР С ДЕРЕВЬЯМИ

Слетающей листвою шелестя,
Птиц ищете в тоске невыразимой,
Мои деревья!.. С вами вместе я
Еще одну перезимую зиму.

Легко ли это — перезимовать?
Кому трудней — и не решишь в мгновенье...
У вас ли мне терпенья занимать?
Вам у меня ли занимать терпенья?

Зима всех ставит на свои места:
Мне — кутаться, вам — сбрасывать наряды.
Кого-то, может, красит нагота,
Вы ж без одежд — черны и неприглядны.

Вновь листья ваши сыплются, звеня,
И над землею, медленные, кружат...
Замерзну — вы согреете меня...
А мне как быть, когда вас схватит стужа?..

НЕ УВИДЕЛ БЫ СЕГОДНЯ...

1

Все белым-бело, как в сказке: первый снег летит
с небес!
В призрачном дрожащем свете — хлопьев белая гора...
Первый снег летит на землю — что за чудо из чудес! —
Не увидел бы сегодня, если б умер я вчера...

2

Нет других таких на свете черных глаз! Их взор
ловлю...
Темный лес, небес сиянье, — о блаженная пора!..
Глядя мне в глаза, сказали черные глаза: «Люблю...»
Не узнал бы я об этом, если б умер я вчера...

Бренный мир... Он беспощаден, — верно люди говорят,
 Есть еще злодеи в мире, еще длится их игра.
 В светлую живую душу черный впрыскивают яд:
 Не узнал того б сегодня, если б умер я вчера...

Праздник входит в двери друга — радость полнит все
 кругом!
 Говорю я: пусть над миром воцарится свет добра!
 Вот из дома друга праздник перебрался и в мой дом,—
 Не увидел бы сегодня, если б умер я вчера!..

ДОЖДЬ ИДЕТ

Сплошь — вода до самой дальней дали:
 Дождь идет.
 Радостен один — другой в печали:
 Дождь идет.
 Радостно земле: для трав, для хлеба
 Дождь идет.
 И за землю радуется небо:
 Дождь идет.
 Мы наедине, под теплой крышей:
 Дождь идет.
 наших тайн никто чужой не слышит:
 Дождь идет.
 И сердечной нет конца беседе:
 Дождь идет.
 Нет, не зря сейчас на белом свете
 Дождь идет.
 Мы одни под кровлею надежной:
 Дождь идет...
 Уж не зависть ли кого-то гложет?

Дождь идет.
Лучшей и не пожелаешь доли,—
Дождь идет.
А другим сегодня хорошо ли?..
Дождь идет.

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Три часа осталось до рассвета,
Через три часа уедешь прочь...
До рассвета — три часа, и это —
Словно три минуты... Чем помочь?
Как продлить их?..
Нам оставив полдень,
Уезжаешь через три часа...
Остается солнце...
По три, по две
Звезды покидают небеса...
Будет вновь закат. И в отдаленье
Вновь зажжется за звездой звезда.
Эти дни, минуты и мгновенья
Сложатся в недели и года...
Все еще повторится на свете —
Смены суток, года времена.
Ты приедешь, чтобы на рассвете
Снова бы грустила тишина...
Не повторятся минуты эти,
Этот предрассветный светлый сон:
Завтра будет уж вчерашним он...

ЖИЗНЬ

Пронесся я, жизнь, по дорогам
Верхом на крылатом коне,
Твоим причаститься тревогам

И радостям выпало мне:
Я мчался на быстром коне...

Бросая с улыбкой мне вызов,
Ты в путь увлекала меня.
Сама ж, из воды меня вынув,
Швырнула в пучину огня.
Ты в путь уводила меня.
Все будет еще, и потери,
И беды, и радость, и грусть.
Люблю тебя верно и верю:
Ответной любви я дождусь —
Все будет: и радость, и грусть...

ГОРЫ И РЕКИ

Я в горы влюблен. Я навеки
Влюблен в полноводные реки.
О, как и одни и другие
Похожи на судьбы людские!

Но как ни пленен вышиною,
Не рвался к ней сам никогда я:
И так убелен сединою
Я — словно вершина седая.

Реке я подобен: дорогу
Себе самому пролагаю,
То бурно срываюсь с отрогов,
То медленно вдаль убегая.

ИДУТ СНЕГА

Птица души моей, не выдержав тесноты,
улетела из клетки этой жизни.

Габдулла Тукай

**Идут снега, идут снега,
И в мире рано гаснет свет,
Затихли речки и луга,
А певчих птиц простыл и след.**

**Идут снега, идут снега,
Леса, продутые, стоят.
Они раздеты донага
И стоя спят, и стоя спят.**

**Но и во мне снега идут,
Во мне самом — который год...
И лес мой начисто продут,
Вот-вот последний лист падет.**

**О жизни чаща, тесно в ней,
Не все проклюнулись цветы,
Не все былинки между пней
Дошли до синей высоты.**

**В ней были годы, как стволы,
Что не восстали из земли,
И песни, чахлые орлы,
Что взмыть в пространство не смогли.**

**Эй, жизни клетка мне раз
Была узка... Из тесноты,
Как птицы ввысь, душа рвалась
И оббивалась о пруты.**

**Идут снега, снега идут...
Бел от снегов мой полувек.
Лежат снега и там и тут...
Пусть добрым будет новый снег!**

ЧТО ЗА ДЕНЬ!

Забуду ль тот июньский день воскресный,
Залитый жарким солнцем золотым,
Когда вдруг охватили свод небесный
И землю всю вокруг огонь и дым...
О горе городов и деревень!
Уж сколько лет с тех взрывов миновало,
Но чудится, а вдруг опять — сначала...
И именно сегодня, в этот день...
Горящий день... Горчайший день войны...
Проклятый, черный день ее рожденья...
...И надо же — такое совпадение!
Июнь.
Двадцать второе.
Воскресенье,
Селенье в окруженье тишины...
Вновь воскресенье...
Сабантуй намечен...
Такой вчера был ясный звездный вечер!..
Солнцестоянье? Хлынул проливной
И надо же — такое
В день сабантуя! Так не повезло!
Все по домам сидят. А дождь рекою
Разлившейся бушует, как назло!
На пастбище уныло бродит стадо,
В домах ютятся люди — мал и стар,
Да овцы — украшение отар.
Что предназначены борцам в награду...
Батыры чувят: этакой поре
Конец не скоро — ну и беспорядки!..
Глаза у ребятишек — во дворе:
Бежать бы! — так и чешутся их пятки!
А ливень льет. И под водой майдан,
Что для борьбы и скачек предназначен.
Ну, что за день!

Сплошные неудачи!
Солнцестоянье? Чепуха, обман!
Бранили люди зарядивший ливень,
Что лил и лил, никак не уходя...
А день прошел... И не было счастливей,
Благословенней этого дождя!..

22 июня 1969 года

МИЛЯШ¹

В саду под окнами моими
Шуршит миляш,—
Ее здесь посадил когда-то
Мой брат Гиляж.
Я рос, рвалась со мной рябина
Вверх, в вышину.
Но пробил час, ушли мы с братом
На ту войну.
Вернулся я, стою и плачу —
Миляш цветет.
Я здесь, миляш, а он обратно
Уж не придет.
Бела весной, красна к морозу,
Стоит миляш.
А мать глядит, вздыхая тихо:
— Где наш Гиляж?..—
Я в летний зной в тени зеленой
Пишу порой,
Пишу и вдруг вздохну: «Спасибо,
Мой брат родной!»
Мне даже кажется, что птицы,

¹ М и л я ш — рябина.

Слетясь в наш сад,
Его по-своему, по-птичьи,
Благодарят.
Когда уйду, мне ветки машут
И вслед глядят,
Как будто это брат мой старший,
Мой старший брат.

НЕ ИЩУ...

Погибших мы все еще ищем,
Неищущих, кажется, нет,
Но им до того ли — погибшим,
Что, сколько ни минуло лет,
Ушедших мы все еще ищем?..
Тыходишь опять в мои строки,
Пропавший без вести солдат..
Давно миновали все сроки,
Но я не ищу тебя, брат.
Без вести. Без вести. Без вести..
Но я не ищу тебя — нет!
Боюсь, что найду тебя, если
Напасть доведется на след.
«Он сам возвратится, поверьте,
Не надо искать — он в пути...» —
Сказала нам мать перед смертью..
Ушла она... Вести о смерти
До мертвых не могут дойти.
Живым для нее ты остался,—
Придет и мой час умереть..
Тебя я найти не пытался:
Живым оставайся и впредь...

ПЕСНЯ О КОРОВЕ

Коровой
Открывается коран.
С нее, с коровы, начал Магомет.
Не смейтесь!
Может, ей, корове, дан
Высокий жребий —
Мир спасать от бед.

И не коран, а жизнь собой начав,
Кормилица,
Бредет она, тиха...
Но кто из нас,
Рифмующих в ночах,
Ее прославил голосом стиха?

Недобрая
Летит ей вслед молва,
И бранное звучит сто лет подряд:
«У, бестолочь! Пустая голова!
Корова!..» И — «тупой коровий взгляд».

Смеются:
И — «корову разъярить,
Так может стать отчаянней коня...
Брыкается и норовит убить»!
О клевета!
Поклеп средь бела дня!..

Как снять с бедняги
Ложную вину?
Отчаянней коня! Сильней вола!
Когда ушли мужчины
На войну,
Корова

Целый мир поволокла,
Без возмущенья втиснулась в хомут
И потащила в поте. Чуть сыта.
Ее пасли — кто как, то там, то тут,
Доили,
Не снимая хомута.

И вывез он,
Коровий тихий нрав,
Была любая тягость вмоготу.
Не ей судить,
Кто прав, а кто неправ,
Она не ждет наград за красоту.

И памятников нет ей
До сих пор.
Нехватка бронзы, меди...
Время мчит,
С лошадки пересело на мотор.
А мир и до сих пор
Коровой сыт.
Не лишняя она
И в быстрый век.
Как без нее, тупой,
Наш умный мир?
Ведь он предпочитает, человек,
Чтоб мясо, молоко или кефир...

И оттого бранить ее — нельзя...
Вон движется, качаясь, как весы,
И, улыбаясь,
Смотрит вам в глаза
Средь кинозвезд
С газетной полосы.

Смеетесь:

**И — «корову разъярить,
Так может стать отчаянней коня...
Брыкается и норовит убить»!
О клевета!
Поклеп средь бела дня!
Отчаянней коня. Сильней вола.
Впряглась в хомут и мир поволокла.**

И Я ОСТАЮСЬ...

**Давно уж птицы певчие умчались,
Листою желтой замело дороги.
Одни немзыкальные остались,
Непевчие — синицы да сороки.**

**Непевчие остались... Отчего-то
Не улетают прочь...
И у меня ведь,
Как и у вас,
Есть крылья для полета
И есть земля, что не могу оставить.**

**И что земле родной судьба сулила,
То суждено и нам: и зной, и зимы...
Мы с нею — от рожденья до могилы,
Мы от нее — вовек неотторжимы.**

**Как доля перелетных птиц завидна:
Как любят их, как ценят их, гостящих!..
Зимующие, мне порой обидно,
Что вам цены не знают настоящей...**

**Как вы, я землю не могу оставить,
Где родился,**

И через перевалы
Лететь куда-то прочь...
И у меня ведь
Нет песни, что поется где попало...

Не странно ли, что с каждым днем
Встречаюсь с горем я все чаще?
Иль ветер буйствует свистящий
Нещадно на пути моем?

Не лист я, в свой последний час
Поникнувший под мгlistой далью.
Нет! Ветры времени всех нас
Равно ласкали и трепали.

Беды и радости — вдвойне
Нам время выдало... Всем — в досталь!
Судьбу, назначенную мне,
Я сердцем принял сразу, просто.

И радость в песню я вложил:
Пушай парит в земном просторе!
А горе?.. С ним живу, как жил:
Мое при мне осталось горе.

Пустить ли по ветру его?
Потом — ищи, как ветра в поле...
Нет! Выпавшее мне на долю
Оно — часть сердца моего!

СКВОРЦЫ

Мальчиком я был тогда... Сидел я
Целыми часами, день-деньской,
Глядя на скворечник, что я сделал
Сам — своею собственной рукой.
Замерев, сидел я — в ожиданье,
Что скворцы влетят в него вот-вот.
Но, оставив домик без вниманья,
Птицы продолжали свой полет,—
Не садились: выбирали, видно...
Глядь — и поудобнее нашли!
Ах, как было мне тогда обидно
Видеть, что соседний предпочли
И, в другом устроясь, песни пели
День-деньской веселою весной...
Детство... Отчего ж на самом деле
Птицы так пренебрегали мной?
Ждал я терпеливо, чуть не плача,
Не одумаются ль, наконец?
Но в моем — такая беда! —
Не гнезвился ни один скворец.
«Молодцу и ста ремесел мало!» —
Эту мудрость знал я с давних пор.
Жизнь меня учила, наставляла,
Мне вручив лопату и топор:
— Ведь не зря зовут тебя Наджаром¹ —
Имени всегда достоин будь:
Мастеру все рады, и недаром
Перед ним любой распахнут путь!.. —
...Сорок весен надо мной витали —
Годы, годы, годы... Сорок раз,
Как скворцы, являлись, улетали,
Дав на сорок тысяч дел наказ...

¹ Н а д ж а р — плотник (араб.)

Сорок тайн узнал земли и неба,
Бытия я понял волшебство...
Как узнать мне — был я или не был
Имени достоин своего?..
Жизнь! Влюблен я в карандаш, бумагу,
В лето, осень, зиму и весну,
В твои воды и в твою отвагу,
В твою скорость, в шум и тишину.
Мир опять в лучах и красках внешних...
Радуюсь, гляжу я день-деньской
На скворцов, обживших мой скворечник,
Что я сделал сам — своей рукой...

ОГНИ, МИНУТЫ...

1

Вечный огонь на земле,
Красный — из черной земли.
В полночь и в утренней мгле
Вспышки вблизи и вдали.
Вечный огонь под землей,
Свет непогасших минут...
Ввысь над водой под золой
Струи горящие бьют.
Меркнут минута и час...
Только б огонь не погас!

2

По земле рассыпаны
Вечные огни...
Жизнь идет... И светятся,
И горят они.
Искрятся минуты,
Полыхают дни!

И не гаснут вечные
Млечные огни...
Гаснут лишь минуты,
Догорают дни.

ЕСЛИ ОНИ В ПУТИ

Не только другу, но и врагу
мы не пожелаем зла...

(Из народной песни)

Чужды были для меня и странны
Всякие приметы и поверья.
Хоть вовек не верил им, теперь я
Чувствую — как будто след от раны,
Чуть заметный, еле видный след
Этих предрассудков и примет...
Помню я, из льна однажды мать
Стала холст мне на рубаху ткать
И сказала, севши за станок:
— Выбеги на улицу, сынок,
Да поторопись-ка возвратиться!..—
И вернулся мигом я домой...
— Ты летящей не видал ли птицы?
— Нет,— сказал я,— не было такой.
— На глаза тебе лежавший камень
Не попался ль? —
Был ответ готов.
— Как же — видел! — сообщил я маме...
С горечью всплеснула мать руками:
— До чего ж ты, мальчик, бестолков! —
...Позже я узнал, что по примете
Должен был другое я ответить:
«Я не видел камня у ствола,
Видел птицу в высоте полета!..» —
Чтоб нога моя легка была,
Чтоб легка была ее работа...

Ах, какое огорченье маме
Я доставил тем далеким днем!
Собственными видел я глазами,
Как она склонялась над холстом:
Стали нитки путаться и рваться,
И тогда мне начало казаться —
Это мои радости и счастье
Рвутся — распадаются на части...
И остался на душе осадок...
С той поры уж сколько лет подряд,
Если с кем беда ли, непорядок,
Думаю: не я ли виноват?..
Не меня ли встретили, в дорогу
Отправляясь на исходе дня?
Может, охватила их тревога
Из-за непутевого — меня?..
Тяжела моя нога, как в детстве,—
В ней причина неудач и бедствий...
...Чужды были для меня и странны
Всякие приметы и поверья.
Хоть вовек не верил им, теперь я
Чувствую — как будто след от раны,
Чуть заметный, еле видный след
Этих предрассудков и примет...
А потом я услышал иное —
Легкой, мол, рука моя была:
Кто-то, встретившись в пути со мною,
Завершил успешно все дела...
По каким дорогам бы ни шел я,
Я встречал и друга и врага.
Для одних — нога была тяжелой,
Для других — всегда была легка.
Не в моей, как говорится, власти...
Так бывало: я тут ни при чем...
Я-то всем желал добра и счастья,
Кто встречался на пути моем.

I

Горящая гора! Пласты пород горят,
 Дымишь и, значит, вся заполнена огнем.
 Так, масляный горшок завидя, говорят:
 «Блестит со всех сторон,— знать, много масла в нем».
 Горящая гора! В горении твоём
 Сокрыт великий смысл, волшебной тайны власть:
 Ведь люди, дотащась к тебе с большим трудом,
 Уходят прочь, испив целебной силы всласть.
 Горящая гора! Спасибо, что горишь.
 Наверно, это труд — гореть день изо дня,
 Гореть, и исцелять, и полнить гулом тишь,
 И жить лишь для того, чтоб не гасить огня.
 Наверно, в этом смысл! Гореть... Живем — горя,
 В горении пишу, горю, чтобы любить,
 И верю, что огонь горит во мне не зря:
 Кому-нибудь и он на пользу, может быть.
 Конечно, разный срок огню, что скрыт внутри.
 Кто я? Я не гора, я только человек.
 Могильной мглойдохнет — и, как там ни гори,
 Во тьме и холоде замрет твой краткий век.

II

Оттого ль, что белым-белы
 Янгантауские березки,
 Здесь и беды менее злы
 И заботы не так уж хлестки.
 Ну конечно, березам — честь,
 Но не только они тут славятся,
 Тоньше белых березок здесь

¹ Я н г а н - т а у — горящая гора. Естественный газ и жар ее являются лечебными средствами.

Янгантауские красавицы.
И стройны они, и чисты —
Роща звонкая синью летнею...
Ах, гора, хоть целебна ты,
Но их взгляды еще целебнее.
Мчится жизнь!.. Под уклон и вскачь...
Повстречаешься с белолицею,
И душа заболит, хоть плачь,—
Уравняется с поясницею.
Да, всему-то свой срок и час,
Нам — гора, ее жар и жалость,
А красавицам, им не нас —
Им других исцелять досталось!

III

Сколько лет
Еще гореть?
На костре стою...
Землю я хотел
Согреть,
Жизнь согреть свою.
Я влюблялся
И горел,
Погорел на том.
Я стихи писал —
Горел,
Жег за томом том.
И теперь еще
Горю,
Век в огонь смотреть,
И спасибо
Говорю,
Что могу гореть.

ТЯЖЕСТЬ

Все в мире тяжело,—
Так повелось от века,—
И холод, и тепло —
Все трудно человеку.
И камень,
И вода,
И сталь,
И воздух даже,
Под плугом борозда —
Какая это тяжесть!
Луч солнечный — и тот
Порой нас держит в страхе,
И стонет пешеход
Под тяжестью рубахи.
Рождение — колдовство,
И смерть — неотвратимость.
Все трудно... А всего
Трудней — необходимость
В борении с судьбой
Не отступить, не сдаться.
К концу — самим собой,
Сами собой остаться.
Разлуки — тяжелы,
Трудны порою встречи,
Но я их, как узлы,
Готов взвалить на плечи.
Провалы на пути,
И чувство без ответа,—
Но человек нести
Способен тяжесть эту.
Но если друг — врагом...
Как в ясном небе — гром...
Тогда беда — огромна
И тяжесть — неподъемна...

ИЗ ВОДЫ

О сказка детства, ты всегда жива,
Хоть и прошло оно и не вернется...
Вновь слышу материнские слова,
Что, мол, она нашла меня в колодце.

Я, в самом деле, верно, из воды,
Процентов, говорят, на девяносто...
Что с этим спорить? Право, нет нужды!
О том писали и твердили в досталь.

А не похож ли я на шар земной?..
А на земле воды-то разве мало?
Речной, и дождевой, и ключевой?..
О, как они поют — ключи Урала!
О, сколько родников в горах у нас,
И каждый — звонкий неумолчный саз...

В стихах моих, наверно, оттого
Так много родников
И рек немало,
И песни все народа моего
У вод земли моей берут начало.

Процентов девяносто в нас — вода:
О, сколько в ней блаженства, сколько силы!
Конечно, без огня не жизнь — беда!
Но ведь и без воды — невыносима...

Какие грузы не несет вода!
И сколько из нее исходит света!..
Хоть и грозит несчастьем иногда,
Щедротами се жива планета.

Коль выхожу порой из берегов,
Безумствую — вы не судите строго...

Вода порою рвется из оков,
Не чужды ей ни радость, ни тревога.

О грезы детства! Рвусь душою к ним...
Хоть детство далеко и не вернется...
Иль в самом деле, факт неоспорим,
Что мать моя нашла меня в колодце.

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

Земной простор — он величайший мастер,
Певец, художник, он творить готов:
Напевы птиц — в его извечной власти,
Цвет трав, звон ветра, запахи цветов,—

Все это для земли — не струны ль саза?
Поет земля — мир, слушая, притих...
Земля, не прожил, верно б, я и часа,
Когда бы слов не понимал твоих.

МОЕ ЦАРСКОЕ СЕЛО

...Отечество нам Царское Село.

А. Пушкин

Пристанище у всех поэтов есть,
Как у любой вершины — основание.
Миништы! Всех начал начало —

здесь,
О, Царское Село, приют мой
ранний!

По-царски район наш богат,
И все есть в деревне моей.
Нет в ней только царских палат,
И золота нет, и царей.
Но есть золотая земля
И души людей золотых,
И есть золотые поля,
И волото зерен на них.

И все-таки есть тут цари,—
Махмуд, Шарифьян... А отец?
Уж чем не цари, посмотри,
И что им венец, наконец!..
Отец мой был истинный царь,—
Как пел он — куда там царям!
А песня ценилась и встарь
И ныне не лишняя вам.
На всех сабантуях у нас
Прославился голос его...
Ах, если б успел я хоть раз
Взглянуть на отца моего!
А отчий мой дом был дворцом,
Сияющим и золотым,—
Солома блестела на нем
Торжественным блеском своим.
И что ни возьми, наугад,—
Все было роскошно вокруг.
Предгорья и солнечный сад,
Медовые липы и луг.
Дубравы, прохладные в зной,
И лебеди в сини озер,
И яркость цветенья весной,
И царственный лета убор.
Мой край — это щедрость земли,
Богаче он царских богатств,
Какие цари бы смогли
Создать то, что край наш создаст!
Ах, край мой! Здесь каждый — поэт,
Здесь школа — почти что Лицей...
Второй такой, думаю, нет —
Поспорить со школой моей...
Амбар, перестроенный в класс,
И Ленина давний портрет,
Глядевший на доску, на нас,
На мой полотняный бешмет.

И слушал внимательно он,
Смотрел, улыбаясь светло,
И видел сквозь стекла окон
Все Царское наше Село...
О здешних царей сыновья,
Союз наш прекраснейшим был!
Здесь, валеный мяч свой гоня,
Мы все выбивались из сил,
Вонзали сто стрел в небосвод
И мчались в степи на конях,
Рубах наших парусный флот
Вздувался в безоблачных днях...
Здесь шел я, вцепившись в свой плут,
По вешнему полю босой,
И искрился солнечный круг
Над первой моей бороздой.
Здесь первый мой стих зазвучал
И робкое слово возшло...

Миништы... Начало начал...
О Царское наше Село!

ДВА КАМНЯ

Наталии Пушкиной

Что это вдруг с душой моей?
Обида, ревность, боль теснится...
Игра судеб не в громе дней,
Судьба, она столетья длится.

О эти игры! Рок, мечты...
Один клубок, в сплетеньях вечных.
Две черных каменных плиты,
Два знака жизней быстротечных.

Наталия, о Натали,
Прославленная в дивных строчках,
Под этот камень Вы легли,
Под тот — Ваш муж. Два камня прочных.

Что это вдруг с душой моей —
Обида, ревность, страсть мужская?
Вы — Пушкина. Судьбой своей.
Вы Пушкина, Вы не Ланская.

Пусть крест над ним в другом краю,
Вы часть его, лишь Вы — с ним рядом...
И я смотрю на Вас, стою,
Столетия обнимая взглядом.

Сквозь них смотрю... Я в Вас влюблен...
Мечта запретна, несуразна?
Пускай... В красавиц всех времен
Мы влюблены однообразно.
Восточной крови адский жар,
Он и во мне притих с годами,
Но скорбь и ревность — все смешал,
Разжег во мне Ваш черный камень.

Но что теперь Вам гнев судьей,
Темны чужой беды пределы...
Стою над тишиной камней —
Зачем один из них не белый?

Зачем, зачем... В душе моей
Обида, ревность, боль теснится.
Игра судеб не в громе дней,
Судьба, она столетия длится.

На зимнюю Казань ложилась мгла.
Все краски стужа, не щадя, стирала.
А женщина сквозь зимний холод шла
И путь певца цветами устилала.

Судьба поэта солнечна порой,
Порой являет грустную картину...
О женщины! Судьбы двуликой той
Вы делите какую половину?

А что — дороги ваши иногда
Цветами устилали ли поэты?
Любовь их — проходила без следа?
Пришла — ушла? Ищи-свищи по свету?..

На вас извечно падали лучи
Их вдохновений, — чтоб потом навечно
Вы, превратившись в звезды, не в ночи
Вдруг засверкали — в душах человеческих.

Матильда — Гейне... Пушкин — Натали...
Бернс — Дженни... О, вы были, были, были!..
И в этот ряд имен в наш век легли
Еще другие: Амина — Джалиля...

Чтоб просиять, чтоб длиться и сейчас,—
Одно мгновенье Анны Керн воспето.
Красавицы! Не для себя — для нас
Вас славили великие поэты.

Красавица сквозь зимний город шла —
Поэта путь цветами устилала...
На зимнюю Казань ложилась мгла,
И стужа краски, не щадя, стирала.

★ ★ ★

«То ты жарок, как огонь,
То ты холоден, как лед,
То горит твоя ладонь,
То смертельной стужей жжет»...
Недовольна ты, а мне
Что сказать тебе в ответ?
Только звездам в вышине
Просто лить свой ровный свет,
Только им... Но посмотри —
Ночь, и день, и туч гряда;
В бездне тьмы, в луче зари —
Равный свет нам шлет звезда.

ПРИДЕТ ОНА ИЛИ НЕТ?

Я девушку, прелестное создание,
Увидел и назначил ей свиданье.

И вот стою и жду,
И час, как год.
Стою и жду:
Придет иль не придет?

И кажется мне —
Где-то и когда-то

Я видел этот взгляд,
Мечтой объятый.

В него вошла
Вся красота земная,
И он в меня вошел,
Насквозь пронзая.

И жжет огнем,
И больно, как в аду...
Придет иль нет она?
Стою и жду.

Мне кажется,
Что где-то... Нет! Но все же...
На молодость мою
Она похожа.
Стою и жду,
Скорей бы тьма сгущалась...
А молодость —
К кому же возвращалась?

ДВА ДЖИГИТА

Два джигита шли по улице,
Два джигита шли.
Пели песню развеселую,
Пели, как могли.

Вдруг притихли, смолкла улица,
К ним из-за угла
Вышла девушка красивая,
Мимо них прошла.

И один джигит товарищу
Тихо говорит:
— На тебя глядит красавица,
Ну, пропал, джигит.

А другой ему: — Выдумывай!
Это ты — пропал,
По тебе метнула стрелами,
Ты и наповал...

Шли по улице приятели,
Головы склоняя,

Каждый думал: «А ведь истинно:
Не его — меня...»

Ну, а девушка, по совести,
Не видала их,
Торопилась... Где-то, может быть,
Ждал ее жених.

А джигиты шли — да кто ж они? —
Пленники мечты...
Я — один. Другой, не смейся, брат,
А другой был ты.

* * *

Из свертка жизни неудобного
Роняю годы, счет сбивая.
Давно иду, а слова доброго
Все вам сказать не успеваю.
Слетают годы, горем сброшены,
Слетают, ветрами кружимы...
Но ты пришла ко мне, хорошая,

И потеплели даже зимы.
Идем с тобой, все делим дочиста,
И легче шаг, и путь быстрее...
Боюсь, сказать того, что хочется,
Тебе за жизнь уж не успею.

* * *

Дорога, море, горная гряда,—
Я одиноким не был никогда...
Когда вздыхал: «О, как я одинок!..» —
Сказать по правде, пес лежал у ног.

А не было его — и я с травой,
С деревьями вел разговор живой.
Их не было — надежды не терял
И тайны сердца звездам поверял.

Когда же тучи поглощали их,
С моей души туман срывали вмиг
Стихи мои — и радость, и беда,—
Я одиноким не был никогда.

* * *

Уж полночь.
Один за другим
Огни уползают за ставни...
Мне кажется, с миром большим
Один на один я оставлен.

А в мире еще — до сих пор —
Тревога живет,
Не смолкая.

Спит дочка моя.
Спит наш двор.
Лишь я только глаз не смыкаю.

И вслушиваюсь в тишину,
И хочется спать — да не спится...
Все кажется: если усну,
Вдруг что-нибудь с миром случится!

ЦВЕТЫ СОЛДАТА

Где замерли курсанты в карауле
Перед стеной, чьи дороги черты,
К щекам надгробья горестно прильнули
В знак неувядшей памяти
Цветы.
Я с неизвестным воином когда-то
Шел в бой под небом фронта одного...
— Скажи, цветы все эти для солдата? —
Шепнула дочь.
— Да, это для него!..—
Потом бродили мы Нескучным садом.
Цветам на грядках не было конца.
И дочь спросила их, окинув взглядом:
— Тюльпаны эти тоже для бойца?
— Да, для него! — сказал я дочке малой,
А сам, с виска откинув седину,
Былой солдат и человек бывалый,
Переживал минувшую войну.
И вот на днях, где речка в белой пене,
Гуляли мы на тихом берегу.
Дочь, пред цветами преклонив колени,
Букетик собирала на лугу.
Цвела ромашка.
Горько пахла мята.

Вдруг сжалось сердце у меня опять.
Сказала дочка:

— Я цветы солдата
Хочу сегодня для тебя собрать.

* * *

Дочери Алсу

Черное море, взгляни на меня,
Взгляни голубыми очами,
Тону в твоей сини и в ясности дня,
Спешу за твоими лучами.

Будто ловлю белогривых коней,
Волны за холки хватаю,
Словно лечу за мечтою своей,
Мчусь к незнакомому краю.

Все беспокойство мое и покой,
Все мое счастье и горе
Там, в глубине твоей, светлой такой,
В тайне веселого моря.

Вот и стою я, стою перед ней,
Привороженный навечно
К взгляду единственной дочки моей.
К сини его человеческой.

РАННИЙ СНЕГ

Лег первый снег на травы и кусты.
Белы поляны в снеговом покрове.
В саду пустынном
красные цветы

На снежной белизне,—
Что капли крови.
Цветы и кровь...
И снега белизна...
Вдруг юности припомнились мне троны,
Тревожная пред боем тишина
И первый снег на бруствере окопа.
Осенняя заря...
Горячий бой...
И кровью друга белый снег окрашен,—
Тот первый снег,
Что ранней сединой
Навеки на висках остался наших.

СОЛДАТЫ, СОЛДАТЫ...

Участникам боев под Москвой

Солдаты, солдаты,
Вы помните наши пути,
Где шли мы когда-то?..
Солдаты, солдаты,
Лишь в песнях по ним нам идти...
Лишь песни да годы
Тот пепел дорожный хранят,
Лихие походы
Да залпы побед и утрат...
Солдаты, солдаты!
Да что это с вами стряслось?
Солдаты, солдаты,
Суровая плата —
Серебряный пепел волос...
Рты горестно сжаты,
Да искры непролитых слез...
Солдаты, солдаты,
Да что это с вами стряслось?

Сказали солдаты:
— Увы, наша жизнь коротка.
Но временна старость,
Что нам не досталась,
А молодость длится века...
Пожаром объята,
Мы в ночь не ушли без следа...
Солдаты, солдаты,
Мы молоды вечно.
Всегда!

ТЮБЕТЕЙКА

Мне детство вспомнилось...
Сейчас
В свою деревню мне бы!
Там тюбетейку хоть бы раз
Свою подбросить в небо.
И может быть, мне повезет,
Хоть мне везет не часто:
Внезапно с неба упадет
Мне на голову счастье!
...Как были дни тогда ясны
И как звенели листья!
О игры детства, вы полны
Тайн — только не корысти!..
Как ждали мы среди тишины,
Полны азартной страстью —
Вот тюбетейка с вышины
Несет кому-то счастье!
Упала наземь — не беда.
Еще разок подбросим!
Ловили счастье мы тогда
И раз, и пять, и восемь...
Но не везло мне,

Не везло! —
Судьба меня пытала,
И тюбетейка, как назло,
Все мимо пролетала.
Но проходил за годом год,
И детство подрастало,
А в мире все — наоборот,
Вдруг уменьшаться стало.
И меньше становился двор,
И улицы — короче...
И новый головной убор
Нам чуда не пророчил.
И разошлись тогда пути,
Подъемы

и ступени,

Смогли нас годы развести
По разным направлениям.
Упрямой жизни колесо
Вертелось и вертелось.
Порой мороз нам жег лицо,
А нам тепла хотелось...
И были годы — внешний свет!
Земля казалась садом!
Катились годы — жизнь и смерть
Шли неразлучно рядом.
Огнем объят был шар земной,
Вокруг орудья били —
Под тюбетейкою одной
Бедя и радость были.
Живой,
Врага я своего
Поставил на колени.
Вершиной счастья моего
И было то мгновенье!
Да, жизнь изведаль я сполна,
Ее не переспоришь!

Вкусить заставила она
И соль свою, и горечь.
Молчит о жизни, может быть.
Иной — устал иль занят...
Но кто начнет ее хвалить —
Уже не перестанет!
Плывешь ты, свет в себе неся,
О ширь моя земная!
Тобой насытиться нельзя —
Я это твердо знаю.
Я сладил с горем и бедой,
Дымился путь мой ратный...
«Ты под счастливою звездой
Родился!» — говорят мне.
Идет землей моей, звеня,
Весна, как чудодейка...
И вправду: с неба на меня
Упала тубетейка!

Все с опозданием пришло ко мне,
Как будто добиралось через силу:
Так, опоздав — не по моей вине, —
Мне молодость виски посеребрила,
Явилось вдохновенье — не к юнцу,
Да и любовь дорогу разыскала,
Когда уже казалось — не к лицу
Такая страсть,
 чтоб душу потрясала.
Я до конца еще не разрешил
Загадку жизни и ее дороги...
Куда б ни шел я,
Как бы ни спешил —
Всегда подолгу мешкал на пороге.

Как будто цели я достиг вполне,
Но жду чего-то,
Тороплюсь куда-то...
Все с опозданием пришло ко мне:
Знать, родился на свет я рановато.

Я ЗАДУМАЛ УЕХАТЬ

Мустаю Кариму

Люблю друзей кавказских братство,
Стихи их — помню наизусть...
В дорогу трудно ли собраться?
Я тороплюсь,
я тороплюсь!..

Там от подножья до вершины
Стихам и песням счета нет!
Утесы, воздух ли причиной,
Но каждый третий там — поэт!

С Уралом вышел я проститься.
Кого ни встречу, все подряд —
Тропинки,
травы,
люди,
птицы —
«Счастливый путь!» — мне говорят.
«Счастливый путь!» —
кричат дороги.

«Путь добрый! —
говорит Урал.—
Дарю тебе свои отроги,
Чтоб ты с собою их забрал.

Чтоб из камней могучих высек
Стихи в звенящей тишине

**И братьям на кавказских высях
Вручил как память обо мне.**

**Бери ручьи с моих опушек,
Стволы стройнее выбирай...
Наверно, нет у них кукушек,
Неведом никому курай.**

**Кумыса забирай целебность,
Но преврати все это в стих.
И нежность девушек,
И ревность —
Тебе ведь не прожить без них...**

**Все забирай, что ты захочешь,
Все, что ты любишь, чем ты жив:
Свечение гор, прохладу ночи
Бери,
В стихи переложив.**

**А если стих не удастся,
Тогда — увы, — кляни судьбу,
Тебе весь этот груз придется
Тащить на собственном горбу...»**

**...Земля моя!
О, как добра ты
С рожденья к сыну своему!
Земля моя!
О, как щедра ты —
Твоих даров не подниму!..**

**Земля! Я мальчик оробелый
Перед тобой — сейчас и впредь...
Не хватит мне и жизни целой,
Чтоб все, что ты даешь, воспеть!..**

О, что б я ни делал, мне все не хватает чего-то,
 Не все получается в жизни моей, как хочу...
 Ухабы, колдобины, рытвины и повороты —
 Грохочет телега, которую трудно тащу...
 Не все получается в жизни моей, как хочу...

Чем дальше я двигаюсь — кажется воз тяжелее.
 Он впрямь тяжелее? Иль сила не та, что была?
 Все время меняется мир и дорога — а с нею
 Меняются люди, их планы, заботы, дела...
 А воз мой тяжел... Или сила не та, что была?..

И долго ль еще по дороге тащить этот воз мне?
 Не смог натянуть я гужей, чтобы выровнять ход!
 Трясет и трясет. И под вечер уж стало морозней...
 Телега моя все грохочет — не час и не год, —
 Тянуть мне еще и тянуть...

АЛЕНУШКА

В моей комнате давно
 висит репродукция с кар-
 тины В. М. Васнецова
 «Аленушка».

Мне говорят,
 Что я живу с умом,
 Без перемен,
 в покое и достатке,
 А мы с моей Аленушкой вдвоем
 Переживаем молча неполадки.
 Нет общего меж нами языка,
 Но я терплю,
 Смотрю на вещи просто:
 Она грустна — и я грущу слегка.
 Она одна — и я знаком с сиротством.

Тут никто б и не заметил кочку ввек.
Спотыкается, однако,
Не о гору,
А о маленькую кочку
Человек.

* * *

— Печали,
 к моим вы стремитесь воротам,
Бесчисленны,
Словно речные валы...
— Тебе бы казалось, что меньше нас счетом,
Когда бы мы были не так тяжелы.
— Где прячетесь, радости?
 Много ль вас стало?
«Вернитесь!» — молил.
Вы не вняли мольбе...
— Считал бы ты сам, что числом нас немало,
Когда б тяжелей доставались тебе.

ЗЕМЛЯ И ЦВЕТОК

Лишь чуя почву под собой,
Росток пускает завязь.
Кого ни взять —
 идет любой,
Цветами восторгаясь.
«Ах, ах! Цветок!
 Взгляни, — вон там...
Ах, красота какая!..»
Цветок красуется, к хвалам
И вздохам привыкая.

Не скажет:
«Дело ведь в земле,
Она за нас хлопочет!..»
Ему, привыкшему к хвале,
Что вспоминать о почве!
Но коль завянет он — молва
Взовьется вмиг, крылата:
«Вот жалость — почва такова,
Все — почва виновата!..»
Мы мним себя цветком таким,
Прекрасным, между прочим...
Ну, а на землю не глядим,
Ее ногами топчем.

* * *

Жизнь — она всего тебе отвалит:
Похвалы и взбучки — все подряд.
На душе легко, когда похвалят,
И трудней, когда тебя бранят.

Подделом попало! Только польза,
Слушай — да наматывай на ус!..
Но похвал несправедливых бойся!
Я и сам их как огня боюсь!

КАМЕНЬ

Так повелось, что говорят извечно,
Когда людские осуждают души:
«В нем сердце — камень!» — о бесчеловечном.
«Он камня холодней!» — о равнодушном.
Что знаешь ты о камне многоликом!
Взгляни — где только камень не поставлен?

Простым надгробьем или обелиском —
Чтоб след людской был на земле оставлен.
Уходят люди.
Сто и сотни тысяч —
Уходят...
И проводим их едва —
Мы над плитой склоняемся,
чтоб высечь
Тяжелые и скорбные слова.
Мы имена на камне пишем,
Пишем —
История в небытие не канет:
Она живет и на страницах книжных,
И на страницах каменных — на камне!
Утраты наши на плечи взвалив,
Несут их в вечность камни —
и не плачут.
Бессмертны песни.
Только их порыв
Не в силах груз поднять,
что камни тащат!
У горя на часах веками стыть,
У радости,
отпущенной по каплям...
Попробуй-ка холодным ты не быть,
Попробуй-ка не быть при этом камнем!..

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Осенний лес...
Осыпалась листва,
И все вокруг как будто позолочено...
Шуршат о чем-то листья озабоченно,
И что-то шепчет им в ответ трава.
О чем они?

Несут какую весть?
О, знаю!
Ведь они всему свидетели...
Как мы с тобой вдвоем бродили здесь,
Никто не видел,

а они — заметили.

Да, мы вдвоем здесь были.

Ты и я...

Но неразлучны с нами тем не менее

И каждый лист,

и стебель,

и земля,

И дерево,

И зарево цветения.

И тайну нашу ревностно храня,

Любовь оберегали от вторжения,

Когда бродили мы на кромке дня

В самозабвенном головокружении.

Те дни я воскрешаю вновь и вновь:

О, как мы были празднично неистовы!..

И нас переполнявшая любовь

Слилась с землей,

травой,

цветами,

листьями...

Осенний лес...

Течет листвы поток,

И все вокруг как будто позолочено...

О чем-то листья шепчутся у ног —

Обрадованно или озабоченно?

Топчу их...

Но их свет моя душа

Хранит: она любовью не пресытится...

О, эти листья, шелестя, шурша,

Не по моей вине

на землю сыплются.

РАЗВЕ МОЖНО НАЗВАТЬ ОСЕНЬЮ...

Есть у жизни и осень своя,
И весна...

Да, весна моя только снится мне!

Надо мной в синеве,

что без края,

без дна,

Журавли летят вереницами.

Нынче осень была

Так светла,

Так тепла:

Зелень веток плескалась в просини,

Над цветами жужжала, дрожала пчела —

Разве можно назвать это осенью?

Мчались грозы, свои утверждая права,

Будто их из весны перебросили,

И стояла в лугах по колено трава —

Разве можно назвать это осенью?..

Наступают по-разному осени дни,

Да и весны —

По-разному длиться им!

Точно знают свой срок

Журавли лишь одни:

Прилетят-улетят вереницами...

Видно, впрямь моя осень ко мне подошла,

Коль припомнились весны тревожные.

Но взгляни —

Сколько света вокруг

и тепла...

Называть это осенью можно ли?!

НЕТ, ЭТО НЕ ЗИМА...

Под снегом замер летних тропок бег.
А снег летит на землю,
Белокрыл...
Нет, это не зима...

А просто снег
На время прелесть лета схоронил.
И мне сдается, вновь вода цветет,
И я кувшинку для тебя сорвал.
Нет, это не зима...

Лишь цепкий лед
На миг поверхность озера сковал.

Сквозь лед взгляну и глаз не отведу
С голубизны, нашедшей там приют.
Нет, это не зима...

Смотрю — во льду
Цветут кувшинки.
Все еще цветут.

Бреду лугами,
Где звенел твой смех...
Где средство от тоски, коль нет тепла?
Нет, это не зима...

А просто снег
Идет, чтоб в строки грусть моя вошла...

* * *

Был год нелегок для меня —
Не буднями,
А торжествами:
Когда речей вечерних пламя
Вдруг затмевало ясность дня...

Бог весть — где правда, а где — ложь,
И в чем особенность застолий —
Когда в кругу — по доброй воле —
И враг, и друг...

Не разберешь...

Иль справедлив такой закон,
Я ж — бестолков, глупец последний?..
...Тот про того вчера плел сплетни,
А нынче — с ним в обнимку он!..
О, как щедры в улыбках мы!
Не потеряли ль мы им цену?
Но сквозь улыбку
Вижу стену,
Завесу,

зыбкость,

полог тьмы...

О простота!

Твой чист родник,
Но сохнет — коли бьет беспцельно..
Не всякий в истину проник:
Что подлинно,
А что — поддельно.
Под грузом бед нелегок путь —
Но силы наши прибывают..
А в сущих пустяках, бывает,
С мученьями мы ищем суть!
Ко мне все это, признаюсь,
Относится —
И в полной мере..
Большой не будет в том потери —
Коль с воза невзначай свалюсь..
На тяжести — нам хватит сил, —
Пред легкостью б — не оробели!..
Меня застолья одолели:
Год для меня нелегким был.

ВОСПОМИНАНИЕ

Памяти друга

Теперь все чаще я припоминаю
Далекое, прошедшее давно.
Чего не понимал я — понимаю:
Все явственней мне видится оно.
Все явственней.
В полуденном сиянье
Надежды пролагают путь вперед,
А позади — стоят воспоминанья,
Посередине — человек живет...
Тебя сейчас я вспомнил...
И устало
Я на море смотрю на склоне дня:
Кого только оно не обнимало —
Но ни тебя не помнит, ни меня.
А волны набегают,
Волны бьются
О камень,
Где сидели мы с тобой...
Но камни ничему не поддаются,
Лишь обрастают иногда травой.
Да, нет тебя...
И я не вечен тоже...
Проходит время — смена дня и тьмы.
Незыблем камень...
Но прекрасно все же,
Что рождены не каменными мы.

* * *

Я Новый год среди друзей встречаю,
Но жаль одно: что ты не с нами тут.
Год начался...

Всем сердцем ощущаю,
Как он прекрасен с первых же минут.
И в этот час,
Когда сердца готовы
С волнением встретить радостный восход,
Ты для меня сама —

как этот новый,

Еще не прожитый,
Чудесный год!
В разлуке мы...
Кто сам ее изведаль,
Лишь тот поймет, как грустно мне сейчас.
И все же рад я,
Что не скорбь,

не беды,

Моя родная, разлучают нас.

Нет между нами

ни огня,

ни грома,

Ни дымной мглы...

Морозный воздух чист.

Лишь тихо-тихо снег на кровлю дома,

Как легкий пух, ложится, серебрист...

* * *

Строка моя, какая ж ты по счету?..
Я жизнь свою по строчкам вспоминал.
Все блага мира,
Все круги почета,
Все радости — на песни променял.
Которая по счету капля эта
Из долгих дум, родившихся в душе?
О жизнь моя,
Родник огня и света...

Все потери, все добрые вести,
И родная земля моя,
И небеса —
Все в душе материнской вместилось.
Сколько раз!
Сколько раз я смотрел ей в глаза —
О, какая в них нежность светилась!..
Я в глаза ей смотрел.
Я читал в них свое —
Материнская нежность безмерна.
Мать уйдет.
Но останется нежность ее —
Материнская нежность бессмертна.
Я в глаза ей смотрел.
Сколько раз!
Сколько лет!
Но когда в смертный час
На последний рассвет
Посмотрела она,
То впервые
Я, в глаза ее глядя,
Увидел их цвет,
Я узнал,
Что они — голубые...

СОН

Я маму увидал во сне:
— Сынок, ты знаешь, умерла я, —
Ушла навечно, умерла я, —
Уж вышло так, поверь ты мне!..

Я в этом мире, жизнь любя,
Все приняла как дар, как милость.
Я лишь затем сюда явилась,
Чтоб подарить ему тебя.

Я — это ты,
Живой, земной,
Ты кровь моя, мои заботы...
И вот сейчас ты шепчешь что-то,
Как будто говоришь со мной.

Нет, не со мной!
Как наяву —
Ты говоришь с самим собою:
Ведь я слилась с твоей судьбою,
В тебе дышу,
В тебе живу...

Тобою став, бесследно я
Не сгнула —
Уж так случилось...
Я в этот мир затем явилась,
Чтоб подарить ему тебя.

НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ЛИШЬ ЛЕБЕДИ...

Проходит день за днем.
За годом год.
Все предо мной — твой скорбный час
последний,
Когда был залит черный небосвод
Сиянием зари вечерней летней.

Летят за годом год, за годом год —
Как птицы — за мгновением мгновенье.
И я пускал их, как птенцов, в полет,
Я торопил,
И верил в возвращенье.

Где птицы те?
Тебе уж все равно:

Они — как мироздания пылинки...
Но я еще иду по той тропинке,
Где шли мы так немислимо давно.

С тобой...

Тропа окутана печалью.
Чернеют тени, желтизну дробя,
И никнут травы, будто лишь узнали,
Что в нашем мире больше нет тебя.

Не оттого ль и меркнут небеса,
И блекнут пожелтевшие просторы,
Теряют свою праздничность леса,
И покидают лебеди озера?..

Эх, лебеди...

Их песни — волшебство
Весенней полночи неповторимой —
Впитались в душу детства моего
Мелодии земли моей родимой.

Но ветры прочь мелодию несут,
Землею лязг и скрежет овладели,
Слетает цвет черемухи в мазут,
И лебеди к озерам охладели.

И что-то происходит со стихом,
Но я пишу — пока тропинка вьется,
Пишу,
Пока она не оборвется,
Спешу,
Одолевая бурелом.

Ты, помню, мама, говорила мне:
— Ведь в детстве ты, сынок, чего-то

СТОИЛ...

Ребенком ты все мастерил да строил —
Да стал слагать вдруг песни в тишине.

Ты — как Фаррах...

Да ладно ли живешь?

Сынок, уж лучше занялся бы делом!

Ай-хай, да на кого ж ты стал похож?!

Ведь, кажется, здоров душой и телом...

...Да, как коня на скачках, занесло

Вдруг в сторону меня —

Права ты, мама:

Ведь всякое любил я ремесло,

Ведь добивался своего упрямо...

Но требует особого труда,

Высокого накала — стихотворство,

И самая великая беда,

Когда в нем нет души —

Одно упорство.

Ремесленничество — не мастерство,

Не ремесло! — для купли и продажи,

Душа не продается,

и мертво

Изделие — пусть из тончайшей пряжи...

Твой сын — я вроде не был бестолков, —

И хоть мои страницы ты читала,

Причиной неудач и катастроф

Ты батальоны строф моих считала.

Я радостную весть тебе несу:

Зажжен очаг мой — пусть зайдет

прохожий!

Увидела б ты дочь мою Алсу —

Ах, как же на тебя она похожа.

Я вижу в голубых ее глазах

Тебя,

Как будто ты стоишь живая!
С ней рядом —
На земле и в небесах
Вновь красоту как будто открываю.

Да, на коня, что в сторону хватил,
Похож я — усомнятся в том едва ли!
Ведь я тогда лишь к жатве приступил,
Когда соседи уж снопы вязали.

О многом сожалею я теперь —
Как видно, жизни нет без сожаленья...
Но бесполезным не был я, поверь!
И все равно — прошу сейчас прощенья...
«Почаще приезжай!..»
О, как я рад
Являться вновь и вновь
К родным просторам...
Вот только жаль,
Что лебеди назад
Не возвращаются к моим озерам...

ПУСТОТА

Ты одна в душе моей жила,
Тайной сокровенною была...

Но в дурную, в тяжкую минуту
Справиться с собой не стало сил,
И тебя я расхвалил кому-то,
Хоть никто об этом не просил.

Для чего?.. Кому такой я нужен,
Сам себя обворовавший вор?..
Пустота в душе... Я — безоружен,
Сам в себя я выстрелил в упор.

Река от реки, повстречавшись,
Вовек еще не убегала.
Такого еще не случилось,
Такого еще не бывало,
Чтоб реки, коснувшись друг друга,
Бежали бы в разные стороны
В лесу, по ущелью, по лугу,
Гонимые праздными спорами...
При встрече сливаются реки:
Так было и будет вовеки!
Сливаются реки, сливаются,
А люди-то с места срываются
И — прочь! Расстаются, расходятся...
У речек такого не водится...

Мы идем по осенней чаще
Тропкой, устланною листвою...
Счастье это — или несчастье —
Так вот рядом идти с тобою?

В сердце — свет весны настоящей...
Счастлив я!..
Я живу с тревогой...
Говорят, несчастье и счастье
Ходят рядом —
Одной дорогой.

РОГ

Трое дюжих молодцов,
Трое славных молодцов,
В круг усевшись, пьют вино

За детей и за отцов.
Пьют вино они из рога,
Тост за тостом говорят,
И бутылки у порога
Опорожнены стоят.
Рог доставлен им с Кавказа,
Рог плывет — за кругом круг.
— Эй, возьми и выпей сразу,
Да не вырони из рук! —
Так сидят они давно,
И поют, и пьют вино,
Пьют до дна не без причины
Три досужих молодца:
Ведь мужчина — не мужчина,
Если пьет не до конца!
— Я, — сказал один, — медведя
Сшиб ударом кулака!..
А второй: — Я на рассвете
Как-то раз свалил быка!
— Эх, слона б мне! — шепчет третий. —
Жаль, их нет у нас пока!.. —
...На дворе уже темно,
А они все пьют вино.
Каждый горд, хвастлив и пылок,
Лица их огнем горят...
Опорожненных бутылок
Все длинней и звонче ряд...
Вдруг я вижу — что такое?! —
Хлоп! — лежат вповалку двое,
Третий тоже — будь здоров!..
...Эх, слона б!.. Жаль, нет слонов...
Гаснет на небе заря,
Спят все три богатыря.
Первый положил медведя...
А второй быка свалил...
И за рог схватился третий.

Спят.... Без памяти... Без сил...
Всех троих ударом с ног
Сбил всего один лишь рог.
Рог, что их боднул слегка, —
Крепче всякого быка...

ЗДРАВСТВУЙ, БОБИК ¹

Как я рад, что живой и здоровый,
Лаешь ты среди огненных роз,
Дома творчества житель дворовый,
Славный Бобик — доверчивый пес.

Мы давно не видались, собака,
И, узнав, ты рванулся ко мне.
С виду прежняя псина, однако
Шерсть свалялась уже на спине.

Дом расширился.

Пишущих стало
Больше в несколько раз как-никак.
И тебе ведь работы немало, —
В помощь придали пару собак.

Сколько, Бобик, ты помнишь поэтов,
Мимоходом ласкавших тебя?
Славных грешников, строгих аскетов,
Что писали, шутя и скорбя?

Провожал ты их к морю, где вспенен
Бег волны на прибрежной губе.
Если б жил в этом доме Есенин,
Он давно б написал о тебе.

¹ Написано в Ялтинском доме творчества.

До него мне, конечно, далеко.
Но, открыв по привычке тетрадь,
В знак приятельства, волею рока
Я решил о тебе написать.

На поэтов других ты не сетуй.
Ныне тема в стихах — не пустяк.
Поважнее дела у поэтов,
Верь мне, Бобик:
им не до собак.

Что уставился подслеповато?
Что слезится твой преданный взгляд?
Ты состарился, пес.

А когда-то
Были оба мы молоды, брат.

Все слабей твоя годность для службы,
Сам я тоже не прежней цены,
Но закону мужской нашей дружбы
Будем, Бобик, до смерти верны.

★ ★ ★

Утром шумело,
Ночью шумело,
В полдень не переставало ворочаться.
Ночью будило людей то и дело,
Днем не давало сосредоточиться.
Сильными волнами билось о скалы,
Кверху рвалось оно,
В небо вздымалось,
Гневало, буйствовало — и устало,
И улеглось — отдохнуть бы хоть малость.
И постепенно утихло, застыло...

Если ж подумать, что, в сущности, было?
Столько шумело —
Много ль успело?
Сдвинуло с места, в кучи свалило
Мелкую гальку: только и дела!..
Не перестану вовек восхищаться
Морем!.. Но вот не сыщу я ответа:
Нужно ли было столько стараться
Только лишь ради малости этой?!

ГОРА И МОРЕ

(Баллада)

Слышал я: в гору море влюблено,
И оттого всю жизнь свою оно
К подножью льнет зелеными волнами
И, как руками, обнимает камень.

Широко море, высока гора,
В них — красоты безмолвная игра.
Какая в них обоих величавость!
Какая сила с силой повстречалась!

Но слишком, говорят, гора горда:
Она вверху! У ног ее — вода...
И впрямь, кому увидеть довелось,
Чтоб море на вершину поднялось?!

И вот однажды грянула гроза,
И молния пронзила небеса,
И с треском, с громом путь свой завершила,
Поцеловав в неистовстве вершину...

И маленькую тучку подучила,
Чтоб та в объятья гору заключила...

...Взъяренная, как будто на врага,
Тут кинулась вода на берега —

Рыдало море, бушевало море
В своем бессильном, иступленном горе.

* * *

Мне говорили: радуешься ты.
Что ж, радуйся, ведь радость — это благо...
Спустилась к морю чайка с высоты,
Парит на синем фоне белым флагом...
Как хороша она над синевой морской!
Как смотрится под синью небосвода!
Я поражен: гармонией какой
И завершенностью полна природа!
Ко мне бегут навстречу с трех сторон
Голубизна и свежий запах моря.
Я вами опьянен и покорен,
О взоры моря, голубые зори!
С рыбалки ранним утром рыбаки
На лодке возвращаются с добычей.
Но требования нынче высоки —
С позиций человеческих, а не птичьих...
И рыбаки, не тратя лишних слов
И не спеша делиться новостями,
Обратно в море — это ли улов?! —
Бросают рыбу мелкую горстями.
А чайки поэтичные — взгляни! —
Кидаются — лишь ветер в крыльях свищет! —
За рыбкою! Как счастливы они,
Что им такая достается пища!..
...Кого, скажите мне, кого из нас
Несчастье обходило стороною?
Кто, как из лодки, бедствия подчас

Из жизни не выкидывал порою?
А чайкам это — праздник для души,
По вкусу, видно, им чужое горе...
Что ж, радуйся и ты...

...Как хороши
Вы, чайки белые, над синью моря!

ЖЕНСКИЕ РУКИ

Тепло и нежность женских рук
Я в жизни ощущал не раз.
О руки женские, смотрю
Я с удивлением на вас.
О мягкость материнских рук, —
Как сладко в них ребенку спать!
О твердость женских рук, когда
Они должны винтовку сжать.
Как четко вышивали вы
Искусною иглой узор!
Как были горячи, когда
Тесали камень в дебрях гор...
Домой усталый ты придешь,
Или печаль охватит вдруг —
Ты исцеление свое
Найдешь в объятьях этих рук.
О, множьте ласку и тепло
Из года в год, из века в век!
Тогда велик и всемогущ
Пребудет вечно человек.

Как разнятся вершины меж собой,
Ни высотой, ни видом не похожи, —
Так и таланты, данные судьбой,
Неодинаковы — как горы — тоже.

Не старость ли пришла? Не от тоски ль
Ты поседел?.. Беда ль стряслась какая?..
Нет! Это, если горы высоки,
На их вершинах снег лежит, не тая.

* * *

В пылу любви, во власти страха,
Когда-то в изначальный век
На небе сотворил аллаха
В воображенье человек.

О жизни мысливший сурово,
Чеканки высшей неспроста
Свое несуетное слово
Он божеству вложил в уста.

И, раб проснувшегося чувства,
Взгляд устремляя к небесам,
В плену у своего искусства
Он в ад и рай поверил сам.

И стало некуда деваться
Неискушенному уму,
И начал мастер поклоняться
Душой творенью своему.

С тех пор у звездного подножья
Не знает мир лишь одного:
Поэта дар — есть искра божья
Иль пламень мастера того.

Года все идут... Одолели заботы,
И к старости чаша весов накренилась...
Но, черт побери, как стареть неохота, —
Душа ни на столечко не изменилась!

Посмотришь, как пылкая юность играет,
И разум твердит: «Доживаешь на свете...» —
«Неправда! Ты молод! — душа возражает. —
А это всего лишь беспечные дети!»

ВЫ УДИВЛЯЛИСЬ

Когда мой конь в расцвете сил
На скачках первым приходил,
Вы удивлялись.
Когда — наследницы огня —
Влюблялись девушки в меня,
Вы удивлялись.

Когда я делал точный ход,
С улыбкой — этот, с грустью — тот,
Вы удивлялись.

И всякий раз, когда мой стих
Бывал достоин уст людских,
Вы удивлялись.

**Когда я вдруг в обычный день
Всходил на новую ступень,
Вы удивлялись.**

**Когда порой мне
 не бог весть
Какую воздавали честь,
Вы удивлялись.**

Когда гремел при свете звезд
И за меня заздравный тост,
Вы удивлялись.

Когда в кругу лихой молвы
Не опускал я головы,
Вы удивлялись.

Когда женился, то чему,
Я и поныне не пойму,
Вы удивлялись?

Когда, покорный ваш слуга,
Я лез и черту на рога,
Вы удивлялись.

**Зато, когда в злосчастный час
Ошибся грубо в первый раз,
Вы все не удивлялись.**

НАД АГИДЕЛЬЮ БЕЛЫЙ ТУМАН

**Белый туман Агидели завещан
И парохода гудки.
Влажными став,**

где простор чуть уменьшен,

Схожи с ресницами плачущих женщин
На берегах тростники.

Слышится в белом тумане над Белой
Ржание на берегу.

Кажутся годы мне вечностью целой,
Помню, как, всадник еще не умелый,
Пас я коня на лугу.

Будто бы славой повита туманом
Меж берегов Агидель.

Всюду он следует за караваном
Волн ее, ставших моим талисманом
В самой родной из земель.

ОТЦОВСКОЕ СЛОВО

Мой отец говорил мне, судача
О движении бренных годин:
— Пусть тебе неизменно удача
В этой жизни сопутствует, сын!

Только стань своих целей достоин,
Не впадая в душевный недуг,
И запомни, что тысячеслоен
Мир, который ты видишь вокруг.

Ты постигнешь, как это постичь я
Смог под желтой луною давно,
Что меняет он часто обличье
И всегда в нем загадок полно.

Предаваясь сомнениям многим,
Ты торить станешь к истине путь.
И окажется он не пологим,
Если в жизни выискивать суть.

Размышляй и заглядывай в корень.
Что дают — принимает лишь гость.
В грудь скалы

только тот, кто упорен,
Загоняет по шапочку гвоздь.

На охоту, считали доньше,
Да и впредь будут так же считать,
Не к лицу отправляться мужчине,
Если он не умеет стрелять.

Мастерство и в печали утешит,
Мы себя утверждаем трудом.
Кто бревна топором не отешет,
Тот построить способен ли дом?

Неумелец умельцу — не к масти,
И хоть всяко бывает порой,
Дело скажет, кто — бездарь, кто — мастер,
Поле битвы: кто трус, кто — герой.

Пусть удача с наградой в придачу
Ждет тебя. И, хоть я не пророк,
Говорю: опасайся удачу
Похвальбою унижить, сынок!

И удачам других не завидуй,
У завистника в сердце — вражда.
Стойким будь пред хулой и обидой
И не спорь с дураком никогда.

Не отдайся смятенью иль страху,
Не свали на соседа вину.
И в честь радости каждой
папаху
Не забрасывай, сын, на луну.

О чужих и знакомых предвзято
Не суди, если ты не глупец...—
Так, любя, говорил мне когда-то,
Рассуждая о жизни, отец.

ВЕЧЕР НАД АГИДЕЛЬЮ

Медленно месяц плывет над рекою
Лодкою без парусов.
И, сопричастный земному покою,
Ярко темнеет порою такую
Купол, что был бирюзов.
Может быть, глаз очарованных ради,
Отсветам звездным сродни,
Напоминанием о листопаде
Вновь на речной отражаются глади
Улиц прибрежных огни.
Шепчутся, чувствуя сладкую дрему,
Тайны полны дерева.
Белая, словно обнявшая Дему,
В ласках любви утоляет истому,
Кругом идет голова.
Где в предвечернем мерцающем свете
Берег? А где облака?
Дышит река ли, вздыхает ли ветер?
Мест я не знаю милее, чем эти,
В них моя жизнь — на века.

РОДНОМУ АУЛУ

Я видел страны... Но, мой край родной,
Как сын с отцом, с тобою мы похожи.
Ты — мой отец. И ты — учитель мой.
Певец я... Но и сам певец ты тоже.

Пою я песни. Но они — твои,
Ты подарил их мне. Пел мне их в детстве.
«Бери,— сказал,— и далее твори,
И огласи, и не страшись последствий!»
Я видел страны... За горой — гора.
И песни там задумчивы, как горы,
И вместе с тем в них горных рек игра,
Скал вознесенных строгие узоры...
Я видывал бескрайние поля,
Где медленные реки русла рыли.
Не там ли над раздольем ковыля
Широких песен распластались крылья?
А ты, мой край, ты обладаешь сам
Полями — но они не так широки,
Горами — но они не так высоки,
Не ровня тем, что рвутся к небесам!..
Есть реки — но они бегут не с гор,
Кончаются, едва дойдя до луга:
Весь путь легко охватывает взор...
Да, мы с тобой похожи друг на друга,
И о тебе молва, всю трубя,
Вовек не разносила громкой славы.
Мой край! Во всем похож я на тебя,
И сыном я твоим зовусь по праву.

* * *

О, дай мне, жизнь, такое право —
Все прожитое повторить,
Тропу Судьбы вновь протереть,
Дай испытать любви и славы!
Огни и воды дай пройти,
Ошибок тех не повторяя...
Но разве есть тропа такая
На нашем жизненном пути?!

**Все повторится в мире зыбком.
Начать все заново дано
Когда бы было нам,
Ошибки
Мы повторили б все равно...
О, дай мне, жизнь, такое право —
Все прожитое повторить,
Тропу Судьбы вновь проторить,
Дай испытать любви и славы,
Дай уловить в боренье правом
Времен связующую нить!**

ПЕШКОМ, НЕ СПЕША

**Весна за сутки проходит
70 километров**

(Из газет)

**Капель стучит копытцем у крыльца.
Летит в лицо весенняя пыльца.
Желанная весна приходит в дом —
Издалека, не торопясь, пешком.**

**Идет весна,
Сменив зимы посты,
Рассыпав в поле вешние цветы,
Отдав ветрам мелодии свои,
Чтоб их запели в мае соловьи.
В масштабе всей большой моей страны —
Сплошное наступление Весны!**

**Идет Весна!
Ты ей, поэт, внемли,
Как совершенству мира и земли.**

**Как версты,
Весны в жизни сосчитай,**

Апрель зеленый,
И цветущий май,
И март,
Как добрый вестник
С посошком...
Идет Весна,
Не торопясь,
Пешком.
И я иду
За нею
По земле.
Запев спит в почке,
Замысел — в зерне.
Иду пешком
За нею,
Не спеша.
Вселенной наполняется душа!

ПТИЦЫ

Птиц продавец
Торгует на базаре
Товаром,
Что певуч,
Красив,
Крылат,
Товаром,
Чем степной простор богат,
Которого однажды обокрали.
Терпение,
О птицы,
Говорю.
Почем крылатость?
Песня сколько стоит?
И разве можно распродать зарю,
Воспетую зорянкой или сойкой?!

Терпение,
О птицы,
Я плачу!
И выпускаю всех потом на волю.
Плачу и плачу.
Да, я так хочу.
Птиц продавец,
Попробуй прекословить!
Крещенные железной клеткой,
Пусть
Они опять свободу обретают,
Пусть птицы над землей опять летают,
Познав неволю,
Волю воспевают,
С землей связуя небо,
Цену знают
Добру и злу...
Быть может, в этом суть.

* * *

В самый канун Нового года
Меня одолели грустные мысли.
Вышел из дому в стужу пустую,
Низкие тучи тяжело нависли.
Меня одолели грустные мысли.

Часто друзья мои говорили:
«Был ли невесел ты, хоть однажды?»
Был... И сегодня... Где же вы, где вы,—
Те, из которых спрашивал каждый:
«Был ли невесел ты, хоть однажды?»

Где вы, друзья мои? Просится песня,
Грустную песню ту я отгоняю...

Праздник сегодня, нужно веселье.
Нужно веселье, это я знаю.
Грустную песню ту я отгоняю.

Скажут мне строго: грустная песня.
Но ведь живем не весельем единым...
Жизнь не ровна, да и мы не похожи,
Пусть будут разные песни даны нам.
Мы ведь живем не весельем единым.

ГЛЯЖУ НА ЗВЕЗДЫ

Мы толковали горячо и часто
О жизни, о стихах — чужих, своих,
О странной переменчивости счастья,
О наших днях: кем были б мы без них?

И вправду — кем? Я, верно б, земледельцем,—
Пахал бы, сеял, брел вдоль борозды...
И пел бы, пел... Я к песне склонен с детства —
Песнь сироту спасала от беды.

К нам приходили тихие соседки,
Меня жалели и просили — спой.
И слушали, и плакали нередко
В углу за печкой над моей судьбой.

А вдруг я стал бы мастером, как братья?
Но что хвалиться чьим-то мастерством!
А вот поэтом мог бы, смог бы стать я
В том времени, в нелегком веке том?

В том времени, смешавшем зло и жалость,
Ловившем наших дней далекий свет...
Но ведь Тукай все-таки рождались!
Поэт — он по рождению поэт.

Как стебель он, и сила в нем такая,
Что камень рушит на пути его,
Что времена, родившие Тукая,
Родили б и Расула своего.

И своему Мустаю и Кайсыну
Пришло бы время, наступил бы срок...
Поэзия всегда чревата сыном...
Поэзия! Ты свойство или рок?

Ты дар волшебный или ветер века,
Иль бог богов, что совестью зовут?
Ответа нет мне... Тихо... Нет ответа.
Гляжу на звезды... Где-то полночь бьют.

ТУКАЙ

Бывало так: великие поэты
Рождались в колыбели золотой,
Взрастали в неге, и, лучась приветом,
Встречал и провожал их взгляд людской.
И так бывало: рос поэт великий
В каморке темной, с бедностью в бою.
В базарный день над ним носились крики:
«Кому ребенка надо? Продаю!»
О жизни злополучное течение,
Удачи золотые берега...
В беде поэта — родины мученье.
А голос родины — его строка.
Теперь у наших дней свои базары,
Иная суета, иной размах,
Другие в них мальчишки — мы, Назары,
И мир другой горит у нас в глазах...
Пой, времени птенец, дерзай, везучий!
Безмерным бы почел я счастьем, знай,

Быть проданным сегодня на толкучке,
Чтоб завтра вышел из меня Тукай.
Эй, кто возьмет? Я — вот, на придорожье...
Но, видно, впрямь цены на свете нет,
Которой у судьбы нам было б можно
Купить большое звание — поэт.

ШАЙХЗАДА БАБИЧ

Нас было четверо всего
В той отчей стороне...
Счет начинается с него,
Кончается на мне.
С него я начинаю счет,
И этот счет тяжел,
И жизнь, сбиваясь с лет, течет...
А он давно ушел.
И срок настал давным-давно
В нем все понять уже,
А мы лишь роемся, зерно
Ища в чужой душе.
Копаемся, тревожим прах
И душу бередим,
И ощущаем странный страх
В тупом сраженьи с ним.
Чураемся его судьбы,
Иль беспокойства ждем?
И в позу позднего судьи
Торжественно встаем...
А он к нам из небытия
Сам в нашу жизнь входил
И подсудимый, и судья,
И ныне — полный сил.
Поэт, земляк!.. Он трудно рос,
Охвачен новым днем...

Ах, если б был он пуст и прост,
Я б не писал о нем!
Нас было четверо всего
В той детской стороне.
Счет начинается с него,
Не кончится на мне!

ХАСАН ТУФАН

Белеет парус одинокий.
М. Лермонтов

Бредет по улицам Уфы,
Средь нас сидит в застольный срок,—
Не одинок он и, увы,
Как белый парус одинок.

То стихнет, прошлым окружен,
В его чаду, в его огне,
То, в опасенья погружен,
Встревожится о новом дне.

И мы уж не черны давно,
Сереют головы, как дым,
А перед ним мы все равно
Все точно мальчики сидим.

Его же голова бела,
Как занесенный снегом бор,
Сибирь сугробы намела,
И снег не тает до сих пор.

Бывает!.. Жизнь: жара, метель,
Неровен берег, долог путь...
Жизнь — это не отсель досель,
Куда-нибудь и как-нибудь.

Поэта жизнь не тишь и гладь,
Пусть не чернеет, обелен!
Пусть будет белый снег сиять.
Пусть будет... пусть не тает он.

Бывает: жизнь... Добро — со злом,
Гремит проспект, тропа тиха:
Одним в ней связаны узлом
И ритм судьбы и ритм стиха.

Звучат стихи и вздохов нету,
Хасан Туфан, Хасан Туфан,
«Что без страданий жизнь поэта
И что без бури океан!»

* * *

Мрак ляжет... И, пронзая воздух,
Зажгутся звезды в тот же миг.
Едва погаснут в небе звезды,
Планеты посветлеет лик...

Но почему же звезды гаснут
И ясным днем не кажут глаз?
И не сияют так всевластно,
Как в поздний, в полуночный час?

И днем горят они, как ночью,
Свет излучая в пустоту...
Но ведь и звездам трудно очень
Сиять на солнечном свету.

УНТЕР-ДЕН-ЛИНДЕН ¹

Ты, Берлин, порой ночью
Ворвался в мой дом войною,
Смерть ревела надо мною —
Унтерн-Линден, Унтерн-Линден...

Все еще разрывы слышу,
Вижу, как в пыланье рыжем
Стены рушатся и крыши —
Унтерн-Линден, Унтерн-Линден...

Годы... Годы... С братским словом,
Город, я приехал снова,
Прохожу живой-здоровый
Унтерн-Линден, Унтерн-Линден...

Вот сижу сейчас с друзьями —
Небо мирное над нами.
И шумит, блестит огнями
Унтерн-Линден, Унтерн-Линден...

Время не стоит на месте,
Добрые несет нам вести,
И звучат другие песни —
Унтерн-Линден, Унтерн-Линден...

УЗЕЛ

Если б правду одолела ложь,
Дружба бы пропала ни за грош!
Но — связали порванную нить,

¹ У н т е р - д е н - Л и н д е н — «Под липами» — название центральной улицы Берлина. У немцев есть и песня с таким названием.

Удалось ее соединить.
Нить — что не дотронься! — горяча,
Тоньше волоска. Острой меча.
Нить связали порванную. Дружбу —
Двух людей соединивший мост,
Где несут два сердца, встав на пост,
Бодрствуя, сторожевую службу.
Но порой для стражи — как ни странно —
Нужен часовой. Нужна охрана.
Правда, сердце в силах иногда
Нить соединить, коль оборвется...
Но всегда при этом —
Вот беда! —
Узел остается...

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Долинам Волги соприродный,
Высокий, словно лунный лик,
Ты не заезжий, не безродный
Татарский золотой язык.

И храбрых предков ты достоин,
И перед временем привык
Не гнуться, как пред саблей воин,
Татарский кованный язык!

Веков приветливый наследник —
Ты дружелюбен и теперь,
Как та, что, повязав передник,
Пред гостем открывает дверь.

Умеешь выразить к тому же
Ты мудрость зрелого чела
И государственного мужа,
И стихотворца, и посла.

В степи на бешеном карьере
И на страницах вещих книг
Не изменял отцовской вере
Ты, гордых всадников язык.

И, словно тетива тугая,
В пределы вечности сумел
Ты вознести стихи Тукая,
Как стаи оперенных стрел.

И, чтоб славы быть в зените,
Сквозь стены камер ты проник,
Тюремщиками в Моабите
Не перемолотый язык.

Живи, все горести осия,
Неиссякаемый родник,
Похожий на звезду Джалиля,
Татарский золотой язык...

* * *

Как странен мир — то юн, то стар,
То тих, то своенравен!
То в холод кинет нас, то в жар —
Ведет игру без правил!
Вот ветер звился и проник,
Кровь леденя, мне в душу,
И звезды с неба смел он вмиг,
Вечерний свет нарушив.
Да, звезды смел. Остался лишь
Шершавый ржавый воздух,—
В меня, в упор, летят сквозь тишь,

В лед превратившись, звезды.
Вот это прав! Попробуй впредь
С ним пререкаться бросить!
Попробуй сдаться — не гореть,
Коль хочет заморозить!

БЫВАЮТ РАЗЛИВЫ

Разрушен мост.
Бетон и камень
Кто вывернул? Чей тут просчет?
Смотрю: зажата берегами,
Река невидная течет.

Сейчас я крикну:
— Чья работа?
Река откликнется:
— Моя!
Такая у меня порода —
Никем не покорима я!

Я не сужу о ней предвзято:
Слежу, как, брода не ища,
По дну ее идут гусята,
От удовольствия пища...

Разливы...
Мост от них развалится,
Но — в берега войдет вода!
Разливами вовек не хвалятся:
Разливы временны всегда.

ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ

«Я — ЗЕМЛЯ»

Разрывы и пламя вокруг,
Дым стелется едкий и низкий...
Пал смертью геройскою друг
Молоденькой телефонистки.

Уходит земля из-под ног,
И небо, горящее ало...
О, если б увидеть он мог,
Как горько она горевала...

Красивей найдешь ты едва ль:
Любовь и мученье во взоре...
Твою затмевает печаль
Ее неутешное горе...

Горят леса и поля,
Пылает земля... А над нею:
«Звезда!..
Я — Земля!..
Я — Земля!..» —
Звучит все слышней и слышнее.

ВРЕМЯ МЧИТСЯ

Разошлись друзья. И вот теперь
Тишина в землянке воцарилась.
Полночь. Время распахнуло дверь,
Чтобы встретить новый день, как милость...

Дни приходят и уходят в срок,
Ничего на свете не жалея.

**И разматывается клубок
Моей краткой жизни все живее.**

**Не навек сегодняшний мой дом —
Эта вот землянка в обороне,—
Не навек и чуть заметный холм,
Под которым друг мой похоронен.**

**Вот заря распахивает дверь...
Время мчится!.. Дни, десятилетия
И века — все временно, поверь:
Я, и ты, и все на белом свете...**

ГОРИЗОНТ

**Ты торопишься к краю земли,
Но к нему хоть спеши день и ночь,
Все равно — он в далекой дали:
Горизонт отодвинулся прочь...
Отошел горизонт, отступил...
Мы идем, выбиваясь из сил,
Сквозь огонь... Ноги в кровь... Пот с лица...
Только круг не имеет конца...
Бескорыстный не ищет вины,
Подозрение — коварным под стать...
Мы идем по дорогам войны,
Что коварна и злобна, как тать...
Шли — преследуя, гнали — тесня,
Погибали, но все же дошли
Сквозь сплошную завесу огня
До Берлина — до края земли...
И сказать я хочу в этот час:
Мы дошли сквозь пожары и кровь
До конца!..
Неужели от нас
Горизонт отодвинется вновь?..**

СТИХ

Мир держится на должностях и рангах,
И только ты, о стих, не знаешь их.
Ты — боль земли, в ее извечных ранах
Живешь вне ухищрений должностных.
Зачем они тебе и что в них толку?
И коль ты бог, то это знаешь сам,
И в званьях не нуждаешься нисколько,
И возводить тебя не нужно в сан.
Все пред тобой равны, лишь быть бы в силе,
Где ни родись, как ни борись с судьбой,
Ведь даже императоры клонили
Не раз свои короны пред тобой.
Случается, что смотрит еверху кто-то
На строчки стихотворного столбца...
Но ты не для него! Твоя забота
Тревожить словом чуткие сердца.
Сердца людские! Ты им нужен очень.
Ты учишь их добру, борьбе со злом...
Свет белый лишь умом и сердцем прочен.
Ничем иным. Лишь сердцем и умом.

ДИТЯ

В соседнем доме закричал ребенок,
А в нашем доме — все во власти сна...
Проснулась мать — и замолчал ребенок,
И вновь установилась тишина.

Как много беспокойства днем и ночью!
Растить детей — задача не проста...
А в нашем доме — тихо днем и ночью.
Но это тишина? Иль пустота?

О плач младенца! Неумный, звонкий,
Он чем-то близок музыке самой...
Дом, что не слышал голоса ребенка,
Как лес без птиц, угрюмый и немой.

СЕРДЦЕ

Человеческий организм от-
торгает чужое сердце.

(Из газет)

Совершенна в творенье природа,
Преисполнена тайны простой.
Родился... Зарождение... Роды...
О единственность жизни людской!

Неповторна она, невозвратна,
Обусловлена сердцем своим...
С ним придет, с ним уходит обратно
Человек по законам земным.

Ах, но все ль мы живем по природе,
Не сбиваясь с прямого пути,
И походкою львиной не ходим,
Сердце зайца скрывая в груди?

И за сердце поэта не часто ль
Сердце фокусника выдаем?..
О поэзия, крест мой и счастье,
Ты одна была в сердце моем.

Плохо ль я им служил, хорошо ли,
Этим сердцем, мне данным судьбой,
Но его лишь, мое, не чужое,
Унесу я в могилу с собой.

ЯВИЛАСЬ ПЕСНЯ

Ко мне явилась песня. Беглый звук.
И мягкий свет в душе зажгла в мгновенье.
Она проникла в грудь мою... Но вдруг,
Но вдруг исчезла как по мановенью...

И полон я тревогою знакомой:
Что было в ней?
Печаль прошедших дней?
Многоголосое журчанье Демы
Иль тонкий комариный писк над ней?

А может, цвет и запах спелых ягод,
Что в перелесках прячутся моих?
Иль травы, что в июле сеном лягут?
Вечерний лес — таинственен и тих?..

Я так и не узнал. Одна надежда
Во мне жива... Мечтанье наяву...
Так и брожу я рядом с ними, между
Надеждой и мечтой — так и живу.

Но лето скрылось. Не найти управы
На холода... И ягод свет угас.
Поля пусты. Давно увяли травы,
И мокнет осень на дворе у нас.

И, как вдова, Вселенная одета,
И шар земной как будто занемог.
А берега похожи на поэта,
Что в сердце песню удержать не смог.

Но что я! Все проходит — погоди!
Ведь для прилета отлетают птицы...

Весна ушла. Но весны — впереди.
И скрылись птицы, чтобы возвратиться...
Да, скрылась песня... Но мой век не прожит:
Она — придет! Иначе быть не может!

* * *

Загадочные, словно чудо,
Поднявшись на уступы скал,
Березы белые,
откуда
Занесены вы на Урал?

Нет, вы не из чужих пределов
Под небо нашей стороны
Толпой кочевниц белотелых
Самой судьбой занесены.

Вот здесь, где белыми плечами
Играть привыкла Агидель,
Впрямь солнце вешними лучами
Качало вашу колыбель.

В одном краю я с вами вырос,
Пил ту же воду, что и вы.
И мил всегда сердечный вырез
Мне вашей женственной листвы.

Я связан с вами долей кровной,
На вас задумчиво гляжу
И нашей общей родословной
Все ощутимей дорожу.

Душевна отчая природа,
И кажется мне, оттого,

Что с вами племени и рода
Я в этом мире одного.

Вот предо мною вы стоите
Над тихим берегом реки
И по-башкирски говорите,
Надев зеленые платки.

Березы, белые березы,
И вы живете по-людски.
Мне ваши вздохи, ваши слезы
И ваши радости близки.

Вы трепетны и белокожи
И так пленительно стройны,
Что вправду на невест похожи
Башкирской нашей стороны.

Сравнил бы с ними вас, но это
Не вправе сделать я, коль вы
В сквозных платках того же цвета
Стоите около Москвы.

На польских шепчетесь просторах,
Лесам и рощицам верны.
И в кольских голубых озерах,
Как в зеркалах, отражены!

Порой белы, порой белесы,
Над полем, шляхом иль рекой,
Великодушные березы,
Какой вы нации? Какой?

Да никакой.

Ведь вы — деревья
И радовать должны сердца
Тем, что чужды высокомерья
И не меняете лица.

Опять тебя не встретил!.. Слишком поздно
Я вышел? Оттого ль так грустно мне?
Я о тебе рассказываю звездам,
А звезды мне лукаво в вышине
Подмигивают...

Но одна сквозь дали
Вперед рванулась, искрой понеслась
И вдруг погасла... Это уж не я ли,
Что ринулся к тебе, да и погас...

Я в горах, на уральской вершине.
Беркут смотрит с утеса в века.
Солнце жарит с безоблачной шири,
А у ног залегли облака.
Здесь друг с другом встречаются тучи,
Здесь, сплетаясь, клубятся ветра.
Все здесь сходится: грозы и кручи,
С лесом лес и с горою гора.

ДРУГУ

Сегодня день рожденья твой —
Осенний, смутный, серый день.
Но твоей жизни свет живой
Со стольких лиц сгоняет тень!..
С собой принес ты песни звук,
И правды глас, и дружбы пыл...
Не будь тебя — наш мир вокруг
Наверняка б беднее был.

Тебе подобные мужи —
Народа гордость, слава, честь:
Есть ты — большая совесть есть
И доброта — талант души!..
Но — что душою кто-то мал —
Не служит оправданьем злу:
Я слышал, как тебя ругал
Тот — притаившийся в углу;
Клеймил, честил — за что? Бог весть!..
О, не жалел, проклятый, он:
За то ль, что ты такой, как есть,
А сам он — богом обделен?
Я клял его рожденья час
И звал на помощь божий гнев,
Наверно, в жизни в первый раз,
Что нету бога, пожалев...
Сегодня день рожденья твой...

НА ПАРОХОДЕ

Вся черемуха в белом. Весна
Пьет на свадьбе своих дочерей.
А мальчишкам — свобода она:
Вон летят сквозь нее. Кто быстрее?

Кромкой берега мчатся, бегом,
Сиясь наш пароход обогнать,
В теплых шапках все и... босиком,
А вокруг широта, благодать.

Я кричу им: постойте, куда?
Ведь уже устают, отстают...
Я кричу: ничего, не беда,
Вы догоните — годы возьмут!..

Отстают... Ваше время! Кому
Как не вам настигать, обгонять!..
Я машу им, гляжу за корму,
Слез своих не умея унять.

ОБИДА

Расулу Гамзатову

Друг близкий приглашения не ждет —
Тебя мы пригласили: «Приезжай!»
Так что с тобой? Иль ты уже не тот?
Иль ветра нет попутного в наш край?

Ты думаешь, тосклив степной простор?
Но разве мы в своих родных местах
Для горца бы не подыскали гор?! —
Да ведь еще каких! — В лесах, в цветах!

С волнением ждали девушки тебя,—
Как и твои стихи, ты им сродни.
Жена пусть не тревожится твоя:
Под стать горянкам, скромницы они.

Богат Кавказ твой птицами,— ты прав.
Но разве мы певуньями бедны?!
Замолкли птицы, гостя ждать устав.
Теперь в глазах девичьих — мы вруны...

Ты говоришь: у горцев пир так пир!
От всей души, не для одной красы.
А разве, гостя потчуя, башкир
Поглядывает чаще на часы?

Когда у нас идут джигиты в пляс,
Дрожит земля; не узнает своих.

Про Дагестан забыл бы ты у нас,
В тот час хоть краем глаза видя их.

Медведя под себя подмять горазд
Джигит наш без особого труда.
И если мчится вскачь и промах даст,
Упустит дичь — он не джигит тогда!

Тут крылья парня — конь. И если тут
Джигит, что мимо девушки летит,
Ее не поцелует на лету,
Какой же к черту он тогда джигит?!

Затянет песню парень удалой —
Замрет Урал и слушает его.
Судьба людская — в песне здесь любой
И счастье в ней, и грусть — полно всего!

И, как родную песню, запевать,
Ей-ей, джигитам можно и твоим:
«Где только не случается бывать
Коню и парню — головам лихим!..»

Не хвастаемся мы, да и вовек
Нам не было привычным хвастовство.
Но человек есть все же человек,—
Не каменное сердце у него...

Обида мне кольнула душу вдруг,—
Все потому, что ты мне дорог, друг.

ПЕРВОЕ ДЫХАНИЕ

Дитя родилось и в слезах закричало,
Впервые вздохнув глубоко...
Наверно, всегда новой жизни начало
Бывает вот так нелегко.

Но знаю: последнее в жизни дыханье
Бывает еще тяжелей...

...Я помню окопы, огня полыханье,
Рассвет среди дымных полей.

Мы цепью лежали, к атаке готовы.
Вдруг слышим: «За Родину! В бой...»
Последним дыханьем бойца молодого
Был этот призыв боевой.

И вся, как один, поднялась наша рота,
Рванулась, не зная преград!..
И, словно устав после тяжелой работы,
Остался на поле солдат.

Давно ли, родившись, он крикнул впервые
И мир увидал наяву?
...Раскинулись руки его молодые,
Скатилась пилотка в траву.

Но разве забыть нам тот голос победный,
В нем жизни его торжество!
Он пал за Отчизну. И вздох тот последний
Был первым дыханьем
Бессмертья его.

ВЕТРЫ

В моей комнате тихо.

Свет горит...

А снаружи

Все сильнее завыванье

непогоды осенней...

Там неистовый ветер
Листья желтые кружит,
И мелькают по стеклам

их тревожные тени.

Я один у стола,
Глубоки мои думы...
Тихо спит моя мама,

как ребенок усталый...

И дыхание ее
В шуме ветра угрюмом
Мне отсюда совсем уже

слышно не стало.

Мама!
Мама родная!..
Сквозь грозы и ветры
Шла ты долгие годы

по собственной воле,

Сколько сил отдала ты,
Чтоб счастливой и светлой,
Чтоб такой, как сегодня,

была моя доля!

Успокойтесь же, ветры!
Пусть от вашего свиста
Не тревожится мама

в своей теплой постели.

Все равно

и без вас

осыплются листья,

Коль они пожелтели.

КОСТЕР

Осенний день. Накапывает дождь.
Что ж, осенью иначе не бывает.
Но мы не замерзаем... Для чего ж
Зажжен костер? Зачем огонь пылает?

А мы зажгли — хоть не идем на свет
Того костра, хоть он нас и не греет...
Он — словно незадачливый поэт:
Не потухает и не пламенеет.

БЛАГОДАРЕН

Спасибо этому дому.
(Народное изречение)

Спасибо. Я был в вашем доме, жил.
Земля этот дом — и звезда, и глыба.
Я был в нем, трудился, грустил, гостил,
Жаль — только гостил. И на том спасибо.

Уж больно хорош он. С таким трудом
Его мы отстраивать научились.
О дом, ненаглядный наш, добрый дом,
Сколь многие с ним навсегда простились!

Не обессудьте, простите нас,
Коль что и не так — не идти ж к другому...
Когда прозвенит он, последний час,
Спасибо скажу я этому дому.

ЧЕРЕМУХА

У деревьев судьбы разны:
Дуб за крепость — на виду,
А черемуха прекрасной
Уродилась на беду.

Заневестились весною
И, омытая росой,
Ослепила белизною,
Покорила всех красой.

Люди ею восхищались:
Как душиста, как мила!
И ломали; не смущались,
Обирали догола.

И черемуха решила:
— Нет защиты мне в лесу.
Все безмолвно я сносила,
Хватит, больше не снесу!
Без цветов, без вкусных ягод
(Из-за них покоя нет)
Буду жить, не зная тягот,
Ото всех избавлюсь бед.

Хватит, хватит, — повторяла,—
Мне отныне не цвести.
Без цветов — и горя мало,
Буду просто так расти...

В октябре с листвою простилась.
Снегом на зиму прикрылась.
До весны грустна была.
А сейчас — скажи на милость! —
Вновь стоит белым-бела.

НА ТРОПИНКЕ

Шла ты колеей колесной,
Шел я по следам коня,
Шла ты тихо краем поля,
Отстраняясь от меня.

Но в обход идет дорога,
И с тобою в тот же миг
Мы сквозь рожь идти решили
По тропинке напрямик.

Но тропинка — не дорога,
Лишь протоптана слегка,
Для двоих она, конечно,
Неудобна и узка.

Пропустил тебя сначала,
Говорю: вперед иди!
Ты сказала: для чего же
Мне мешаться впереди?

По такой тропинке узкой
Нелегко идти вдвоем...
Взял я за руку подругу
И сказал: а мы пойдем!

Ты сказала: отодвинься,
Слишком близко ты идешь!
Говорю: нельзя иначе —
Мы с тобой затопчем рожь.

Как я рад, что ты со мною,
Что в руке твоя рука,
Что идем мы, ржи не топчем,
Что тропинка так узка!

В ОСЕННЕМ САДУ

Тишина над садом безответным,
Мелкий дождик в воздухе повис.
Листья отрываются от веток
И бесшумно улетают вниз.

По стволам берез вода стекает,
Почернел дубовый голый сук.
Летний шум, подобно птичьим стаям,
До апреля улетел на юг.

Не пройдет никто со мною рядом,
На скамейках пары не сидят...
Тишина стоит над нашим садом —
Он осенней думою объят...

Видел как-то я, как после школы
Мимо сада шла гурьба ребят.
Шли ребята с песнею веселой
И в промокший не свернули сад.

Я уже соскучился по лету,
Грустные осенние места!
О природа! Как земля без света,
Так без человека ты пуста.

РАЗГОВОР В ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ...

Как это все вместить, вложить мне в слово...
И старше, и моложе стал я враз.
Вот я смотрю на парня молодого —
Нам жить да жить, у нас — веков запас.
Как на ладони вижу, сблизив сроки,
Всю жизнь свою, все бытие свое.

Кругом весна... И словно рек потоки,
В дома лучи вливаются ее.
И распускает город почки снова,
Чтоб началось цветенья волшебство.
Вот я смотрю на парня молодого —
Мы принимаем в партию его.
...Я был, как ты, молоденьким когда-то...
Военный май... Окопное житье...
Ты в мир пришел... А для меня, солдата,
Тот год — вступление в партию мое.
Из серебра и золота награды
Надев на грудь, вернулись мы с войны.
Всего же больше были жизни рады,—
Ей — жизнью! — были мы награждены.
Все бытие твоё — награда эта.
Не просто, нет, её достойным стать.
Легко ли от рассвета до рассвета
Эпоху через сердце пропускать?!

Эпоха все идет, то обжигая
Собою нас, то душу нам студя.
С того и драгоценная такая,—
Нам дорога, как матери — дитя.
Нам все дает эпоха, и до вздоха
Последнего! — мы ей принадлежим.
Из нас самих и состоит эпоха,
Ведь созидать эпоху нам самим!

Я снова молод, снова в полной силе —
Мы принимаем в партию тебя.
Года, что жизнь твою в себя вместили,—
Их все ведь коммунистом прожил я.
Была ль эпохи наша жизнь достойна?
Настолько ли строга была она,
Чтоб вы, взглянув назад, за все спокойны,
Могли сказать: «Вот жизнь. Она — честна!»
Оглядываюсь я на ту дорогу,
Что пройдена за пять десятков лет,

И вижу: коммунистов было много
В тот год, когда явился я на свет.
Мне думалось: их породило пламя,—
Титанами всю жизнь казались мне.
Чтоб я на свете жил, они бойцами
Шли в полымя, горели в том огне.
И тем, что я взошел на гребень века
И воздухом дышу его крутым,
И званьем коммуниста, Человека
Обязан я лишь им, лишь им одним.
А мы смогли ль вам передать по праву
Их дух неукротимый, боевой?
Тот дух неугасимый — века слава,
Он — пламя революции самой!..
И если не сумеешь это пламя
В груди своей еще сильнее раздуть,
То идеалы станут лишь словами,
А к цели бесконечен будет путь.
Мир остается вам... Так будьте смелы!
Все старше мы. Идут, идут года.
При мысли: «Кто продолжит наше дело?»
Не скрою, что тревожусь иногда.
Должно быть, это все закономерно:
Мир к лучшему меняется вокруг.
На нас когда-то старшие, наверно,
С опаской тоже взглядывали вдруг.
По-своему любое время сложно,
Эпохи созидания трудны,
И жить легко навряд ли вам возможно —
Жизнь легкую вы одолеть должны,
Высоких дел неуголима жажда,
И коммунист во всем кристально чист.
В ответе за свою эпоху каждый,—
За все втройне в ответе коммунист.
Вот распускает почки город снова,
Чтоб началось цветенья волшебство.

И я смотрю на парня молодого —

Мы принимаем в партию его.

Как на ладони вижу, сблизив сроки,

Всю жизнь свою, все бытие свое.

Кругом весна... И словно рек потоки,

Мне в грудь лучи вливаются ее...

БЕРЕЗЫ

Возле дома — две березы.
Две березы возле дома...
Скажут мне, что эта тема
Всем давно уже знакома.
Наш белая береза
Столько раз была воспета,
И которою по счету
Будет в мире песня эта?
Возле дома — две березы.
Всей деревне украшень...
Только вспомню их, из сердца
Льются грусть и восхищенье.
Статны, трепетны, кудрявы,
Машут, машут мне ветвями...
Красоту их молодую
Разве выразишь словами?
Помню, как весною птицы
Голубой дорогой мчались
И, заметив двух красавиц,
Отдохнуть на них спускались.
И тогда в листве душистой
Начинались дни веселья:
Птичьи хлопоты и свадьбы,
Ссоры, песни, новоселья...
О знакомые березы,
Белоствольные богини!
Для меня до самой смерти

Вы останетесь святыней.
Ведь под вашей свежей сенью,
Под зеленым, легким шумом
Рос, мечтал, играл и спорил
Я с моим дружкой Каюмом.

И любимые березы
За друзей всегда считали,—
Так одной семьей веселой
Вчетвером мы подрастали.
Вот опять желтеют листья
И студеный ветер дует.
...Уж четвертый год на фронте
Наш Каюм с врагом воюет.

Возле дома — две березы,
Две березы возле дома...
Этот двор, забор, пригорок —
Все им близко и знакомо.
Год за годом видно в окнах,
Как проходит жизнь людская,
И стоят они на страже,
Старый дом оберегая.

Но старинное поверье
Есть у нашего народа:
Дом с березой — дом несчастья,
Там беда стоит у входа.
Где береза возле дома,
Будет горе, будут слезы,
Смерть на этот дом садится,
Будто птица на березу.

Нет, красуйтесь, две подруги,
Все пышнее с каждым летом!
Если ждет удар жестокий,
Разве вы повинны в этом?
Разве жизнь — сплошная радость?
Разве смерть не всюду бродит?
Так зачем молва слепая

Клевету на вас наводит?

Дом с березой — дом несчастья...

И случилось совпадение!

...Две недели шло по почте

Роковое извещение.

В срок письмо доставить с фронта

Почтальон был озабочен:

Счастье нас с трудом находит,

А у горя адрес точен!

Злая весть! Куда спешила?

Почему не заблудилась?

Почему в холодном поле

Не замерзла, с ног не сбилась?

Нет! В пути не захотела

Задержаться хоть немножко

И осенним стылым утром

Тихо стукнула в окошко.

Эх, Каюм, дружок веселый!

Ты погиб на поле боя...

Неужели не увижусь

Никогда теперь с тобою?

Помню, смелым и смышленным

Был ты всем на удивление,

Стройный, крепкий, черноглазый,

Всех красивее в селенье.

Здесь, у двух берез любимых,

Мы росли, озорничали...

А теперь сошлись соседи

В дом несчастья, в дом печали.

Допоздна сидели в доме,

И вздыхали, и тужили,—

За войну такое горе

Все почти что пережили!

Стонет мать, трясется, плачет,

Льются слезы по морщинам:

«Ой, зачем ты, смерть-злодейка,

Повстречалась с нашим сыном?
Мало ли семей счастливых,
Где детей по двое, трое?..
Нет, единственного сына
Разлучила ты со мною!..»

А старик поник в молчанье,
Брови сдвинуты угрюмо,
И страдающую душу
Гложет сумрачная дума:

«Дом с березой — дом несчастья,
Правду деда говорили!
Почему других деревьев
Мы тогда не посадили?..»

И молчит отец, придавлен
Безутешною тоскою,
Лишь порою по привычке
Злобно дергает щекою.
Горе, ненависть слепая,
И отчаянье, и жалость —
В эту страшную минуту
Все в душе его смешалось...

Эй, березы! Сквозь окошко
Вы лицо его видали?
Беспощадное решенье
Угадали, разгадали?
Горе вам! В порыве гнева
Он погубит вас, березы!
Заглушить тоску желая,
Завтра срубит вас, березы!

Он решенья не изменит,
Так послушайтесь совета:
Торопитесь! Прочь отсюда
Уходите до рассвета!
Что ж вы медлите? Спешите
В лес дремучий, в лес осенний.
Прочь! Скорей, пока не поздно,

А иначе нет спасенья!..

**Возле дома — две березы,
Две березы возле дома...
С детских лет их речь живая,
Как родная, мне знакома.
Для другого этот шелест
И бессмыслен, и невнятен,
Мне же, стройные подруги,
Ваш ответ без слов понятен.**

**«Никуда уйти не сможем! —
Слышу голос ваш покорный.—
Мы в клочок земли знакомой
Глубоко пустили корни.
Да и если б в силах были,
Все равно бы не ушли мы —
Не ушли от этих окон,
От земли своей родимой!**

**Рос Каюм под нашей сенью,
Пел, играл у этих окон...
Разве леса не нашлось бы,
Где спастись от смерти мог он?
Нет! В сражение беспощадном
Он сомнения не ведал
И земли своей родимой
Не покинул и не предал!..»**

**Эх, Каюм, дружок сердечный,
Детских игр моих приятель,
Ты не знаешь, не узнаешь,
Что решил отец-каратель.
Непрогляден мрак осенний,
Надвигаются морозы...
Ночь последнюю проводят
Наши милые березы.**

**Горемычные, уснули
Перед завтрашнею казнью,
Только вздрагивают ветки**

То с надеждой, то с боязнью.
Бродит ветер, свет в окошках
Гасит ледяным порывом,
И последними потухли
Окна в доме сиротливом...
Рассветает... На березах
Стынет белый-белый иней,
Словно за ночь поседали
Две печальные богини,
Словно с вечера слышали
Приговор отца суровый
И, невинные, на плаху
Лечь безропотно готовы.

На крыльцо старик выходит,
Злобно дергая щекою,
Крепко сжал топор тяжелый
Узловатою рукою.
С ним сейчас не пробуй спорить,
Уговаривать не пробуй,—
И лицо его, и сердце
Изуродованы злобой...

О любимые березы —
Высоки, стройны, кудрявы!
Не успел никто спасти вас
От бессмысленной расправы.
А старик топор отбросил
И глядит тяжелым взглядом:
Две подруги белоствольных
На земле простерлись рядом...

Лишь луна смотрела сверху,
Проплывая в небе мгlistом,
И в лице не изменилась,
Наблюдая за убийством.
Только холодно блестела,
Равнодушна к судьбам мира,

Как подвешенная к небу
Острроверхая секира...
Что луне чужое горе?
Разве смерть ее тревожит?..
Нет, в борьбе с людскою злобой
Нам природа не поможет!
От злодейств очистить землю
Смогут люди только сами,
Чтоб дышать свободней стало
Под родными небесами.

Но от ненависти людям
Нелегко освободиться,
Зло само не возникает —
Зло всегда от зла родится.
Ведь не только жизнь Каюма
Вражья пуля погасила,—
Наши милые березы
Та же пуля подкосила!..
Да, того, что было в жизни,
Не вернуть и не исправить...
Вот и кончил я балладу.
Что еще могу добавить?
Много песен о березах.
Вот еще одна пропета,
И которою по счету
Будет в мире песня эта?

В дни весны, когда с березы
Сок стекает из надреза
И, кораблики пуская,
Детвора играет резво,
Будто медленно на землю
Рай спускается небесный,—
Ничего не жаль природе
В эти дни поры чудесной!

Радость в зелени весенней,
Радость в птичьей перекличке!..

Но напрасно две березы
Взор мой ищет по привычке.
Нет берез моих любимых,
Лишь торчит на косогоре
Старый домик, переживший
Тяжкое, двойное горе.

Нет берез... И словно в жизни
Все чего-то не хватает.
Два пенечка перед домом
Мхом, травой зарастают.
Кровля горбится уныло,
Даже окна потускнели,
Словно их глаза ослепли
И ресницы обгорели.

Стало в комнатах светлее,
Но былого нет уюта —
Как-то голо, непривычно
И тоскливо почему-то...
На крыльцо старик выходит,
На скамью, кряхтя, садится.
Он давно сказать хотел бы,
Только до сих пор стыдится:

«Слушай, мать, а зря когда-то
Мы берез не пожалели —
Зеленели бы, шумели,
Нам о сыне песни пели...»
И, по-старчески прищурясь,
Смутно видит он сквозь слезы:
Шелестя, над ним склонились
Две красавицы березы.

ОДИННАДЦАТЬ ПЕСЕН О ДРУГЕ

РОДНИКИ

Из двадцати одного родника
Пьет мой аул и не может напиться.
Песнями мне предстоит насладиться
Из двадцати одного родника
И перелить их в живые сердца,
Изнемогающие от жажды...
Полон мелодией собственной каждый:
Бьют родники и поют без конца.
Песню от песни учусь отличать:
Словно словам, я внимаю их звону,—
Как и вчера, говорливо, бессонно,
Им и сегодня, и завтра журчать...
— Кто понимает этот язык,
Разнообразный, и вечный, и странный?..—
Мне отвечают: — Спроси-ка Гилвана,
С юности он эту мудрость постиг.
— Только Гилван? Неужели — один?..
— Мы еще молоды. Он — наш учитель...
— Есть и постарше его — поищите!..
— Да, но Гилван же земли самой сын!
— Ну а мы все — что вблизи и вдали,
Дышим, творим, — не сыны ее, что ли?
— Прав ты отчасти... Да только легко ли
Сделаться подлинным сыном земли?..
И от земли своей неотделим —
С талого снега до первого снега...

Солнце ли в небе, ливень ли с неба —
Он с головой непокрытой по ним.
С черной землею, с травой, камнями
Он неразлучен и ночью и днем:
Он — словно дуб, уходящий корнями
В землю, и соки земли этой в нем.
Солнце взойдет и своими лучами
Первого сразу его озарит.
Ветер взовьется — Гилвана вначале
Он поцелует и в небо испарит.
Вкус родников ему с детства известен —
Каждого из двадцати одного...
И отличает он песню от песни,
С каждой из них ощущая родство. —
...Так, послужить мне советом готовы,
Все земляки рассказали о нем.
Низкий поклон им за доброе слово —
Доброе слово о друге моем!

Кто ж он? Как видно, не слишком-то
прост он,
Властно влекущий к себе, как магнит...
Чем же велик он? Душой или ростом?
Чем он обычен и чем знаменит?

Дай мне, Илах, бог любви, вдохновенье
И обостри мое зренье и слух;
В мир поэтических озарений
Дай мне проникнуть, друг мой пастух!..

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

МАТЬ

Разлилась Агидель —
Лишь сгорели снега:
Под водой оказались
Леса и луга.
Покрываются зеленью
Склоны горы:
Вот раздолье ребятам
Сейчас для игры!
Вскачь на прутиках мчаться,
Взнуздавши коней,
Так, чтоб искры летели бы
Из-под камней!
Взрослым, ясное дело,
Не до игры...
Но на склоны взгляни —
Сколько там детворы!
Поиграй, да поспи,
Да опять на коня...
Отдыхать да скакать
Не хватает и дня!..
Но сегодня Гилван
Не выходит сюда...
В его доме — народ,
В его доме — беда...
«Мама! Мама!..» — он плачет,
В глазах — темнота.
Сокрушаются люди вокруг:
Сирота...
Родниковой воды
Принесли на заре,
И обмыли ее,
И предали земле...

Ах, как страшно звучит:
Мать не есть, а была...
Я домой поспешил:
Меня мама ждала...

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

ЖЕРЕБЕНОК

Косьба. Над степью запах трав
Плывет и густ и тонок...
Тревожно на лугу заржав,
Понесся жеребенок —
С конца в конец, назад-вперед...
Он рвется вдаль куда-то
И, надрывая душу, ржет,
Отчаяньем объятый.
Бедняжка, потерял он мать,
Но все же, веря в чудо,
Не устает ее он звать,
Ее искать повсюду...
И сердце за него болит —
Ведь я помочь не в силах...
Смотрю я: с малышом стоит
Невдалеке кобыла.
И жеребенка своего
Голубит и ласкает...
Что до других ей! Никого
Она и знать не знает!..
Счастливцу среди ста дорог
Один лишь путь известен,
Счастливцу тесный мир широк,
А мир широкий — тесен...
Покос в лугах... И ранний час
И оживлен и звонок...
Искал, скакал — и скрылся с глаз
В тумане жеребенок...

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

ШИЛО, САПОГИ, БЕШМЕТ

Стучали в окна дождь и град.
Гилван пришел в аул назад.
Какие сапоги на нем,
В каком бешмете он —
Таких не сыщешь днем с огнем!
Аул — ошеломлен.
С него я не спускаю глаз:
Конечно, тут как тут.
Всего лишь лето скот он пас,
А так одет-обут!
Бреду я к дому своему
Как будто сквозь туман:
Как я завидую ему!
Ну, молодец Гилван!..
Какое шило он привез,
А что за рукоять!
Он мне, не дожидаясь просьб,
Дал в руки поддержать...
Мне б шило то! И я, хоть мал,
Кем только бы тогда ни стал!..
За лыком в лес пошли вдвоем,
Гилван, врагам на страх,
В бешмете шествовал своим
И в новых сапогах...
А я — в лаптях,
Ищу ответ
В неясном свете дня:
А будут ли когда иль нет
Такие сапоги, бешмет
И шило у меня?..

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

поля, дороги...

Есть ли песня, чтобы без подмоги
Нашего Гилвана зазвучала?
Есть ли где у нас поля, дороги,
Где б нога Гилвана не ступала?
Загоралась ли заря в полнеба,
Чтобы с ней Гилван не повстречался?
Есть ли место на полянах, где бы
След его костра не оставался?
Есть ли на лугу цветы-растенья,
Вовсе не известные Гилвану?
Обращались в жажде исцеленья
Дальние и местные — к Гилвану.
По тропе извилистой и узкой
От зари он бродит до зари.
Близок людям он:
Средь русских — русский,
А среди марийцев он — мари...
Нет на склонах каменных, пологих
Родников, откуда бы не пил он,
Нет такого поля и дороги,
Где б нога его не проходила...

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

МОМ ШТЕТ? МОЛАН?¹

— Что ты так поздно? Где застрял?..
Мом штет? Молан?
Овцу ль, корову потерял,
Пастух Гилван?
Ты все молчишь: ни «нет», ни «да»...

¹ Что делаешь? Зачем? (мар.)

Мом штет? Молан?
Стряслась ли вдруг с тобой беда,
Скажи, Гилван!..
Что так невесел ты сейчас?
Мом штет? Молан?
— Ведь все мальчишка я для вас —
Пастух Гилван...
— Что? Непонятен твой ответ!
Мом штет? Молан?
— А мне ведь девятнадцать лет, —
В ответ — Гилван.
— Ну что же, близко к двадцати!
Мом штет? Молан?
— Теперь покой прощай-прости!.. —
Угрюм Гилван.
— Но так ты грустен почему?
Мом штет? Молан?
— Жить надоело одному! —
В ответ — Гилван.
— Возьми гармонь, на игры выдь.
Мом штет? Молан?
— Что толку в играх может быть?
Один обман!
— Ну, отчего ты так сердит?
Мом штет? Молан?
— Мне одиночество претит, —
В ответ — Гилван.
— Сынком тогда обзаведись...
Мом штет? Молан?..
— Без мамы тут не обойтись, —
В ответ — Гилван.
— Что ж, маму приведи сперва.
Мом штет? Молан?..
— В шалаш? Но там одна трава! —
Убит Гилван.
— Ведь с милой рай и в шалаше.

Мом штет? Молан?..
— Но Салике не по душе
Пастух Гилван...
— Найдешь другую!.. Удручен
Ты зря! Молан?..
— Вам кажется, без сердца он,
Пастух Гилван?.. —
...И он, в сердцах махнув рукой,
Ушел в туман...
Марийской дочкой Саликой
Сражен Гилван...

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

ГИЛВАН-ИВАН

Из дома в дом —
То дальний путь, то близкий —
Гилван
От песни к песне
Устремлен...
То по-башкирски пел,
То по-марийски,
А нынче слушает Марусю он:
«...Петь будем и плясать будем,
Милый мой Гилван!
А смерть придет — умирать будем,
Ох, Гилван-Иван!..»
...О молодость!..
Лишь повела плечами
Мария — закружилась голова
У парня:
Небывалыми лучами
Озарены и камни и трава.
Осыпана цветами
Путь-дорога,

Прекрасно все!..
Мария — краше всех!
То ласково глядит она,
То строго —
Какой задор!
Какой манящий смех!
Взгляните на нее:
О, сколько света
В ее глазах...
Гилван —
Как счастлив он!..
Он хочет сына
К будущему лету...
А мир,
В наряды внешние одетый,
Черемуховым цветом напоен.
Бессонны ночи, безоглядны дни...
Сыграют свадьбу осенью они:
«Пить будем и гулять будем,
Маруся-ханум!..
А смерть придет — умирать будем,
Маруся-ханум!»

На свадьбе не плясал, не пел Гилван:
Не довелось — и не его вина.
Горело лето. Грянула война.
И воевать ушел Гилван-Иван.

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

ЖЕНЩИНЫ

Остались без Гилванов и Иванов
Повсюду и аулы и селенья...
Когда о том рассказывать я стану,
Пожалуй, усомнятся поколения

Грядущие... Пожалуй, не поверят:
Чем наши трудности они измерят?!
Да нужны ли рассказы?
Не расскажешь всего:
Нашим сестрам досталась
Тяжесть мира сего.
Запрягали корову
В наших селах весной
И впрягались с ней рядом
Сами бабы порой.
Все они выносили
В эти страдные дни,
Да еще и смеялись
Над собою они:
«...Запрягали — оттого что
Нет коней?.. Пустяки!..
Оттого на них мы пашем,
Что ушли пастухи:
Пропадут без присмотра —
Мы должны их спасти!
Нет в ауле Гилвана —
Кто их станет пасти?..
Мы коров караулим,
Не спускаем с них глаз...
А Гилван возвратится —
Все наладится враз!..»
А Гилвана все нету.
«Ох, вернулся б скорей!..
Говорили, что где-то
Он с Марусей своей
Повстречался — слышали? —
С ней в огне и в дыму...»
Повторяли, вздыхали:
«Уцелеть бы ему!..
Будто жгла его рана,
Пропадал он от мук,

**И Маруся Гилванов
Зов услышала вдруг...
...Сколько было тех «будто»...
Где тут правда, где ложь,
Разобраться не пробуй —
Все равно не поймешь...
Вот когда он вернется,
Одолев этот ад, —
Он во всем разберется,
И пойдет все на лад...**

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

**И вот желанье их сбылось:
Гилван пришел домой,
Прошитый пулями насквозь,
Ни мертвый, ни живой...
На сердце праздник, торжество,
И ясен солнца свет...
Но где Мария? Отчего
Ее с тобою нет?..
— Ведь воевать — не скот пасти
На пойменном лугу...
— О чем ты говоришь? Прости,
Понять я не могу...
— Я повторяю: воевать
Не то, что скот пасти...
Ведь с поля брани суждено
Не всем домой прийти...
— Где руку потерял свою,
В какой чужой дали?..
— Оставил я ее в бою,**

Когда в Берлин вошли...
— В ауле поживешь пока
Иль сразу — с глаз долой?..
— Вторая здесь моя рука:
Ведь я пришел домой...
— Но одному и в шалаше,
И во дворце беда!..
— Уж коль я вам не по душе,
Совсем пропал тогда!..
— Уж больно скор ты на язык,
Хоть молчалив на вид...
— Скор на язык?
Уж так привык!
Зато — не ядовит... —
...Вздыхали бабы:
— Ладно уж,
Брось шуточки хоть на миг...
Безрукий муж —
Чем он не муж?
Есть руки — у самих!..

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

МАЛИКА

Коль он останется в живых,
В аул вернется снова, —
Не горевать!
Не унывать! —
Гилван себе дал слово.
Зачем же встретил Малику
На узкой тропке он,
Похожую на Салику,
Которой был пленен
Когда-то в юности... Зачем?

Ведь в гости шел к соседу,
Что в двух шагах живет... Зачем
Он с ней завел беседу?
Не разойтись: тропа узка,
А чернокошая близка...
Гилван глядит несмело,
И вновь
Щемящая тоска
Гилваном завладела...
«Зачем?.. Зачем?..» — видать, своей
Судьбы не обойти,
И может, ты — судьба моя,
Что встретилась в пути?..

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

НЕ РАССТАВАЙСЯ СО СВОЕЙ ЛЫБИМОЙ!

М а л и к а

Не приходил бы чуть не каждый день —
И на меня не навлекал бы славы.
О вдовах поболтать кому не лень?
И в осуждении своем все правы...

Г и л в а н

Пускай болтают!.. Мы равно с тобой
Обречены на сплетни... Что скрывать?!
Есть крыша у тебя над головой —
От пересудов и дождя спастись...

М а л и к а

Не приходи, Гилван! Ведь, как назло,
И у меня нет ничего... Не надо...
И знай, кому хоть раз не повезло,
Не повезет и во второй, и в пятый...

Г и л в а н

Что ж, разве оттого, что у меня
Нет ничего, — душа твоя узка?
Нет, я не обездолен: у меня
Одно есть сердце и одна рука.

М а л и к а

Не говори, Гилван... Душа моя
Настороже: Мария — в сердце этом...
Смогу ли жизни радоваться я?
Смогу ль внимать я песням недопетым?..

Г и л в а н

Моим блужданиям наступил конец —
Извилистым путям неутомимым...
Счастливой стань, о встреча двух сердец!..
Не расставайся со своим любимым!
Проходят годы — жить еще и жить! —
Находки-годы, вы неповторимы...
Сто лет еще тебе счастливой быть...
Не расставайся со своим любимым!
В моей душе живет, как песня, грусть,
Грусть, как и радость, не проходит мимо.
Печаль в твое проникла сердце? Пусть!
Не расставайся со своим любимым!..

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

ЛЮБОВЬ

Не сердись на меня. Но скажи, отчего
У тебя, Малика, сердце так очерствело?
Оттого ль, что в Гилване себя самого
Вижу я, — я жалею его без предела.
Полюбить, но любимым не стать? По себе

Знаю я, Малика, — это смерти подобно!
С этим чувством в своей повстречался судьбе
И его испытал глубоко и подробно...
Ты богатою стать захотела? Но сам
Наш Гилван, драгоценный мой друг, разве
беден?

Малика, умоляю, отправимся к нам,
Все богатства Гилвана увидишь... Поедем!..
Лишь достойная нашим джигитам близка,
Недостойных, поверь мне, Гилван не заметит...
Тем, в ком бьется живая душа, Малика,
Нашу землю чужая земля не заменит.
Кто хоть раз наклонялся у нас к роднику,
Из других утолить своей жажды не сможет...
...Как-то в солнечный день я привел Малику
В милый край мой, что радостью душу

тревожит...

Мы ходили вдвоем... И я начал рассказ
О земле — и о славе ее, и о силе:
— Та вершина Емалгой зовется у нас,
На Урале Емельской ее окрестили...
Даль за лугом лежит, Малика, погляди,
Яуйыйды зовется она — «поле боя»,
А вон там Кандаулы лежит впереди —
«Место пролитой крови»: здесь зали герои...
Здесь какие джигиты рождаться должны!
Над просторами этими небо так чисто!..
Как на этих полянах все травы нежны,
Как средь этих лугов Агидель серебриста!..
И каким только цветом не льется она,
И какими тонами сияют соцветья!
Ну, какая еще тебе прелесть нужна —
Жить без той красоты невозможно на свете!
По тропинкам подыдемся в горы. Легки,
Вниз по склону сбежим... Глянь, как мир
необъятен!

Ты послушай, как тихо поют родники, —
Неужели тебе их язык непонятен?
Вот течет в Кандаулы рожденный родник:
Он у нас, Малика, называется Славой,
Наших дедов он славит, поет нам про них,
И отцов наших он прославляет по праву...
Этот — Радость: поет свои песни для тех,
Кто не знает печали и грусти не знает.
Он звенит и звенит, словно девичий смех!..
Что слеза, Малика, в твоем зоре сверкает?..
— Ну, еще как зовутся у вас родники?
И какие мелодии ими пропеты?
Вы на выдумки разные, знаю, легки,
Вас на это хватает — на то вы поэты...
— Нет! Обязаны всем мы моим землякам,
Хоть тебе это, верно, покажется странным, —
Это дали они имена родникам,
А точнее, все названия — дело Гилвана.
Если я красотой любоваться привык,
Малика, это тоже заслуга Гилвана;
Если я родников понимаю язык,
Малика, это тоже заслуги Гилвана.
У нас много еще родников, Малика.
Вот — Печалью зовется. Испей из Печали.
— Пью я, видишь, я пью из того родника,
Пью! — И слезы из глаз покатились

ручьями --

Пью печаль... Но скажи мне, скажи мне

скорей:

Где родник, что Любовью зовут?

— За поляной,

Вот видишь?.. К нему наклоняйся скорей.

А с ним рядом родник, что зовется Гилваном...

Мы, наверно, там встретим его в этот час...—

Что я вижу!.. И вправду, раздвинув растенья,
Вышел друг мой Гилван и, увидевши нас,

Задохнулся и замер в немом изумленье.
Здесь он, верно, бродил и бродил день-деньской,
Утолить свою жажду хотел из Печали...
Эй, душа! Ты — любовь вперемешку с тоской,
Наконец-то друг друга они повстречали...
Это — встреча на век или встреча на миг?
О Илах, объясни мне, что все это значит?..
Слезы льет Малика, что-то шепчет родник...
Ах, как сладко она, как безудержно плачет!..
Я уйду... Я оставить их должен одних...

ЕЩЕ НЕТ КОНЦА ПЕСНЯМ МОИМ...

И я ушел, у ключевой струи
Оставив песни грустные свои.
Пусть в песнь мою Илах вольтет свой свет:
О бог любви, что пред тобой поэт!..
Дороги, что мне выпало пройти,
То кажутся прямыми, то кривыми,
И песни все, рожденные в пути,
То кажутся чужими, то своими...
Я шел и шел... Мир невеликий свой
Расширил, мир пройдя разнообразный.
Моих стихов один конец живой
Всегда к земле родимой был привязан.
Я возвращался... Уезжал... И вот
Сейчас у моря я, в далекой дали...
А песнь моя уже меня здесь ждет:
Пришла она от родника Печали.
И вместе с песней той Гилван ко мне
Сюда явился со своей отарой,
И Малика застыла в тишине,
Прекрасна, словно на портрете старом...
Поэт-пастух, будь стар он или юн,

Покою он не ведает до гроба.
Что до скота — так у него табун,
Но только собери его попробуй...
Да, странен и причудлив мир поэта:
Порою лето у него зимой,
Порою на зиму похоже лето...
Вдруг в будни — праздник,
В праздники — заботы,
И в гости он идет, как на работу,
Как девушка идет на ултырма¹...
Друзья мои, сказать вам не могу,
Как рад, что под одним живем мы небом...
Без вас мой отдых здесь на берегу,
Уж вы поверьте, отдыхом бы не был...
И поселились в сердце вы моем
С великой песней синего прибоя.
Здесь, чудится, вы ходите вдвоем —
Со мной соединенные судьбою.
Твой голос прокатился меж хребтов,
Мой добрый друг Гилван... А перед взором
Ползет отара белых облаков, —
Не ты ли переваливаешь гору?..
Иди к вершинам, ввысь, и не забудь,
Что нашей осени не стать зеленой...
Ведь мы прошли отмеренный нам путь,
И годы вниз уже текут по склону.
Все заглушает яростный прибой...
Но все еще я помню: этим летом
На перекрестке встретились с тобой...
Я вновь твержу: тебя богаче — нету.
С тех пор как вас вдвоем у родника
Оставил я, земля вам стала раем.

¹ У л т ы р м а — этнографический обычай, когда девушка продолжительное время гостит у родственников со своим рукоделием.

Десятерых взрастила Малика,
«Илах, тебе спасибо!» — повторяя...
Из двадцати одного родника
В жажде испил я одиннадцать песен,
А остальные сладчайшие десять
Выпил Гилван и его Малика...

Рук сколько у Гилвана? Он сильнее,
Наверное, божественного Шивы:
Ведь у Гилвана девять сыновей
И дочь одна... Ну как не стать счастливым?!
Так сколько рук?.. Попробуй-ка сочти...
Какая мощь, и сила, и опора!
Нет, пройденного нам не жаль пути,
Но жаль, что мы прошли его так скоро.
И тут ты рассмеялся надо мною:
— Моих-то десять... Ты вот отстаешь:
Как справишься ты с дочкою одною?
С одним ребенком далеко ль пойдешь? —
...Да, отстаю. И не спешу на кручах,
Я на земле по-своему живу:
Не обгоняю впереди идущих
И ленточку на финише не рву.
На скачках конь, идущий первым, славен,
И в славе той никто ему не равен.
Тот, кто вдогонку скачет, тратя пыл,
В дороге вдосталь лишь глотает пыль.
Бежать вперегонки — скорей, скорее?!
Но жизнь — не скачки, как тут ни крути...
Я буду счастлив, если я сумею
Дорогу к сердцу твоему найти...
Гилван, Гилван, ты все еще ребенок:
Не разучился восхищаться ты!
Прекрасен мир, и красочен, и звонок
Для тех, кто не бежит от красоты.

Ты миром восхищен... А я — тобой,
Я восхищен тобой, в том нет сомненья,
Хоть сомневаюсь я в себе порой,
В могуществе своем, в своем уменье.
Поэт — он должен быть таким, как ты:
Открытым, безоглядно в жизнь влюбленным,
Что дышит пламенем и из воды
Выходит не погасшим — закаленным.
А слава-то капризна и странна:
Кому — как хлеб, кому — как груз
безмерный...

Герои получали ордена,
Три дня публиковали имена,
Тебя искал среди них три дня, наверно,
И не нашел... Ты — все равно герой.
Что в списках нет — о том тужить не надо:
О, если бы написанному мной
Стать для тебя хоть малою наградой!
Чужд моим песням и трезвон и шум,
В молчании я звуки различаю...
Порывы сердца и тревогу дум
Тебе, мой друг Гилван, я посвящаю,
Пусть голос твой звучит у родника,
Летит над полем, над степным простором...
Взбираются к вершинам облака —
Не ты ли переваливаешь гору?
Иди же вверх дорогою бессонной:
Ей нет конца, коль ты — неутомим...
Да, наши годы вниз текут по склону,
А песням нет еще конца моим...

ВСТУПЛЕНИЕ

Черная земля моя, родная,
Черная — от края и до края,
Черная земля моя — зеленая,
Красная, как будто опаленная,
Черная — сверкает желтизною,
Бурою становится от зноя.
Белая земля моя, седая,
По весне чернеет, оседая...
Свод над головою голубой,
Тучи чередой — над головой.
Сколько гроз над нею прогремело,
Молнии в мое вонзались тело...
Родники сливаются и реки,
Люди здесь встречаются навеки...
Черная — меня на белый свет
Родила, чтоб я оставил след,
Наделила с щедростью удачей,
Подарила радости в придачу
И тревогами не обделила,
Накормила, жажду утолила...
Как рубашка, что на мне надета,
Ты, земля, близка мне — ближе нету!..
Черная земля — мой полдень белый,
Черная земля — моя могила...
Золотая — ты мой труд и сила,
Ты — рубашка, что прильнула к телу...

Дым из трубы стоит столбом,
 Хлопот и света полон дом:
 К байраму пынче Асма
 Сбивает в кобэ масло.
 Байрам сегодня. И она
 На кыстыбай нашла пшена.
 Муки нашла на тесто:
 Пришедшим — честь и место!
 Но на земле — война. Гостей
 Давно не ждут. А ждут вестей
 В тревоге и надежде,
 А все, что было прежде,
 Ушло. Забыто. Третий год
 Идет война... Война идет
 За Родину святую...
 Забыты сабантуи...
 Средь слез, и горя, и потерь
 До сабантуев ли теперь?
 Но вот сегодня Асма
 Сбивает в кобэ масло...
 Огня и света полон дом:
 Байрам рубашки нынче в нем,
 Рубашки праздник нынче —
 Такой у нас обычай...
 Обычай... Они порой
 Иному кажутся игрой
 И странною забавой,
 Но я пою им славу!
 Народный праздник!.. Испокон
 Самой землею он рожден:
 Кончает сев весенний
 Народ у нас весельем...
 В знак окончания работ
 Хвалу земле он воздает —

С ее лишь разрешения:
Байрам — как завершение...
...Сейчас в полях опять страда —
Пора горячего труда:
Настало время жатвы,
И солнце светит жарко.
У старой Асмы — стол готов:
Ансафу, внуку, пять годков!
В день этот чистый, ясный
Большой байрам у Асмы!

Праздника светлей для Асмы нет:
— Ты, Ансаф, большой — тебе пять лет!
Полагалось в честь такого дня
Твоему отцу седлать коня
И рубашку на тебя надеть —
Ту, что сам он, в свой такой же день,
Надевал, — да и с тобой верхом
По селу промчаться с ветерком...
Провести бы праздник надо так...
Но отец сейчас в огне атак,
Но отца-то рядом с сыном нет.
Уж, наверно, более трех лет...
По дому весь день хлопочет Асма:
Затопила баню, сбила масло,
А на сердце так легко и ясно:
С праздником!..
Сумерки. Дневной стихает шум.
Возвращается домой Гульсум.
И в душе ее сегодня свет:
«Мой сынок Ансаф, тебе пять лет!
С праздником!..»
Все быстрее идет она, быстрее...
Ох, и повезло же Асме с ней!
— Да, уж мне с невесткой повезло, —
Говорит свекровь на все село, —

Оттого ль, что тяжестью войны,
Что бедою соединены,
Вдруг исчезла вечная вражда,
Словно не бывала никогда...
Девочка вошла невесткой в дом,
Стала юной матерью потом
И солдаткой обернулась вдруг...
Сколько же досталось бед и мук
Ей на долю... Трудно рассказать...
А терпенья ей — не занимать!
День-деньской не покладая рук
Трудится она среди подруг,
Терпелива — что ни говори, —
Трудится с зари и до зари
В ожиданье: только б жив-здоров
Муж вернулся под родимый кров...
Муж невестки — сын родимый мой...
Вот бы он сейчас домой —
Прямо на байрам, на торжество!..
Ох, скорей бы увидеть его!..
(Если б сын переступил порог,
Знала б Асма: есть на свете бог...) —
...Гульсум спешит домой... О если б вдруг
Сейчас письмо бы с фронта прилетело!
Гульсум спешит. И ловит каждый звук:
Не письмоносица ль в тумане белом?..
Гульсум спешит. Девчонка-почтальон
Торопится навстречу, к ней направлясь.
В потертой сумке — чей-то крик и стон,
В потертой сумке — чья-то боль и радость...
Сейчас сольются тропки — и одна
Соединит их общая дорога...
Гульсум не знает, с чем сейчас она
Вдруг встретится, объятая тревогой...
И Асме невдомек, что с ними будет...
(А баня уж совсем раскалена...)

Невестку ждет, задумавшись, она,
И праздник в ней воспоминанья будит:
«А жизнь-то не просто далась мне —
Кто есть, а кого-то уж нет:
Стоят лишь надгробные камни,
Свидетели прожитых лет.
Ушедшего мужа надгробье
Чернеет на горке крутой...
Мой сын — его плоть и подобье —
Остался в пять лет сиротой...
Отцом пятилетнего сына
Сам стал он... Как время бежит!..
(И Асма, склонившись устало,
Огонь в очаге ворошит...)
А мой нареченный горячим
Был в схватке с нелегкой судьбой:
Смеясь, он встречал неудачи,
А плакал — от счастья порой.
Ему не досталось на долю
Достатка — мечтами он жил,
Он в жизни не всем был доволен,
Но жизнью самой дорожил...»

2

Подкладывает старая поленья —
Байрам сегодня, ах, какой байрам!..
Сегодня будет вволю угощенья!
Айран да масло, масло да айран...
Давным-давно уж в кобэ сбито масло,
И все готово... Кажется, вот-вот
Калитка скрипнет... Вздрогнет сердце
Асмы...
Калитка скрипнет... Сын ее войдет...

И вправду — заскрипели вдруг ворота.
Вскочила Асма: бог нам шлет кого-то!
И в дом их, полный света и тепла,
С потертой сумкой девушка вошла.
Нет, не Гульсум сейчас у двери стала...
(Пришел — войди! Для всех открыта
дверь!..)

А почтальон, что носит в сумке старой
И радость, и печаль, и боль потерь...
Что носит горе... Лучше б в эти двери
Ей не зайти сегодня, не зайти...
Хоть день повременить, по крайней мере...
Эх, все равно судьбы не обойти!..
Сказала Асма: — Все я, дочка, вижу,
Написано все на лице твоём...
Не отвечай, но подойди поближе:
Ведь горе в наш сегодня входит дом?.. —
Сказать не в состоянье — та кивнула.
— Так это правда?.. —
Слезы лишь в ответ.
— Так это правда? —
Молча протянула
С бумагой похоронною пакет.
И Асма тут застывшими руками
Взяла ее — и к печке в тот же миг,
И бросила бумагу эту в пламя;
Взвился огонь, метнулся и затих...

И Асма девушке говорит:
— Взгляни, как в моем дому
Горе горит, горе горит
И пропадает в дыму.
Нет его! Превратившись в дым,
Оно улетело давно...
Зачем явилось к дверям моим
В праздничный день оно?..

Иди — да помни: глаза твои
Не видели ничего!
Иди — да помни: уши твои
Не слышали ничего... —
И девушка ушла.
Явилась вскоре
Гульсум... Спокойна Асма в тишине,
Как будто впрямь в огне сгорело горе...
«Ох, как же повезло с невесткой мне!..»

3

Нынче празднику каждый рад,
Все соседи давно уж в сборе.
В доме — радость, а в сердце — ад
От невыносимого горя...
Расстоянье меж ними смерть —
Между радостью и печалью.
Радость — в доме!.. Держись, не смей,
Чтоб глаза о беде кричали...

Запах пищи щекочет нос:
Дети замерли в ожиданье.
Долго ждать бы им не пришлось!
Мама моет Ансафа в бане.
А соседи о том, о сем
Все толкуют, собравшись вместе,
А по сути — все об одном:
— Этот жив... Тот пропал без вести... —
Приумолкли, взгрустнув, устав
От печальных воспоминаний...
...Но открылись тут двери бани:
— С легким паром тебя, Ансаф!..
Гляньте, яблока он румяней!..
Чист, как совесть он и как честь!—

Все мальчишки и все соседки
Им любят — все, как есть!
Как минуты такие редки!..

Открывает Асма сундук —
Все мгновенно замолкли вдруг:
И торжественно, с самого дна,
В наступившей на миг тиши
Из беленого полотна
Достает рубашку она —
Не рубашку, а часть души,
Нет, частицу прошедших лет,
Испытаний, тревог и бед,
Драгоценную жизни часть,—
Сохраниться б ей, не пропасть!..
Асма молвила в тот же час:
— Есть обычай в роду у нас:
Когда сыну минет пять лет,
Должен сразу отец его,
Чтоб отпраздновать торжество,
Нарядить в рубашку свою,—
Так ведется в нашем краю,—
В ту, в которую сам одет
Был когда-то — в свои пять лет.
И во славу этого дня
Должен он оседлать коня,
На него вместе с сыном сесть...
Да, такой уж обычай есть!..
Конь, оседланный далеко,
На него вскочить нелегко...
В этот день на своем коне
Сын мой скачет в сплошном огне...—
...Ох, как на сердце тяжело...
Горе душу огнем сожгло...
Только Асма, едва жива,
Подбирает дальше слова:

— Нет оседланного коня,
Он в бою... Подожди, Ансаф,
Будет час — и в сиянье дня
Полетишь меж высоких трав...
Нет отца... Он сейчас в бою...
И тебе, Гульсум, в этот день
Я рубашку эту даю,
Ты на сына ее надень.
Береги ее пуще глаз,—
Я сама полотно ткала:
Муж твой был, как Ансаф, как раз,
Я ж, как ты, молодой была...

В рубашке этой — пот и труд упорный
И пламя сердца свекра твоего.
В рубашке этой — сок родимой, черной,
Живой земли — и плоть и естество.
В рубашке этой — влага Эрачаза,
Долины, где веходила конопля,
Вкус Ак-Шишмы, чей звон — как звуки саза,
Печаль и радость, что дала земля.
В рубашке этой все сплелось, как нити,
Что в ткани вдоль и поперек бегут:
Лучи и дождь, надежды и открытья,
Свет глаз моих и молодости труд...
Рубашку эту мы с отцом надели
На мальчика... О, сколько утекло
С тех пор воды... Была на детском теле
Она... Я чую и сейчас тепло...
Ансаф, о будь таким же человечным,
Как твой отец! Свободен духом будь!
Как и отец, определи свой путь
И все вокруг согрей теплом сердечным!
Гульсум! Тебе великое спасибо...
Пусть сын твой будет на тебя похож.
Хочу, чтоб вместе вы по жизни шли бы,—

Я верю — в нем ты радость обрешь.
Настанет день... И этот праздник снова
Здесь в доме грянет... Только мне на нем
Уж не бывать... Что делать — жизнь сурова...
Прошу тебя, невестка, об одном:
Пусть будет у тебя рубашка эта,
Куда б кого судьба ни привела.
Она должна на внука быть надета
Здесь — на виду у целого села.
Прошу, края не покидайте эти —
Родной землей сильны людей сердца.
Ведь человек всегда на белом свете —
Живая память деда и отца.
Я отдаю, невестка, с сердцем вместе
Тебе рубашку сына в этот день.
Она — как знак достоинства и чести,
Ее на сына своего надень.
Сегодняшний свой день и день вчерашний
В тебе я вижу: ткань надежд и мук...—
Взяла Гульсум из рук ее рубашку
И к полотну лицом прижалась вдруг.
Поцеловать? Прикрыть лицо хотела?
Не разберешь — хотела ль слезы скрыть?..
Не разберешь — да разве в этом дело?..
Все может быть, о да, все может быть...
Молчанье. Только вздрагивают плечи
У всех — и у Гульсум, и у гостей...
— Не надо плакать... Ведь должны беречь мы,—
Сказала Асма, — праздники детей...—
А у самой в душе — такое горе,
Такие муки — выразить ли их?..
Байрам в разгаре...
Все соседи в сборе.
И наступает самый главный миг:
Представив сына скачущим на белом
Степном коне с утра и дотемна,

Гульсум рубашку на него надела,
Рубашку из простого полотна.
Стоит Ансаф в заботливо хранимой
Отцовской той рубашке средь гостей...
О, есть минуты, что неповторимы,
Непостижимы в красоте своей!..

4

Ты понимаешь ли, Ансаф,
Тот миг уже не повторится!
О если б мне, тобою став,
На миг в те годы возвратиться!..

Кто ты, Ансаф? Не сын ли мой,
Оставшийся моей мечтой?
Не в ту ль рубашку ты одет,
В какой я был в свои пять лет?..
И бабушка твоя — как знать!
Как знать! — уж не моя ли мать?..

...Первейшая умелица села!
О, сколько мама мне рубашек сшила...
Сама пряла и холст сама ткала,
Сама его белила и сушила...
Ох, эти нитки!.. За движеньем рук
Не уследишь... Глаза не успевают...
Когда, бывало, меж ладоней вдруг
Она веретено свое пускает:
В ее руках, как вихрь, веретено
Вращается, а нитка бесконечна,
Все тянется, пока жужжит оно...
А ниток-то продольных, поперечных
Десятки верст!.. Коль их соединить,
Весь шар земной ты обмотать сумеешь.

Спряденную тобой кто смерил нить?
Ты и сама вовек ее не смеришь.
Ох эти нитки!.. Как их плоть тонка —
И как крепки они на самом деле...
Они сквозь тело ткацкого станка,
Как сквозь ушко иглы, пройти сумели...
О матери, постигшие всерьез
И тайны ткани, и секреты пряжи,
Стихи ли то, что мне писать пришлось?
Они грубы, порой корявы даже,
Порой непрочны...
Пряжу я пряду,
На шпульку нить наматывать пытаюсь...
Не знаю: славу ли пою труду
Иль трудностями просто похваляюсь?..
Петь труд простой — труд, когда спину гнут,
Иль проклинать, считать его мученьем?..
Но ведь к земле гнет наши спины труд...
К земле родной! А есть ли что священной?!
О матери!.. В дар будущим векам
Я памятник воздвиг бы их рукам...
...Я — как рубашка та, что мать моя
Пряла, ткала и сшила из холстины...
Я — с той земли, где лен и конопля,
Где дождь и солнце слиты воедино.
Ансаф! На теле на твоём мягка
Земля — роса, и дождь, и полдень белый...
О, как она тебе и мне близка,
Земля-рубашка, что прильнула к телу...
Я лет своих разматывал клубок
И удалился в прошлое — простите!..
И вновь вернули на родной порог
Меня те нескончаемые нити...

Байрам!.. Весельем полон дом,
 В разгаре праздник.
 Смех кругом.
 Уж кыстыбый весь съеден,
 И подают соседям
 Айран — бывает ли свежей?!
 Рты у мальчишек — до ушей...
 В ладоши бьют,
 В ладоши бьют,
 И гости пляшут и поют...
 А в середину, пыль подняв,
 Ворвался бурей Ансаф:
 То вихрем взмлет, то волчком
 Завертится, то каблучком
 Пристукнет вдруг и вновь взлетит
 С душою нараспашку,
 И белизной на нем горит
 Отцовская рубашка.
 Так пляшет он, не чуя ног,
 Нет, ноги ходят сами —
 По кругу, вдоль и поперек,
 Взвивается, как пламя...
 Откуда это мастерство?
 Нам не открыть секрета:
 Кто научил плясать его?
 В крови ль умение это?..
 Гульсум любит: «Отца
 Он вылитый портрет!»
 И шепчет Асма: «И с лица
 И по повадкам — дед...»
 В ладоши бьют,
 В ладоши бьют,
 Словцом подбодрив метким,

**И песню весело поют
Мальчишки и соседки:**

**«Кто рубашку эту ткал?
Кто посеял? Кто убрал?
Пряжу пряд и нить сучил?
Кто холстину побелил?
Кто вальком побил слегка —
То ль свекровь, а то ль сноха?
Кто надел рубашку вдруг?**

**Чей он сын и чей он внук?..
Лебедь бел,
Лебедь бел,
Крылья белые надел...»**

**Ансаф взмывает, как огонь,
Стучит ногами дробно,
Как мчащийся на скачках конь,
Путем летящий ровным.
Летит Ансаф,
Плывет Ансаф,
Самозабвенно пляшет..
Вот он к дверям летит стремглав,
Рукой, как саблей, машет.
И — в дверь открытую..
За ним
Рванулись все ребята.
Один несется за другим
По улице куда-то..
И Асма видит сквозь окно,
Как вовсе без усилий
Ансаф всех обогнал давно,—
Его рубашки полотно
Трепещет, словно крылья..
И ей сдается: не Ансаф**

Бежит среди детей,—
Его отец, ребенком став,
Пройдя сквозь сто смертей,
Домой вернулся невредим
И мчится по селу...
О, как она сейчас за ним
Следит, припав к стеклу!..
И вдруг, не выдержав, она,
Бежит из дома прочь...
Душа отчаянья полна,
Молчать уже невмочь.
Укрыться бы от всех скорей,
Заплакать бы навзрыд...
...Гульсум, следившая за ней,
Сейчас же вслед спешит...
— Не знаешь, дочка, ничего,
Какие с нами беды...
— Все знаю, мама... Оттого
И выбежала следом.
Какие скажешь тут слова?
От горя будто стыну:
Наполовину лишь жива —
Мертва наполовину...
— Аллах, терпением награди
Тебя, сними усталость...
Ведь у тебя — все впереди,
А я — что мне осталось?..
— Нет, мама, нет, живи сто лет,
Еще сто лет на свете!
Ведь без тебя нам свет не свет,
Мы без тебя — лишь дети...—
...А вдоль по улице Ансаф,
В мечтах гнедого оседлав,
Летит, летит, как ветер.

ЭПИЛОГ

В тени прохладной под бананами
Ребенок спит. Ребенок спит.
За Гималаями туманными,
Как полог, духота висит.
В густой листве — за Гималаями —
Столетний попугай живет.
И никогда над попугаями
Снег не идет. Снег не идет.
Ребенок спит. Коляска светится,
Как колыбель из серебра.
Склонилась мать в сиянье месяца
Над ним, как бабушка, добра...
Тишь и согласие над планетою,
И на чужбине мальчик спит...
Придет отец, пропахший нефтью,
И над коляской постойт...
Отец — Ансаф:
Уралом посланный,
Бурит пласты чужой земли.
Луга, осыпанные росами,
Зовут из голубой дали...
В тени прохладной под бананами
Ребенок спит.
А вдалеке
Лежит рубашка полотняная
В железном, старом сундуке...
О человек растущий! Многое
Ему проделать предстоит...
Перед далекою дорогою
Ребенок спит. Ребенок спит...
Домой он скоро возвратится —
На землю деда и отца,
В рубашке
На коне помчится
Путем, не знающим конца...

СТОРОНЫ

БЛИЗКИЕ СТОРОНЫ

Каждая сторона жизни моей —
Расстояние меж сердцами...

КАКОГО СЫНА ВИДИШЬ ТЫ ВО МНЕ?

Во мне — все от тебя. И нет дорожке
Тебя — ты жизни, страсти, песен суть.
Ты обликом на мать мою похожа —
Мой некогда определила путь.
Земля моя, любовью переполнен,
Твой сын — каким предстал я пред тобой?
Знай, если молнией сверкнешь средь молний,
Я буду в искрах, в выси огневой.

Всю красоту твою, твое величье
Впитал я с материнским молоком.
Язык отца, твой образ и обличье
Живут во мне не частью — целиком.
Земля моя, когда, как мать, ты взглянешь,—
Какого сына видишь ты во мне?
О, знай одно ты: если громом грянешь,
В раскатах буду я — не в стороне.

Превыше всех — твое святое имя,
Все звуки, краски — праздник для меня.
И если их лишусь, расстанусь с ними,
Не выдержу, не выживу ни дня...
Земля моя, ты явленное чудо.
Твой сын — каким предстал я пред тобой?
Знай, если будешь ранена — я буду
В крови твоей, горячей и живой.

ОТЧИЙ ДОМ

Первым вздохом, первым плачем,
Материнским молоком
Ты живешь во мне — горячим
Жарким пламенем с дымком.
Без тебя мы мало значим,
Отчий дом, отчий дом.

Материнский взгляд тревожный,
Первый шаг — исток дорог.
Крылья, чтобы было можно
Землю вдоль и поперек
Облететь за краткий срок.
Ты наш верный друг надежный,
Отчий дом, отчий дом.

В миг веселья, в час печали
Слезы матери моей...
Звал меня из дальней дали,
Возвращал со всех морей —
Есть второй такой? Едва ли —
Отчий дом, отчий дом.

Вдох последний: той минуты
Не избежать никому...
Вечны только мир — не смута,—
Горы в голубом дыму,
В очаге огонь раздутый —
Отчий дом, отчий дом.

УФИМСКИЕ ЛИПЫ

Улица юности!
Я как сейчас
Помню ту радость без края!

Липы уфимские
Скажут о нас,
Листья свои распуская.

Годы, как кони, —
Скрываются с глаз,
Блещет узда золотая...
Липы уфимские
Вспомнят о нас,
В белых цветах утопая.

Дважды не гаснет огонь —
Только раз,
Жизнь не приходит вторая.
Липы уфимские
Вспомнят о нас,
Листья под осень теряя.

БАШКОРТОСТАН

Башкортостан! Мне кажешься порой
Медовым ты — и в эту же минуту
Дегтярником встаешь передо мной
В одежде, пропитавшейся мазутом.

В тебе и мед и деготь ужились,
Башкортостан, тебе простор твой тесен,
И дух твоих джайлау, испаривший ввысь,
Напевом входит в дом твой, полный песен.

Как сладостен твой воздух для меня —
Кумыса запах ты и запах хлеба!..
Ты — край степей, лесов, воды, огня
И чистого целительного неба...

Башкортостан! На огненных конях
Скакал ты по горам и по равнине,
Историю писал ты на камнях,—
Книг не было тогда еще в помине...

Тебе судьбою многое дано,
В тебе моя надежда и награда,
Что надобно душе — всего полно:
И на земле и под землею — клады.

К сокровищам мы приоткрыли дверь,
Они бесценно дороги... И все же
Сокровища души твоей — поверь! —
Они любого золота дороже.

Как мелодичен твой язык! И власть
Его над нашим слухом безгранична...
А в сердце у тебя — огонь и страсть
Тобою рождены, тобою лично.

И каждый звук твой, каждый луч и цвет —
Они твои, с другими не сравнимы:
Дожди, что льют, — на них управы нет!
И облака что проплывают мимо...

Мой край любимый, всюду ты иной,
Различны и повадки, и дыханье:
В Дуване дует ветер ледяной,
А в Зилаире — зноя полыханье.

С теплом своим и холодом своим
Ты навсегда в душе моей и теле.
Ты — запах дегтя, что неистребим,
И меда вкус — все ты, на самом деле.

Я все обрел в тебе, земля моя,
Дар речи получил, и слух, и зрение,
В тебе одной мои приобретения...
Не поклонялся найденному я...
Одной тебе обязанный судьбой,
Земля моя, склоняюсь пред тобой.

ЛЮБОВЬ НАСТИГАЕТ МЕНЯ

Сибгату Хакиму

Любовь настигает меня, и я чувствую это —
Все ближе и ближе она, наяву — не во сне,
Сквозь взгляды косые, сбивая замки и запреты,
Она прорывается силой могучей ко мне.

Любовь настигает меня, это я ощущаю:
Наверно, в отместку и в пику недоброй судьбе
Меня настигает, настойчиво мне обещая:
«Лишь я подарю небывалое счастье тебе!»

Любовь настигает меня, и я чувствую это.
И чувствую я, сколько ждет ее пыток и мук...
Все будет — о чем я бессонно мечтал до рассвета,
Душа, утомясь, наконец успокоится вдруг.

Любовь настигает меня — не могу не признаться,
Однако рабом я не стану ее никогда.
Мечты моей жизни нелегкой — как прах разлетятся,
Их ветер развеет и прочь унесет их вода.

Любовь настигает меня, приближается... Что же,
Вспять годы мои отступить, задержаться хотят.
Я, кажется, сделаю мир этот бранный моложе,
Из юности давней своей возвратившись назад.

Любовь настигает меня — так неожиданно и сразу,
Она объявилась, рожденная на глубине.
Без сватов отважилась, не ожидая приказа,
По собственной воле решила явиться ко мне.

Любовь настигает меня, и я чувствую это...
Огонь, загоревшийся в недрах земной доброты,—
Земная любовь, ты источник великого света,
О есть ли на свете подарок дороже, чем ты?

Любовь настигает меня...

ВАСИЛЬКИ

Иду я по июньскому приволью,
Под синевой шаги мои легки...
Я вижу: посреди ржаного поля
И на тропе синеют васильки.

Шагаю я, ничем не озабочен,
И вглядываюсь в них — детей земли:
Растоптаны иные вдоль обочин,
Их венчики и в дегте и в пыли.

И лишь во ржи растущие — пригожи,
Синей небес, чисты, как родники...
Но все же тем не менее — пред рожью
Они всего лишь только — сорняки.

ЗАТОСКОВАЛА Б ТЫ, КАК Я ТОСКУЮ

Пути и годы разделили нас,
Отсчитываю вновь я месяц каждый...
Жить можно ль дважды в тот же день и час?
Возможно ль полюбить кого-то дважды?

Я вспоминаю каждый день и миг
И безуспешно пробую проснуться.
Ты пишешь, что напев полей моих
Звучит — лишь стоит памяти коснуться.

О если бы по краю моему
Затосковала ты — как я тоскую!
Смотрю сквозь годы... В голубом дыму
Тебя я вижу — дальнюю такую.

Везде, куда я ни иду, ручьи,
Леса и горы по тебе томятся.
Не слезы — ясных глаз твоих лучи
На тихие поля мои стремятся.

Ты пишешь, что звучит напев полей,
Едва лишь ты струн памяти коснешься...
О, затоскуй по стороне моей,
Как я, и ты душою вострепнешься.

Порой уменье тосковать, любя,
На счастье настоящее похоже...
Быть может, я не первый у тебя,
Но в жизни и последний нужен тоже.

Приводит, верю, к встрече путь мечты,
Пускай к последней,— знай, я жду такую...
О, если бы по мне сегодня ты
Затосковала так — как я тоскую!

27 ИЮНЯ

Сегодня на минуту — день короче:
А света столько, что сказать нельзя!
Сегодня — пусть не праздник! — ближе к ночи,
Как в праздник, вместе собрались друзья.

Подумаешь — всего одна минута!..
Смеются, шутят — все, кому не лень...
Минута — мелочь, незаметна будто...
Жизнь на один короче стала день.

ТЫ — МОЯ ПОЖИЗНЕННАЯ РОВЕСНИЦА

Жене

Ровесница первых стихов моих — ты,
И радости первой, и первой тревоги.
О сколько же было трудов, маеты,
Пока они встретились — наши дороги!

Пока ты росла от меня в стороне,
Я все молодым оставался, как прежде.
Как будто была ты предсказана мне,
Я ждал тебя, ждал — до последней надежды.

Мы, верно, обязаны той же судьбе,
Что вместе явились к нам радость и беды.
Душа и характер схватились в борьбе —
И мы над собой одержали победу.

Нас трудности не обошли стороной —
Метели нежданные, вихри чужие.
За каменной мы не скрывались стеной,
Вперед мы рвались и на месте кружили.

Всех наших волнений и дел существо
Не стали мы разными мерками мерить.
Обманывать скверно... Но хуже всего —
Себя обмануть и в обман тот поверить.

Друзьям моим верным — ты истинный друг,
С врагами — меня беспощадней и злее...

Умру я — останется замкнутым круг,
Останусь в тебе я, останусь в тебе я...

Бежали дороги, промчались года,
Пока мы с тобой неразлучными стали.
Отныне — ровесница ты навсегда
Всех песен моих, и надежд, и печалей.

ГДЕ Я БЫЛ?

... при раздаче ума оставался
за домом.

Слова матери

Где был тогда я, где ходил-бродил,
Когда бессмертье с вечностью шепталось?..
Я родился — и, значит, дома был,
Когда жизнь на планете раздавалась.

Жизнь — словно птица:
Взмлет в вышину
И — камнем вниз,
Вверх-вниз и не иначе,
Перебирая за струной струну
Тех лет, что мне достались при раздаче.

Серебряные струны! Вы — года
Короткие, что я так быстро прожил.
И сколько их еще?.. Вы навсегда
Останетесь мне золота дороже.

Но где я был, в какой скитался мгле,
Каким был светом увиден мгновенным,
Когда вручались людям на земле
Солидность, красота и нрав степенный?

Но где я был в дни юности, когда
На языке любви слова звучали?..

Я дома был, когда пришла беда,
Когда оружие с ходу нам вручали.

Я дома был, когда добро со злом
Схватились насмерть...
Я ушел из дома,
Когда бездарность лезла напролом,
Гонясь за славой, завистью влекома...

Я был всегда таким, какой я есть,
Что есть — то есть:
Не много и не мало...
Я почести не почитал за честь,
И суета меня не донимала.

И жар, и ум... Что есть — то есть во мне,
Не обману, себе я знаю цену...
В почтительной склоняюсь тишине
Пред добротой и красотой вселенной.

А явится из вечности немой
Безвестной бездны вестник —
Отовсюду,
Где б ни был я,
Я устремлюсь домой,
Смерть явится моя — я дома буду.

ПОД ДУБОМ

О чем-то думал я... Но легкий стук
Прервал течение моей мысли вдруг:
С могучей ветки желудь, слаб и мал,
С чуть слышным треском на асфальт упал.

Вот жизни суть — понятна и проста:
У всех — свой срок, у всех — свои места.

Роняет колос спелое зерно,
И неразрывна цепь — к звену звено...
У всех свой срок, свои места, свой нрав:
И травы вновь рождаются от трав,
Могучие дубы — от желудей,
И люди остаются от людей,
Эпоха остается, красота,
И идеал, и вера, и мечта...

О золотое время года!.. Груб,
Лишь ветер задевает всех... И вот,
Стремясь свой след оставить в мире, дуб,
Могучий дуб, чтобы продлить свой род,
Роняет на асфальт, на камень плод...

ЛЕТНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Земля зелена... Шепчут на ухо листьям зеленым
Зеленые ветры зеленую тайну свою...
Зеленые тропы бегут. И, взобравшись по склонам,
Зеленым юнцом, замирая от счастья, стою.

О мир мой зеленый, безмерно и вечно любимый,
В зеленых напевах плывущий среди суеты,
Ответь, неужели так просто и неотвратно
И ты пожелтеешь однажды — неужто и ты?..

РАЗГОВОР СО СВОИМ ТОЛЬКО ЧТО НАПИСАННЫМ СТИХОТВОРЕНИЕМ

Ночной порой с тобой наедине
Как счастлив я сейчас,
Как я встревожен...
Тебя люблю я,
Как ты дорог мне,—
Сейчас, пожалуй, нет тебя дороже!

Младенец мой,
Среди притихшей тьмы
Явившийся на свет —
В ночном покое,
С тобой наедине — едины мы,
А завтра — может быть совсем другое!

Еще ты мой
И более ничей:
Никто тебя не слышал и не видел,
Никто не произнес еще речей —
Не похвалил тебя и не обидел.

А завтра — в путь...
Другие любят пусть
Тебя, как я,—
Наедине с тобою...
Не как актеры, что играют грусть
И страсть любовную
Перед толпою.

Напутствовать тебя я не могу —
Начни, мол, прославлять или бороться...
Но будь без шума пред людьми в долгу
И к доброте взывай и благородству.

Пусть люди в путь с собой тебя берут
И в дальние края,
И по соседству,
Почтут за честь
И не сочтут за труд
С тобой быть вместе всюду —
Сердце к сердцу...

Пускай влюбляется в тебя и тот,
Кто испытал любви священный трепет,

**И тот, кто чуть не годы напролет
Твердит, что отродясь стихов не терпит.**

**На свет ты появился —
И дороже
Тебя, мой отдых и мученье,
Нет...
И счастлив я сейчас,
И я встревожен —
Как эта ночь
И брезжащий рассвет.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

**Кончен сабантуй. Отгрохотал.
Отгремели громы на майдане.
Отблестав, улегся буйный шквал
Празднично-лихих соревнований.**

**Пенился, кипел он, как вино.
Начинался чуть ли не с рассветом.
И затих. И все унесено...
Все исчезло,— точно сдуло ветром...**

**Убежали бегуны. Борьба
Завершилась... Тихо на майдане.
Черепки горшков — как черепа
На вчера шумевшем поле брани.**

**Площадь сонная лежит, пыля,
В тишине и запустенье горьком...
...По тропе поднялся я в поля,
И майдан остался под пригорком.**

Волны ржи — все гуще, все пышней,
Удалось ей славно уродиться!
Соревнуется пшеница с ней,
Не отстала от нее пшеница.

Сабантуя здесь покуда ждут,
Хоть колосья празднично одеты.
Вот он где — еще грядущий труд,
Песни, что пока еще не петы!

Здесь борьба лишь завтра предстоит,
Будут здесь победы и напасти.
Сотни светлых радостей, обид...
Неполадки... Пламенные страсти...

Вот где заблестает торжество,
Схватки боевые и тревога...
И чего не хватит у того,
У другого будет слишком много!..

А пока чуть зыблется волна
Зелени под чистой бирюзою...
А пока — покой и тишина...
Нет, затишье перед грозой!

* * *

Исчезаю... Душа моя тает...
Растворяюсь в тебе, как во сне...
Жизнь проходит... О нет, пролетает...
Нет раскаянья места во мне.

Растворяюсь в тебе... Ощуцаю
Безграничность пространств — тесноту.
В юность душу свою возвращаю
И касаюсь небес на лету.

Пламя нежности — неугасимо.
Жизнь без нежности — невыносима.

ТЕБЯ ПРОВОЖАЮ

Тебя провожаю, а сам, не с толпой,
Жду дня твоего возвращения.
Тебя провожаю и вместе с тобой
Напутствую ветер осенний.

А ветер срывает с деревьев листву
И кружится, желт и неистов.
Я, осень сейчас провожая, зову,
Жду дней возвращения листьев.

Казалось, степенным я стал, и огонь
Мне чужд, и душа не дерзает...
По правде ж, душа, словно скачущий конь,
Рвет повод, узду разгрызает.

ОСЕНЬ. МГЛА НОЧНАЯ

Осень. Мгла ночная. Дождь и ветер,
Осень — пир ее и торжество.
Дождь да ветер — больше никого;
Я — один на целом белом свете.

Свет из окон оттесняет тьму,
И березы белизной сверкают,
И шумят они, не умолкают, —
Но кому шуметь еще, кому?

Как мне хорошо в минуты эти!
Никого не жду и не зову...
Кажется мне — сам я, наяву,
Дождь да ветер... Сам я — дождь и ветер.

МЕРИН

Не знаю я, на радость, на беду,
Вдруг вспомнился мне конь — мой сивый
мерин.

Впервые с ним ступив на борозду,
Пахать я начал, молод и уверен.

Его я добрым словом помяну:
Он малым жеребенком потерялся
И к нашему прибился табуну
И потому у нас приблудным звался.

Как был он смирен!.. Как он плуг тащил
Безропотно и силы не жалея...
Но никакой хомут не подходил
Ему — и до крови стирал он шею.

Как мы пахали!.. Помню те года...
Нетерпелив, порой я втайне злился,
Когда он оступался... «Борозда!..» —
Кричал ему я и кнутом грозился.

Готов сегодня я, отбросив кнут,
Просить прощенья у него за это.
Да только знаю: долго не живут
Ни кони, ни великие поэты...

Мне кажется, по борозде иду,
Пот проливаю, напрягая силы.
Да только плуг сейчас я не веду,
Сам в плуг впряжен я, а не мерин сивый.

А плуг тянуть — совсем не то что плуг
Вести... Тащу, тащу, все силы трачу.
Но коль из борозды я выйду вдруг,
Кричат мне: «Борозда!..» — тащу, не плачу...
Как знать, быть может, и нельзя иначе...

МЯТА

Погляди на луг, на косогор,
Где растет, не привлекая взор,
Неприметная травинка — мята,
Здесь живет со стародавних пор.

Ветер тронет, иль потопчет скот,
Или человек по ней пройдет,
Все сильнее ее благоуханье, —
Запах мяты над землей плывет.

Ветер времени коснется пусть
Песен, что твержу я наизусть,
Чтоб, как запах мяты, все слышнее
Были их звучанье, радость, грусть...

Высокая полночь — чиста и ясна.
Торжественно входит в наш дом тишина.

Ни шороха... Вдруг, тишину разорвав,
Залаяла хрипло собака: гав, гав!..

Как будто почуяла что-то в ночи,
Что ей — не по праву...

— Эй ты, помолчи!..

Прекрасная полночь над миром плывет,
И звезды, волшебный ведя хоровод,

Беззвучные песни поют над землей...
К чему этот лай — раздраженный и злой?!

Он может надолго спугнуть благодать...
Спуститься во двор?.. И собаку прогнать?..

Не стоит... Пусть злится себе до утра!
К собачьему лаю привыкнуть пора...
Да нет, не могу!..

ДРУГУ ПОСЛЕ ВЧЕРАШНЕГО СЛУЧАЯ

Плюнь на мелкую тревогу!
Ты ведь прав.
А у мира, слава богу, —
Свой устав.

Грызли мелкие злодеи
Всех времен
Тех, кто разумом щедрее
Одарен.

И тебя они пинают,
Теребя.
За бездарность пусть пеняют
На себя!

Из-за них не много ль чести
Горевать?
На слова их — с ними вместе! —
Наплевать!

Из-за них грустить нам, что ли?..
В том — их цель!..
Лучше выйди на приволье,
В снег, в метель!

Сколько радости на свете!
Что тужить?!

**Снег кружится. Веет ветер...
Стоит жить!**

**Ради тех цветов, что вскоре
Запестрят...
Погляди, как мир просторен
И богат!**

**Злость оставь ничтожным людям —
На беду!..
С вольным, добрым миром будем
Жить в ладу!**

В ГОСТЯХ Я БЫЛ ОДНАЖДЫ У ЦВЕТОВ

**В гостях я был однажды у цветов:
Июньский вечер в странном плыл тумане...
Сто раз судьбу благодарить готов
За те цветы, за их благоуханье.**

**Я потерял счет времени с тех пор,
Мне вечностью казались те мгновенья,
Я смену дней воспринимал как вздор,
Не чувствовал, что день настал осенний.**

**Теперь зима — над миром белый стяг.
Но в доме — краски и благоуханье:
Цветы сегодня у меня в гостях,
И снова вечер тот плывет в тумане.**

ХВАЛА ОГНЮ

*Ветерану 2-й гвардейской танковой
армии, фронтовому другу —
Дмитрию Ефремову*

I

Был на Олимпе он зажжен и донесен до нас.
Пылал и днем и ночью он и все-таки погас.
Ведь то, что зажигают раз, погаснет все равно,
И лишь в людских сердцах — у нас сиять ему дано.
Огонь с горы Олимпа смог к нам, до Москвы, дойти,
Как яркий праздничный цветок, пылая на пути.
Прошел он по бульварам Ясс, сквозь Харьков твой
прошел,
Проплыл, как звездочка светясь, сквозь Курск, через
Орел.

И мы когда-то, мы сквозь гром — шли с ним путем
одним,
Но в направлении другом: шли из Москвы в
Берлин...
Коней войны мы гнали в бой под огненной дугой —
Орловско-Курскою дугой... Ты помнишь, дорогой?..
По Украине шел наш путь, Молдову мы прошли.
Мы первыми смогли шагнуть за грань родной земли...
И, подавив своим огнем врага в те дни войны,
Открыли незабвенным днем дни мирной тишины.

II

Есть на Земле три грозные стихии:
Огонь, вода и вихрь, валящий с ног,—
Всех сил земных источники живые
И всех трагедий гибельный исток.

Страшна борьба с жестоким ураганом.
Смывают города потоки вод...

Но говорили прадеды не зря нам:
«Вода оставит. А огонь сожрет».

Огонь прорвется и в припадке злобы
Все уничтожит... Все лежит в золе —
Дома людей и дикие чащобы...
Страшней огня нет силы на Земле!

А мы, взнуздав огонь, достигли цели:
Земное притяженье одолели!

III

Огонь — поток тепла и света!
Огонь! В тебе — добро и зло.
Тобою жизнь была согрета,
Тобою столько сожжено!..

Мы нахлебались зла без меры...
Но и под вражеским огнем
Огонь добра и чистой веры
Мы в сердце сберегли своим.

Мы умножали пламя это,
Шагая сквозь гудящий шквал
И принимая эстафету
Из рук убитых наповал...

И мне сдается:

 факел чести
Вот в этот олимпийский год —
Со всеми молодыми вместе
И наша молодость несет!

ЕСТЬ ЕЩЕ, ЕСТЬ

Стремится время собственным путем,
В полете — смысл его существования,
Кружится шар земной, и мы — на нем:
Ведь шар земной кружится вместе с нами!
За днями дни летят, и дней — не счесть!
За годом — год... И тут собьешься в счете!..
Но мчатся с ними — в мыслях и работе,
Но не отстать от времени в полете,
Возможность эта есть еще, — да, есть!

Душа Земли лишь Времени ясна,
Но частью даже для него — в тумане.
Душа Земли — пока что — целина,
И часть ее распахана не нами!
За днями дни летят — куда, бог весть!
Года мелькают — жарко и неровно..
Вспахать просторы целины духовной
И людям знания новые обрести —
Необходимость в этом есть, да, есть!..

Душа Земли, как всякая душа,
Порой добра, хоть злое скрыто в глуби,
И жизнь для нас тогда лишь хороша,
Когда мы с теми, кто нас нежно любит..
Мелькают дни за днями — их не счесть!
Года бегут, сменяясь без усилий..
Любить всех тех, что страстно жизнь любили.
Необходимость эта есть, да, есть!

* * *

Как много было у меня друзей,
Со мной деливших все мои печали,
От холода, от зноя и дождей
Они меня, как роща, защищали.

Бывало — многолистные, высоки, —
Они меня дарили свежей тенью,
Когда мой мед ворюги-хурнаки¹
Несли к себе без совести зазрения...
А нынче снова — непогодь и град,
Напор врагов — нахален и неистов...
Куда мне деться?..
Скроюсь я навряд
Под облетевшим деревом, безлистным?!

РАНЕННЫЕ ГОДЫ

Я прохожу. А годы остаются.
Оставшиеся строятся в ряды.
Забвению они не поддаются,
В них память счастья, боли и беды.
И чем-то каждый в этом трудном мире
Мне дорог... Их не забываю я.
И молоды и смелы те — четыре,
Они в крови, как молодость моя.
О раненные годы, вы — солдаты,
Солдатские душа и тело в вас!
Как кровь бойца, пролитая когда-то,
Так ваша кровь — в Истории сейчас.
О раненные годы, дни, недели —
Телесных ран целители, врачи...
Но раны, что в душе, а не на теле, —
Не заживают, как их ни лечи...
Те раны не рубцуются... Незримы —
В моей душе они неисцелимы.

¹ Х у р н а к и — пчелы, которые воруют мед из чужих ульев.

МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВСЕ — В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

**Мне кажется, что все — в последний раз:
В последний раз иду по белу свету...
О скольких встретить на дороге этой
Мне было суждено в последний раз!**

**Мне кажется последняя ошибка —
Последней: каюсь я в последний раз...
Мне настоящей кажется улыбка,
Боль настоящей кажется сейчас.**

**Последняя меня терзает рана
Сердечная, что так мне дорога...
В последний раз подстерегла обманно
Меня корысть последняя врага.**

**Пусть всё — в последний раз: судьба сурова.
Пуškai в пути последний ждет привал...
К чему опережать себя? Ведь слова
Последнего еще я не сказал.**

* * *

**Ах, хоть бы ты не плакала!.. Тебя
Не видел никогда такой поникшей...
О, если б мог, я б принял на себя
Всю боль и скорбь беды, тебя постигшей.**

**Ах, хоть бы ты не плакала!.. Одно
Твержу — как чужды тебе слезы эти!
Ты излучала свет. И вдруг — темно —
На миг? На век?.. — на целом белом свете.**

**Ах, хоть бы ты не плакала!.. Стою,
Прильнув к тебе душой, что боль не прячет.
Моя любовь, храня мечту мою,
В тебе сейчас так неутешно плачет.**

ДЕРЕВО И ЖЕЛЕЗО

Я понял на полях войны кровавой:
Людей зовут железными по праву...
Летя к вершинам, устремляясь к безднам,
Что ж, в жизни вправду надо быть железным...
...Над миром прокатился гром. И что же?
Охвачена была округа дрожью.
Дрожало все вокруг: на воле, дома...
Как было не дрожать всему живому?
Опасность над деревьями носилась,
И молния сверкала и грозилась.
И дерево, что с детства мне знакомо,
Дрожмя дрожало при раскате грома.
Раздался треск — как будто рухнул молот,
И надвое был ствол его расколот...
Своею жизнью и своей судьбою
Со мной деревья схожи и с тобою.
Однако сквозь себя огонь небесный
Легко проводит тяжкий прут железный.
Я деревом извечно восхищаюсь,
Что вот живет оно и не сдается,
И при грозе — собою остается,
В железо никогда не превращаясь.

ДУБ

Кому не довелось
Воспеть деревьев прелесть?
И красоту берез,
И шум осин и шелест?
От прочности дубов
Кто не был в восхищенье?
Дуб отразить готов
Все ветры, все сомненья.

Но вот зима легла
На мир туманом плотным,
И сжала землю мгла
В объятии холодном.
Безветренная тишь,
На бурю — ни намека...
В такие дни стоишь
Угрюмо, одиноко.
Туман и тишина
Глухая и густая...
Шли дни. Пришла весна,
Вернула птичьи стаи,
Во все вдохнула жизнь —
В леса, поля, долины.
Листву метнули ввысь
Березы и осины...

А дуб? Иль это сон?
Вон тот, знакомый с детства!
Он гол, он обречен —
И нет к спасенью средства!

Дуб гибнет, вопреки
Всему... Но в чем причина?
Дубы в грозу крепки,
Как истые мужчины, —
В грозу да в ураган!
Но голос гроз все глуше:
Ах, этот сыр-туман,
Тишь, холод равнодушья...

ДАЛ ИМЯ

Родился у соседей сын желанный.
Сегодня дал я имя мальчугану,
И по сердцу родным оно пришлось.

А я смотрю на Землю окрыленно
И вижу: там, по своему закону,
Бегут дороги — рядом или врозь...

Что ждет ребенка?.. Тропами какими
Пойдет сегодня получивший имя?..

Что это значит — «имя»?..

Человек

Берет его на жизнь, на весь свой век,
И важно каждому, чтоб имя это
Теплом душевным было бы согрето,
Иначе это — просто жалкий звук,
Который пропадет бесследно, вдруг,
Произнесенный холодно другими...

Да, я сегодня дал ребенку имя.
Но что пока что можно с ним связать?
Покуда радуется оно лишь мать,
Отца... Позднее та, что всех любимей,
С восторгом, может, скажет это имя...

Прошу ребенка:

имя береги!

Не подвергай случайным униженьям!
Пусть это имя даже и враги
Невольно произносят с уважением!

И если звучной красоты в нем нет,
Все ж не меняй... К чему заемный свет?
Ты сам — да, сам! — возжечь в нем должен
пламя...

Кто знает?.. Может быть, позднее, с годами
Оно и впрямь широко прозвучит...
Но если ты не будешь знаменит,

Не важно!.. Важно, чтоб и меж чужими
Ты был как свой...

Я дал ребенку имя.

Я человеку имя дал, друзья!..

И — сами видите! — как счастлив я!

ЕСЛИ ОТ ДУШИ

Словно день — твои взоры ясны,
В них намек на сумерки нет.
Но ведь ночью сменяется день,
Жизнь — не только полуденный свет.

Словно солнце — улыбка твоя,
Ты не прячь ее и не туши.
Людям хватит улыбки одной,
Если только она от души.

Говоришь мне: цветами твой путь
Я украшу... Но надо ль их рвать?..
Звезды с неба сниму, говоришь,
Но их можно и в поле собрать...

Драгоценное слово сказать
Ты, джигит, не скупись — поспеши..
Хватит слова порой одного,
Если только оно от души.

ШЕСТЬДЕСЯТ ОДИН

Известно: все мы смертны на беду.
Всем нам, живущим, срок недолгий дан..
Ушел на шестьдесят втором году
Пророк, Земле оставив свой Коран.

Законы людям завещал и смолк,
Свершив — как он считал — свой высший
долг

Хотя Корана мы не признаем,
Хотя мораль его для нас мертва,
Но просто ли божественным огнем
Зажечь обыкновенные слова?!

И мы, поэты, — иль не жаждем мы,
Чтоб стих крылатый до сердец дошел,
Обычные слова добыв из тьмы,
Преобразить в божественный глагол?!

Конечно, ни к чему теперь мулла,
Не признает святынь наш здравый век,
Но все же, чтоб душа не умерла,
Не может жить без веры человек!

Искусство — вот религия моя,
Смысл жизни и поэзии — един...

...А почему об этом вспомнил я?..
Да мне сегодня — шестьдесят один!

Когда бы мог я, если б только смог —
Свершить свой долг в отпущенный мне срок!

ПОЛЕ БОЯ

Позволено иль нет — но проникаю
Я в сущность жизни, трезвостью храним.
Мне кажется, к смертям я привыкаю,
Как привыкал на поле боя к ним.

Да привыкаю ли?.. Игра ума,
Самозащита пред судьбой слепую?
Ведь если поразмыслить, жизнь сама —
Растянутое кем-то поле боя...

ДЛИННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ,
НАПИСАННОЕ В САНАТОРИИ
«ЮМАТОВО»

Колхозник, друг мой, — кстати ли,
некстати ль —

Вчера беседа наша пресеклась.
Ты мне сказал: «Подумай сам, писатель,
И отвечай, кто хлебом кормит вас?»
И я смолчал вчера, хоть было горько...
Но молча отступает только трус.
Ты рот прикрыл мне словом, как шестерку
В игральных картах

покрывает туз.

Да, правда есть в твоём сердитом слове:
Ты хлеб даёшь мне, мясо, молоко,
Как говорится, «создаёшь условия»,
И я живу как будто бы легко.
Ты добываешь мне земные блага,
Твоя работа — знаю! — непроста...
На миг я ощутил себя конягой,
Который не изведал хомута...

Но я ведь — деревенская лошадка,
Узнавшая крестьянские труды...
Мой путь поэта начался не сладко,
Я шел сперва тропкою борозды...
Пахать и жать, мой друг, я мог отлично,
Понадобится, — потружусь опять...
И в жизни лишь одно мне непривычно:
Сидеть без дела, в потолок плевать...

Моя вина лишь в том, что я когда-то
Подался в город... Я б вернуться рад,
Но — знаешь сам — к былому нет возврата,
Никто не совершал пути назад.

Да, я ушел... Но от родного края
Не оторвался. Здесь — моя судьба,
Земля моя... На ней трудясь, страдая,
Теперь другие я ращу хлеба.

И я тружусь порой до слез, до боли,
Чтоб урожай и вправду был хорош...
Спокойно это?.. Весело?.. Легко ли?..
Попробуй! Может быть, тогда поймешь!

Твоих трудов, мой друг, я знаю тяжесть:
Все испытал на собственном горбе!
Но мне теперь — я утверждать отважусь! —
Но мне теперь не легче, чем тебе.

Ты скажешь мне, что можно жить на свете
И без стихов, без песен... Но вчера,
Когда притихло все, уснули дети,
Не вы ли пели песни до утра?!
И я был счастлив: радуются люди!..
Ну да, всему основа — сельский труд,
Но если песен у людей не будет,
То люди, как без воздуха, умрут.

Мой труд?..

Зимою мы читали книжки.

Зимой в деревне отдыхали мы...

А у меня теперь — нет передышки,

Нет у меня ни лета, ни зимы...

Киплю в работе — скрытой, ежечасной...

Прошу: — Душа! Дай отдых небольшой! —

Душа в ответ: — А я тогда погасну.
Как будешь жить с погасшею душой?!

Друг-землероб! За хлеб тебе спасибо!
Ценю твои великие труды.
Но сам подумай:

разве мы смогли бы
Жить только ради брюха — для еды?!

ПЕСНЬ МИНУТАМ ВОСХОДА СОЛНЦА

О эта песнь! Я переполнен ею
Уж столько лет — все не могу сложить...
И слышу зов ее, и петь не смею,
Бросаю все и — снова ворожить
Берусь и отступаю вновь: да так ли?..
Подводит что-то: сила или страсть?
Но страсти живы, силы не иссякли,
Еще не вышло время им пропасть.
А может, попросту бессильно слово
Изобразить сиянье — тщетный труд...
Вот и сейчас восходит солнце снова, —
О красочность таинственных минут...
Цвета переливаются, дробятся,
И уступает, отступая, ночь.
И, может, живописцы и родятся
На свет затем, чтобы словам помочь?
А можно ль точно выразить, как птицы
Поют, — их трели, щебет, звон и гам?
Наверное, и музыка рождается
На свет затем, чтобы помочь словам?
Какая искра, пламя предвещающая,
Которое в душе уже горит,
Зажжет слова и, в песнь их превращая,
Неведомое чудо сотворит?

Ведь мне невмочь, мне все трудней, все
хуже,

Огонь сжигает изнутри меня,
Горит, не может вырваться наружу —
И нет мне избавленья от огня...
...Я вижу, дочь моя под птичьи трели
Так сладко спит сейчас в лучах зари!
Вот улыбнулась: наяву? Во сне ли?
О, жизнь прекрасна, что ни говори!
Не этой ли улыбки назначенье —
В минуты наступающего дня
Освободить огонь из заточенья,
Чтоб песня отделилась от меня?
И песнь моя и есть минута эта —
Улыбка дочери, улыбка света...

ПРАВДА И ЛОЖЬ

...О дайте мне обман!

А. Фет

Все — правдивы. Всюду — честно.
Мир — как будто бы — хорош...
Справедливость, как известно,
Победит в итоге ложь.

Но скажу прямое слово,
Возразят мне: — Нет, не так!.. —
Попрекну враньем другого,
Глядь, выходит: сам — дурак!..

Относительные вещи —
Все на свете, помню я...
Все же лживость с правдой вещей
Вы не путайте, друзья!

Их различье в сердце живо
И пришло от предков нам...
...Покажите мне, что — лживо,
Правду различу я сам!

* * *

Будто мечта моя, а не весна
В зелень одела всю землю.
Как распевает пичуга одна!
Ей с благодарностью внемлю.

Жизнь — не права она или права —
Птице подобна крылатой:
Если поет она, — значит, жива,
Нет, — значит, скрылась куда-то.

Пой, моя птица! Ведь певчей поре
Уж не продолжиться летом...
Внемлю, больной, я тебе на заре,
Не забывая об этом.

УДЕЛ ВЕЛИКИХ

Памяти Александра Блока

Кого избрать себе за образец,
Чтоб хорошо проститься с белым светом?..
За ровной жизнью — «правильный» конец?..
Да разве это свойственно поэтам?!

Вершить благополучно долгий путь,
Покамест ум и ноги не ослабли
И чашу медленно перевернуть,
Всю осушив, всю — до последней капли?..

Но где он — тот, кто лишь тогда упал,
Когда добрался до последней грани?!
Нет, смерть поэта — траурный финал,
Последнее из тяжких испытаний!..

Наш бранный мир — не столь удобный дом,
В нем гениям не раз бывало тесно.
И пребывать не слишком долго в нем —
Удел больших поэтов, как известно.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Могила Неизвестного солдата,
На ней огонь пылает день и ночь.
А на плите — ни имени, ни даты...
И говорит мне маленькая дочь:

— Скажи мне, папа, мне ведь интересно,
Как звать того, кто похоронен тут?
— Он, дочка, потому и Неизвестный,
Что мы не знаем, как его зовут.

— Да как же это люди не узнали?.. —
...Как объяснишь ребенку?..

О судьбе

Собрата размышляю я в печали
И отвечаю самому себе.

Не просто было б, рассуждая строго,
Узнать — кем был, как назывался он...
И разве в дни войны их было много —
Известных и прославленных имен?!

Не только те, кто канул без возврата,
Но даже те, что и теперь — в живых,
Кто — мы?.. Мы — неизвестные солдаты.
И твой отец, дитя, — один из них.

Мы безымянный труд свершали вместе,
И за него равно награждены:
Ведь и бессмертье наше и безвестье
Живет в сердцебиении страны.

...Не угасает над гробницей пламя,
Живое пламя Вечного огня...
И смотрит удивленными глазами
Дитя — то на него, то на меня.

ПИСЬМА В ПРОШЛОЕ

1. Кузьминскому

Снег нынче ранний и скрипит морозец.
И в Вологде, наверно, тоже снег...
Кузьминский, где сейчас ты, письмоносец,
Желанный вестник некогда для всех?
Наверно, ты меня не помнишь, где там!..
Ты был один на целый батальон:
И службу нес свою зимой и летом,
Боями и ветрами опален.
Ты ежедневно в сумке нес пудовой
Боль матерей и ожиданье жен,
Невест надежду... Жаждущими слова
Бывал при появлении окружен.
И каждый день сплетались в сумке этой
Судьба твоих друзей с твоей судьбой.
Шел под обстрелом ты зимой и летом,
И радость доставлялась нам — тобой.

Я помню, как в ночи и спозаранку
Ты, как награду, письма нам вручал,
Конечно, и в траншею и в землянку
Нашли свой путь и слезы и печаль...
Кузьминский, вновь стоишь ты предо мною,
Я снова слышу твой спешащий шаг...
Под навесным огнем идешь войною,
И голос твой звучит в моих ушах.
Не только я один, а все ребята
Тебя любили, весь наш батальон.
Привет тебе от Дремина, комбата,
На пенсию недавно вышел он.
Мы нынче, как и ты, все рядовые,
Мы по чинам и званьям все равны...
Ты видишься таким — каким впервые
Ты повстречался нам в огне войны:
Молоденьким солдатом — восемнадцать
Тебе тогда, не больше, было лет.
Откликнись, друг!.. В тревоге я,
признаться,—

От матери так долго писем нет...
И девушки писать мне перестали —
Не оттого ль, что рядом нет тебя?
Идут года... Замедлю ход едва ли...
А как мы жили, время торопя!..
Тебя, мой друг, все чаще вспоминаю.
Куда запропастился ты, скажи?
И как преодолеть — не понимаю —
Разлуку, расстоянья, рубежи?
«Письмо в былое не дойдет», — так судит
Хасан Туфан¹, все зная наперед...
...От матери моей — письма не будет.
Мое, быть может, до тебя дойдет...

¹ Х а с а н Т у ф а н — известный татарский поэт.

2. Девушкам войны

...Вы мне писали...

А. С. Пушкин

Вы ко мне писали в лихолетье,
Помню — в треугольниках — слова.
Нынче пожелтели письма эти,
Словно облетевшая листва.
Помню, Ида, вы ко мне писали,
Что в тревоге вы за жизнь мою,
И с такою силой мне желали —
«Крылья жизни не сломать в бою...»
Гая, вы ко мне писали: «Снова
Половодье на Оби... Весна...
Напишите мне хотя бы слово:
Скоро ли окончится война?..»
Вы ко мне писали... Помню, Вера:
«Знаю я, придет конец войне, —
Будешь счастлив ты с другой, наверно,
Только все же — вспомни обо мне...»
...Счастлив я с другой... Не в этом дело,
Но порой обидно мне за нас,
Что доверье, как в огне, сгорело
В дни, когда огонь войны погас.
Эта переписка с лейтенантом —
Как мне украшала жизнь она!
Было то любовью иль талантом
Доброты, мне отданной сполна...
Вы ко мне писали... И — что странно —
Я теперь вот думаю порой:
Были ль мы Онегиным с Татьяной?
Нет, я не гожусь на эту роль...
Вы писали горячо, сердечно,
Отвечал я вам с полей войны.
По-солдатски были человечны,
По-солдатски были вы верны.

Ах, с каким мы ждали нетерпением
Ваших писем!.. Ведь посланья те
Были нам в печали утешеньем,
Даром сердца, светом в темноте!
Кто виновен в том — пойму едва ли, —
Что, когда погас огонь войны,
Друг для друга — без вести пропали...
Где теперь вы в годы тишины?
Вам, делившим все мои невзгоды,
Как тогда, пишу и в этот раз,
В молодость свою пишу сквозь годы —
Для себя пишу я и для вас.

21 ИЮНЯ 1974 ГОДА

Памяти маршала Жукова

Июнь. Светило поднялось в зенит.
Мильоны трелей, звонов, перестуков...
А у меня в ушах гудит, звенит:
«Июнь и Жуков»... Да — «июнь и Жуков»...
Понятья эти, эти имена —
Так получилось! — неизменно рядом:
В июне в дом наш ворвалась война.
В июне все закончилось парадом.

Июнь. Двадцать второе... В тишине
Враг движется в нахальном ритме марша...
Двадцать четвертое... На скакуне —
У врат Кремля, — он, Жуков, гордый маршал...
Так он на Красной площади предстал...
Парад пестрел, вился, как кинолента...
Конь Жукова!.. Он был как пьедестал
Для Славы, для живого монумента!

Отбросить годы — так всего три дня
Меж двадцать первым и двадцать четвертым,
А сколько смертоносного огня,
Друзей — в снегу навеки распростертых!..

Пусть числа, даты — это дребедень,
Туманные, надуманные бредни...
Но вновь — июнь. И двадцать первый день...
И маршал Жуков в путь ушел последний.

Не на войне могучий дух угас,
В дни мира догорело эго пламя.
И я невольно думаю о нас —
О рядовых, кто шел его путями...

Живем... И гибель, может, — тут как тут...
...А в те года мы думали беспечно,
Что, если уж в сраженьях не убьют, —
Мы на Земле останемся навечно.

ПАМЯТИ ФРОНТОВОГО ДРУГА

Сергею Курилову

Казалось, если не убьет война,
Мы не умрем... Откуда смерти взяться,
Средь тишины?!
Ан нет, не вышло, братцы!
Вновь — траурная весть... Еще одна.

Как трудно, друг, постичь мне смерть твою!..
Не охватить ни разумом, ни взглядом!..
Ты, отстоявший жизнь свою в бою,
Ушел от нас, когда и смертью рядом

Не пахло... Той, что на любом шагу
Грозил нам, гремя над головою,
И в дни, когда мы были под Москвою,
И далее — на волжском берегу.

На всем пространстве от Орла до Ясс
Фугаски разрывались, пули, мины...
Погибнуть мог тогда любой из нас
И в Польше, и на улицах Берлина...

В те годы мог любой клочок земли
Могилой стать... Но мы...

Мы уцелели.

Живыми мы сквозь этот ад прошли...
Чтобы скончаться в тишине, в постели?..

Не пули — годы гонят нас во тьму...
А жизнь-то — все светлее, все юнее.
И вот — уносит нас по одному...
Что тут поделать!..

Не поспоришь с нею!

ДЫМ БЕЗ ОГНЯ

Ох уж эти сабантуи!
Любит их у нас народ!
Парень силу молодую
Напоказ другим несет.

Помню: силушка играла
В мышцах наших рук и ног...
Так, бывало, подмывало
Дать самой Земле пинок!..

Начинали сабантуи
Наши парни неспроста:
Друг за дружкой мы, ликуя,
Брали первые места.

Тот — всех крепче, всех упорней, —
С ним попробуй поборись!
А другой — зато проворней,
Глядь, с шеста снимает приз!

Кто — сильнее, а кто — подвижней.
Впрочем, все — ловки, легки...
С Верхней улицы и с Нижней
Были наши пареньки.

Но со Среднего квартала
Приходил один бахвал.
Всюду первым лез, бывало, —
Хоть призов... вовек не брал.

Так, болтался меж другими,
Мельтешил повсюду зря...
Вспоминать не стоит имя,
Откровенно говоря.

— Что?.. Борьба?.. Я тоже, братцы!.. —
Лезть вперед он норовит...
Кто захочет поддаваться?..
Каждый ведь — не лыком шит!

Он хвалился:

— Я — пример вам!
Всем другим, мол, — грош цена!..—
А когда бывал он первым?..
Первым он слетал с бревна!..

Болтовню его смешную
Мы не ставили ни в грош!..
...Проходили сабантуи.
Жизнь идет. И ты растешь...

Вслед за датой мчались даты,
Изменялись времена...
Стали парни бородаты...
Тут нагрянула война.

Жизнь пошла в ином разрезе:
С фронтовых крутых дорог
Кто вернулся на протезе,
А иной совсем без ног...

Но растет живая смена...
Парни юные сильны,
Нужен праздник непременно...
Сабантуи вновь нужны...

И гляжу я: на майдане
Возглавляет весь парад
Тот, кто был последним ране,
Тот — пустейший из ребят...

Так же машет он руками,
Так же речь его слышна!..
И когда дрались мешками,
Первым он слетел с бревна...

По горшкам, стоявшим справа,
Слева бить он норовит...
И — однако — слышу: слава
О его делах гремит...

Он, мол, был боец упорный,
В беге, дескать, был резов,
Мол, влезал на шест проворно
И не счесть его призов!..

Повторяют ложь пустую
Тут и там...

И вижу я,
Что теперь на сабантуе
Он — оценщик и судья.

Он — теперь непогрешимый,
Он — образчик молодым...
Скажешь: «Без огня нет дыма!»
Есть он, есть подобный дым!

ТВОРЧЕСТВО

Из-под земли, пробив каменьев гнет,
Родник течет, сверкает и поет.
Свой голос у него и свой напев,
Ему внимают птицы, присмирив.
И всем заметно русло родника,
И песнь его пленительно легка...
Но под землею есть его исток —
Никто добраться до него не смог,
Найти невидимого русла след
До появления на белый свет.
Мелодия, течение, волшебство —
Где первое биение его?

О творчество!.. Таинственный родник —
Кто в подземелье, в тайну тайн проник?
Кто докопался до твоих корней,

До жилки под скоплением камней?..
Ложусь на землю. Пью из родника.
Течет родник... Вода его сладка...

ЗВОН КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Земли вечернее дыхание —
Все в памяти... И, как сквозь сон,
Коней я снова слышу ржанье
И колокольцев чистый звон...
Свой колокольчик каждый вешал
На шею лошади своей —
Чтобы наутро, не помешкав,
Ее найти бы поскорей.
Конь каждый со своим был звоном —
Ленив, упрям или удал, —
На дальнем пастбище зеленом
Знак о себе он подавал.
И колокольчики звенели,
Спешили к нам со всех сторон,
Плыл над долиной Агидели
Прозрачный, мелодичный звон...
И я носился там когда-то,
Как жеребенок, весел, лих, —
Без колокольца: жеребят
Не вешают на шею их.
Как я резвился, без заботы,
Пересказать я не берусь.
Потом подрос... Пошла работа —
Тащить свой груз. Тяжелый груз.
Теперь же — конь я постаревший,
Хожу тихонько, не звеня...
Ведь колокольчик не подвешен
На шею старого коня.
Что без толку искать по звону

Его на пастбище ночном!..
Но все тоскую я бессонно
О том ауле, о былом.
О вечере мечтаю звонком,
Поре, мелькнувшей словно сон,
Когда я бегал жеребенком
Под колокольцев чистый звон.

НЕ НУЖНЫ УТЕШЕНИЯ МНЕ

Сам себя не гоня на покой,
Угрызаюсь: как жил я? Да так ли?
Мне шуметь бы широкой рекой? —
Я звенел всего-навсего каплей.
Был беспечен... Эх, если б сейчас
Стать мне снова беспечным счастливецом!
Вся бессмыслица сгинула б с глаз,
Что над маскою смысла таится.
За загадочной дымкой порой
Научиться разгадывать суть бы:
Как лукавой и хитрой игрой
Создаются почтенные судьбы.
Мои чувства рождались на свет,
Как младенцы: наги, беззащитны...
У других же, не знающих бед,
Мысль в рубашке родится, как видно...
Не нужны утешения мне,
В похвалах не нуждаюсь теперь я...
Нет! Терзает меня в глубине
Лишь предчувствие новой потери.
Я доволен, что каплей звучу,
Что мои не обрезаны крылья...
Остального ж — и знать не хочу,
Им смогу пренебречь без усилия.

У ТЕБЯ ГОРИТ ОГОНЬ

Галию Ибрагимову

У тебя горит огонь в окне.
Вижу свет, в глаза мне устремленный.
Здесь, в ауле, в зимней тишине,
Только два огня горят бессонно:
Твой и мой... Мы здесь с тобой одни.
Тишь и мрак вокруг. И снег глубокий.
В двух окошках — два огня... Огни...
Хорошо, что мы не одиноки!
У тебя горит огонь. Привык
Я к нему: как будто так и надо.
Свет его в мое окно проник,
Как судьбы подарок и награда.
У тебя горит огонь. И тьма
Расступилась... Сгинул мрак крошечный.
Два огня... А прочие дома —
Брошенные птицами скворешни.
Множество мелькало здесь огней
Летом... Быстро промелькнуло лето.
Не догонишь и осенних дней,
И деревья уж давно раздеты.
Листья все осыпались подряд,
Ветер рвал нещадно тучи в клочья...
Вновь огни без устали горят
Только долгой, тихой зимней ночью.
У тебя горит огонь. Сейчас,
Может, ты в иных веках и странах
Мыслью и душой в который раз
В поисках блуждаешь неустанных...
Ветры времени из века в век
Дуют... И огонь пылает, светел.
Что ж, спасибо, добрый человек,
Друг мой верный, за огонь и ветер...
Пламя разное горит в ночи.

Но горенье — общее горенье.
В наших окнах — разные лучи,
Но они похожи тем не менее:
Пусть не маяки они... По мне —
Только бы гореть не перестали!
Хорошо, что в зимней тишине
Светят наши два огня сквозь дали.

СТИХИ О ТАТАРИНЕ

**Есть поговорка древняя одна,
Сказалась в ней отнюдь не беспристрастность,
Скорей опаска старая слышна:
«Там, где татарин, там всегда — опасность!..»**

Где же нет опасности?..

Хотя бы час —
Мне укажите... Хоть одно мгновенье,
Когда б опасность не ловила нас...
Все испытало наше поколение!

На нас жестоко ополчилось Зло,
Опасностей военных нам хватало...
Как много храбрых в битвах полегло!
А среди убитых — и татар немало.

Когда случалось взводу в бой идти —
В неравный, смертный бой, по всем
приметам,—

**Хотя бы одного из десяти
Абдурахманом звали иль Ахметом.**

**В могилах братских, — думаю, в любой! —
Среди других есть и татарский парень,**

Который сам пошел в опасный бой;
Там, где опасность, там всегда — татарин.

Мы рядом с русским братом на войне
Сражались яростно в боях вчерашних...
Забуду ль, что живьем сгорел в огне
Башкирин Утягул — мой однокашник?!

Когда якут, грузин, туркмен, казах —
С бойцами русскими в одном накале —
Захватчиков разбили в пух и прах,
Ни от кого татары не отстали...

Предвижу я усмешку и упрек:
«Выходит — вы храбрее всех на свете?»
Нет, знаю, что любой народ — высок...
Но о татарине — стихи вот эти!

О том, кто поддержал народа честь,
Кто сам был к испытаниям наготове...
Спросили Карбышева: кто он есть?..
И он ответил: — Я — татарской крови!

Есть в каждом языке огонь и страсть...
Но разве будет это позабыто,
Что на татарском языке лилась
Свободы песнь во мраке Моабита?..

Кто показал фашисту-палачу,
Что коммунисту мощный дух подарен?..

Я поговорку изменить хочу:
«Там, где опасность, там — всегда татарин!»

ИВА

Ибрагиму Гизатуллину, писателю
инвалиду Отечественной войны

Деревья, как солдаты, терпеливы,
Они во всем похожи на солдат...
Над Демою
с кривою старой ивой
Встречаюсь я уж столько лет подряд!

Склонив над речкой сломанную спину,
Стоит она. И все еще сильна,
Хотя обуглена наполовину,
Хотя наполовину сожжена.

Что с ней стряслось?..
У ивы нету жалоб.
Хранит молчание... Хотя, может быть,
Она бы нам о многом рассказала б,
Когда бы только стала говорить!

**А по весне — листвою душистой, чистой
Оденется, глядишь... В голубизне
Одеждой — шелестящей, многолистной —
Блестит, играет, радуясь весне...**

**За годом год стоит на придорожье,
Судьбе своей нелегкой вопреки...
...Деревья — на солдат они похожи
И по-солдатски — сдержанно крепки.**

КУДА ПОЙТИ?

**Прельщают взгляд газетные страницы:
Решайте, мол, куда пойти учиться...
Так много интересных школ в стране!..
Куда ж, друзья, пойти учиться мне?..**

Какая для меня открыта дверь?
Где школа та, что мне нужна теперь?
На улице какой, в каком квартале?..
Быть может, рядом?.. Может, много дале?..

Что путь укажет к ней?.. Какие карты?
Какого цвета в этой школе парты?
А здание?.. Какой у здания цвет?..

О память сине-золотистых лет,
Когда мы пояс стягивали туго
И все же уступали хлеб друг другу!..

Оттенки сине-золотистых дней
Неизгладимы в памяти моей...
К тем временам мне возвратиться, что ли?
Не побегать ли к нашей старой школе?..
Ведь хлеб духовный, может, стоит брать —
У юности, — лишь возвратившись вспять?!

Да нет, не только!.. Ведь судьба немало
Меня и позже экзаменовала.
Да что там говорить!.. Я и сейчас
Живу, экзаменуюсь и учась...
Довольно было всяких испытаний,
Средь них — кровавых, в боевом тумане...

И в годы мира — иль не помню я? —
Отметки ставили учителя
(Меж ними разные бывали дяди!),
Меня нечасто по головке гладя...

Так где же поучиться мне опять?
Какую школу нынче посещать?..
Ведь, может, мне уроков было мало?..
...Иль слишком много мне их перепало?!

ВЕДЬ ЛИСТЬЯ НЕ ОПАЛИ

На листья рыхлый снег обрушился обильный,
Согнул стволы берез, времен нарушив связь.
Не поддавался дуб — но ветвь его бессильно
Под гнетом белизны повисла, надломясь.
Беззвучен стон в тиши —
Услышишь ты едва ли...
Снег, падать не спеши,
Снег, падать не спеши,
Ведь листья не опали,
Ведь листья не опали...

Какая белизна! Какая непорочность!
Ни дел, ни суеты — лишь тишь да гладь царят.
Деревьям тяжело: их пробует на прочность
Природы красота — неожиданный снегопад.
О этот стон в тиши!
Ты ждал его едва ли...
Снег, падать не спеши
И не тревожь души —
Ведь листья не опали,
Ведь листья не опали...

Не только на листву — снег на меня слетает...
Какая красота! Как чист он и как бел!
Но бременем он лег, и давит, и не тает...
Снег, не спеши, — еще не все я песни спел!
Он падает в тиши,
Примчась из белой дали...
Послушай, не спеши
И песни не глуши —
Ведь листья не опали,
Ведь листья не опали...

В САДУ ЮНОСТИ

I. Просторы

Наш «Луна-сад»! ¹ Вокруг тропинок всех
И вдоль аллей за миг я обежал.
Ты словно бы под старость человек,
Весь съежился... Ты стал так странно мал!

А ведь бывало, здесь по вечерам
Кружим-кружим под лампами аллей
За той, что лучше всех казалась нам,
Кружим, себя показывая ей.

Они и мы!.. Нас больше не узнать!
У этой — сын, а у другого — дочь...
И не они ль — не дети ли? — опять
Кружат, на нас похожие точь-в-точь?!

И не они ль на озере весной
Гребут, как будто в глубь безвестных стран,
И озеро в ладонь величиной
Сейчас для них — великий океан?!

II. Каменная девушка

Казалось, радость — тут, меж нас...
Ан нет! — пропала снова!
И загорался я, и гас,
Ловя твой взгляд суровый...

Ты вновь безмолвна на беду,
Ты снова далека мне,
Как эта статуя в саду,
Как девушка из камня.

¹ Так мы в юности называли Уфимский «сад Луначарского».

Она — все там же... Сотни дней
Не изменяет позы:
Никак ей из ступни своей
Не вытащить занозы!

И я все тот же... Та же власть,
Как прежде, — надо мною:
Навеки в сердце ты впилась
Занозой огневою!

ОТКУДА ЭТА ЧИСТОТА

Ах, откуда чистота, покой,
Нежности таинственной приливы?
Кажутся мне странными порой
И смешными чувств моих порывы.

Все в тебе божественно подряд,
Высшего исполнено значенья...
Твой лучистый, твой смущенный взгляд —
Он меня приводит в восхищенье.

Чудится — не поверну я вспять,
Заблужусь, пожалуй, ненароком,
Если сам себя пойду искать
В этом взоре чистом и глубоком.

Где же я? Причудливо поет
В зимнем сердце зорь весенних птица...
А в моем напеве — лишь полет
И печаль мечты моей таятся.

ГАРМОНИСТКА

У нас, — видать, не без причин —
В течение многих лет
Все гармонисты — из мужчин,
А гармонисток нет.

Вдруг весть в колхозе пронеслась,
Что в пику всем парням
Серьезно за гармонь взялась
Красавица Марьям.

И нынче — всюду, где Марьям,
Звучит гармошка там,
И зажигает в нас огонь
Веселая гармонь.

И, больше не боясь парней,
Кто был в игре ретив,
Сложили песенку о ней
На плясовой мотив:

«Марьям, Марьям, ты — вешний цвет,
Готовь себе букет,
Не знай, Марьям, ненастных дней
До свадьбы до твоей».

Но вот — и лето позади...
На свадьбе — шум и гам.
Из всех лихих парней — один
Сидит рядком с Марьям...

А после свадьбы все равно
Гармонь Марьям — поет...
Из развлечений ни одно
Без песен не пройдет!

Марьям берет гармонь опять,
Заботы — за дверьми!
Пошла играть... да как играть!
Ах, черт ее возьми!..

Так сроду не играть парням!
Играет глаз и бровь!
Играют плечи у Марьям...
Играет в жилах кровь!

Тот, кто — мужчина, сразу тот
Привскочит, в пляс пойдет...
Ну, перебор!.. Ну, переход!..
И мертвый оживет!

Горит огонь в сердцах мужчин,
Они пустились в пляс...
И лишь один, — да, лишь один
Не пляшет и сейчас...

— Ты — что?.. Иль твой задор иссяк?
Иль ноги не сильны?
— Да я ж пляшу и так и сяк
Под музыку жены!

В колхозе — первая у нас
Она — по всем статьям.
И гармонистка первый класс —
Жена моя — Марьям!

НЕСПРОСТА, НАВЕРНО, НЕСПРОСТА

Как земля прекрасна!.. Мы в свой час
Здесь на свет явились и выросли...
И до нас другие, и до нас
Здесь любили, горевали, пели.

Но не всем такая жизнь дана,
Что сверканий грозových полна...
Если уж живем на этом свете —
Неспроста, наверно, неспроста.

Солнце светит нам одно везде,
Но различной силы — ветры века...
Погляди-ка, от звезды к звезде
Светится дорога человека...

Да, не всем такая жизнь дана,
Что сверканью молнии равна...
И уж если мы на свет явились —
Неспроста, наверно, неспроста.

И для нас родятся по весне
Новые цветы и дует ветер.
Ты не верь, коль скажут обо мне,
Что лишь для себя живу на свете.

Миг всего лишь, только краткий миг
Наша жизнь — одна на нас двоих...
И уж если мы нужны друг другу —
Неспроста, наверно, неспроста.

ДЕНЬ ПРЕКРАСНЫЙ МИНОВАЛ

День прекрасный миновал,
Ночь свои простерла крылья.
Небеса глаза открыли,
День прекрасный миновал.
Есть лучи на белом свете,
Что и днем и ночью светят...

День прекрасный миновал...
День смежил свои ресницы.
На лице луны — зарницы
День прекрасный миновал.
И горят на лунном лике
Солнца пламенные блики...

День прекрасный миновал...
Дремлет сад, цветы — в дурмане,
И земля плывет в тумане...
День прекрасный миновал —
Днем прекрасным больше стало,
Ночь прекрасная настала.

ТУМАН

Странная картина для души —
Все вокруг окутано туманом,
И деревья все в обличье странном
Вдруг застыли в ледяной тиши.
К веткам и стволам туман прилип,
Присосался к ним, вцепился, въелся...
День весенний — ну куда ты делся?
Возвратить тебя мы не смогли б...
Тяжкий, ледяной, густой, сырой —
Он висит... И я в минуты эти —
Самый обездоленный на свете:
Расставаться должен я с тобой...
...Меж зимою и весной — на грани —
Я один — в тумане расставанья.

* * *

Спой любимому песнь о любви,
Его сердцем открытым зови.
Пусть не любит он — пой все равно,

Если сердце любовью полно —
Спой любимому песнь о любви.

Спой любимому песнь от души,
Его песни своей не лиши,
Пусть уносит он песню твою,
Пусть живет она в дальнем краю...
Спой любимому песнь о любви.

Спой любимому песнь от души,
Что несчастна — вздыхать не спеши.
Знай, тебя твое счастье найдет,
По следам этой песни придет —
Спой любимому песнь о любви.

Я К ТЕБЕ ЕЩЕ ПРИДУ

Гаснут звезды, гаснут и огни...
Облака в лучах зари незримы.
Пусть погаснут звезды и огни,
Я надеждой жив неугасимой.

Я к тебе приду еще, приду,
Как бы ни тускнели звезды эти.
Мне на радость ты иль на беду?
Без тебя нет и меня на свете.

Светлый мир в тьму погрузился вдруг,—
Словно вдруг захлопнули ворота...
Все как будто счастливы вокруг —
Я один печален отчего-то.

Я к тебе еще приду, приду,
Как бы ни тускнели звезды эти.
Мне на радость ты иль на беду?
Без тебя нет и меня на свете.

Снова звезды на небе зажглись,
И огни в окошках засветились.
Ясным светом озарилась высь,
Тени, отступив, засуетились.

Я к тебе еще приду, любя,
И не посмотрю на звезды эти.
Я приду: так сильно, как тебя,
Некого любить мне в целом свете.

ХМЕЛЬ

Самостоятельность всем дорога,
Все независимы: травы и ветер.
Жаждают свободы снега и стога, —
Ведь ничего нет дороже на свете!
Вижу я: хмель по деревьям ползет,
Все поднимается выше и выше...
Как обвивает он дерево — вижу,
Как за чужой он возносится счет.
Нерасторжимая с деревом связь!..
Лезет по веткам он, как по ступеням.
Но, подчиненностью не тяготясь,
Как он гордится своим вознесеньем!
Не поддавайтесь, деревья, молю,
Хищному хмелю, что вас обвивает.
...Но, к сожаленью, порой во хмелю
Люди от этого хмеля бывают.

НЕ ИГРАЙ В ЛЮБОВЬ

(Песня девушки)

Не пыталась в пути
Свое счастье найти,
Торопясь: поскорей, поскорей!..
Ведь не я — ты же сам,

Ведь не я — ты же сам,
Сам явился по воле своей...

Ты в любовь не играй —
Говорю тебе снова,
Создан ты для другой,
Ну а я для другого...
Говорю тебе вновь:
Не играй ты в любовь...

Мир мой равен тебе,
И мечте, и судьбе,—
Можно ль с ними равняться иль нет?
Для тебя одного,
Для тебя одного
Родилась я, наверно, на свет.

Ты в любовь не играй —
Говорю тебе снова,
Создан ты для другой,
Ну а я для другого...
Говорю тебе вновь:

Не играй ты в любовь...
Ты — как радость моя
И как мука моя —
Мне являешься часто во сне.
Сердце тайной полно,
Вопрошает оно:
Я по чьей пропадаю вине?..

Ты в любовь не играй —
Говорю тебе снова,
Создан ты для другой,
Ну а я для другого...
Говорю тебе вновь:
Не играй ты в любовь!

МИНУТЫ ЛЮБВИ

Густеет вечер в мире утомленном,
И замер ради нас земной простор...
Не надобны слова сердцам влюбленным —
За нас ведут безмолвный разговор
Минуты любви,
Минуты любви.

Меж небом и землей витает тайна,
И свод небесный ради нас затих.
Мерцают звезды в темноте бескрайней,
И в их мерцанье и во взорах их —
Минуты любви,
Минуты любви.

Земля и небо словно замолчали,
Мы в вечности встречаемся с тобой.
Все — радости, и боли, и печали,
Подаренные щедро нам судьбой, —
Минуты любви,
Минуты любви...

ИДУ К ТЕБЕ

Неведома дорога, нелегка,
И каждый шаг мой тайною отмечен.
Ты будто бы близка и далека,
Сомнения бегут ко мне навстречу.

Всю жизнь иду, иду к тебе
По мной проложенной тропе,
Иду то прямо, то кружу,
Путь к сердцу твоему держу,
К своей мечте, к своей судьбе —
Иду к тебе, иду к тебе.

Дороги незнакомые так длинны —
Нельзя терять терпенье на ходу!
Мне кажется, живу наполовину,
Из будущего в прошлое иду.

Всю жизнь иду, иду к тебе,
По мной проложенной тропе,
Иду то прямо, то кружу,
Путь к сердцу твоему держу,
К своей мечте, к своей судьбе —
Иду к тебе, иду к тебе.

ЛЮБИТ ОН МЕНЯ ИЛЬ НЕТ

Я, куда ни посмотрю,
Дальше или ближе, —
Вижу только лишь его,
Одного я вижу.

Мне, признаться, все равно —
Крепко мое слово, —
Любит он меня иль нет,
Что уж в нем такого!..

Он уехал... Вдруг мои
Дни пустыми стали.
Письма матери он шлет,
Полные печали.

А печаль его меня
Горячит ли, студит?
Любит он меня иль нет —
Пусть он рядом будет.

Время мчится... Кто ушел —
Возвратится снова...

Не смогу теперь сказать:
Что уж в нем такого?..

Он моей души пожар
Видит ли, не видит?
Может, он меня спасет,
Может быть, обидит...

Я не знаю, он ко мне
Кинется ль? Отступит?..
Мой он, мой, всем сердцем мой —
Любит иль не любит...

ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ

Композитору Риму Хасанову

Душа людская — полный песен лес,
Где каждый звук рождается со звоном.
Всю жизнь блуждаем в поисках чудес
Мы в том лесу — то зимнем, то зеленом.

Споем же песню — для себя самих,
Во славу дня, что озарен и тих,
Во славу дня — от суеты вдали,
Что мы вдвоем с тобою провели, —
Споем же просто для себя самих.

Чужой душе мы душу отдаем —
С готовностью и не скупясь нимало.
И все-таки порою устаем —
Ведь не из камня мы, не из металла.

Споем же песню — для себя самих,
Во славу дня, что озарен и тих,
Во славу дня — от суеты вдали,

Что мы вдвоем с тобою провели, —
Споем же просто для себя самих.

Душа твоя, делясь добром не раз,
Становится щедрее и богаче.
А может статься, кто-нибудь сейчас
Добром нас вспоминает, не иначе...

Споем же песню — для себя самих,
Во славу дня, что озарен и тих,
Во славу дня — от суеты вдали,
Что мы вдвоем с тобой провели, —
Споем же просто для себя самих.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Ребенка пестуй, на руках держи,
Бессилен он, хоть сила в нем обильна.
И правда на земле сильнее лжи,
Но без тебя и без меня бессильна.

* * *

Я был когда-то чище родника,
И чистота мне даровала силы.
Я долго тек, и ныне я — река,
И в ней довольно мути, камня, ила.

* * *

Вражда и дружба — нет теснее круга,
Тяжка вражда, а дружба дорога.
По лености порой не радуем мы друга
И этим самым радуем врага.

Любя тебя, я попадал впросак,
Я умным быть хотел, но путался во фразмах
Совсем не потому, что был дурак,
Но, глядя на тебя, порой терял и разум.

Порой мы раним друга, он молчит,
Но он уходит вдруг, и нет ответа.
Вот так, покуда сердце не болит,
Не думаем мы: есть оно иль нету.

Огнем первоначально был металл,
Огнем был камень до окамененья.
Ты говоришь, что каменным я стал.
Быть может, стал, но претерпев горенье.

Я не ропщу, что у меня есть враг.
Давно с его враждой я примирился.
Открытый враг хоть страшен, но не так,
Как тот, который другом притворился.

Все утекло, чужими стали мы,
И я порою думаю в печали,
Что не друг друга потеряли мы,
А что самих себя мы потеряли.

★ ★ ★

Напасти нет страшнее, чем война.
Проклятия заслуживают войны.
Была война страшна, но нас она
Учила жить и умирать достойно.

★ ★ ★

Не всяк грешащий рифмами поэт.
Орлом не всякая зовется птица.
На свете тот поэт, кому на свет
Поэтом было суждено родиться.

ДАЛЕКИЕ СТОРОНЫ

Каждая сторона страны моей —
Расстояние между близким и далеким.

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Урал наш Южный, мой родной Урал...
Леса густые, тропки, луговины...
Он так мне близок!.. Он в себя вобрал
Все песни детства, слив их воедино.

Уральских сосен внятен мне язык,
Вхожу в его озера благодарно...
И лишь недавно, лишь теперь постиг,
Что есть еще Урал — другой, Полярный.

Где нет спокойных, величавых рек,
Где осень и весна — все, все — иное...
И на его вершинах вечный снег
Суровую блистает белизною.

Глазам моим такая красота
Вдруг показалась дальних стран безвестней...
Как странен он: Урал без Алатау,
Без Агидели — белой нашей песни!..

Полярный — Южный... Одного отца
Два сына, с виду противоположных,
Несхожих меж собой, как два конца
Магнитной стрелки в компасах дорожных.

Он странен для меня, второй Урал,
Не схожий с Южным ни в большом,
ни в малом,
И все ж — родной... Ведь все же он связал
Тепло и лед: Башкортостан с Ямалом!

ЗЕМЛЯКИ

Куда ни погляжу — башкиры-земляки
Бурят земной простор или кладут дорогу,
Меняют облик гор, меняют ход реки,
Меняются притом и сами понемногу.

— Не холодно вам тут? — невольно я сказал.
— С чего?! Из недр земли мы высекаем пламя.
Дыханием его мы греем весь Ямал
И согреваемся при этом сами.

— Зачем вам брать огонь?.. — спросил я земляка.—
Иль мало вам огня в Башкирии родимой?
— Не брать, а принести соседу огонька,
Как было в старину... Затем сюда пришли мы!

«Соседство по огню?..» Так вот каким он стал —
Обычай древний наш!.. Сквозь сотни верст,
сквозь выюгу
Мы можем донести огонь сюда — в Ямал —
И руки можем здесь пожать друг другу.

НАДЫМ

Надым, ты самым именем своим
Со счастьем связан, говорят, Надым!

Когда и впрямь ты — «счастье», то ответь:
До счастья долго ль нам еще лететь?..

Мы в Салехарде сели в самолет...
Там, по земле, железный путь идет.
«Дорогой мертвою» его зовут,
Название это дали неспроста:

Немало навсегда осталось тут
Из них, мостивших гиблые места,
Кто сослан был в болотный край — Надым...
До счастья много ль оставалось им?..

Что?.. Ни к чему об этом вспоминать,
Когда кругом такая благодать?!

Но без прошедших, пусть тяжелых, лет —
Сегодняшнего, завтрашнего нет!

Так почему ж не вспомнить о былом?!
Все зная, мы в грядущее идем!

Надым!.. Краса твоих грядущих дней
Всего, что было, в сотню раз умней!
Ты имя оправдал свое, Надым!
Со счастьем ты теперь — неразделим.

ХАРАСАВЕЙ

Ямал — означает предел Земли.
Тут снег — синевато-бел.
Ямал означает предел Земли,
Но есть у предела — предел.
Лежит в конце всех земных путей
Харасавей, Харасавей!

Граница Ямала вдоль моря идет.
Здесь даже и в летний зной
Сверкает на море слоистый лед,
И странен блеск ледяной.
Не сыщешь твоей красоты странней,
Харасавей, Харасавей!

Как башня Эйфелева, легка
Тут вышка... Как поглядишь
На эту вышку издалека,
Ну, чем это не Париж?!
Ну, чем не Париж полярных кровей —
Харасавей, Харасавей?!

Палатки, палатки со всех сторон!..
Везде им дано расти!
И те, кто душой и телом силен,
Вовек не свернут с пути!
Они неделимы с судьбой твоей,
Харасавей, Харасавей!

Ямал означает предел Земли,
Но всё теперь перенесли.
И стало близко, что было вдали,
Ямал — нынче центр Земли!..
Ты блещешь оттуда красой своей,
Харасавей, Харасавей!

ОТНОСИТЕЛЬНО

— А где ваша семья?
— На юге.

*Из разговора с земляком
в Харасавее*

Все относительно на этом свете.
— Где ваши близкие — жена и дети?..
— Они на юге,—

отвечал земляк.

И я представил Сочи иль Судак,
Крым иль Кавказ под «югом» разумея,
Совсем забыв, что мы — в Харасавее.
Меж тем — Ишим имел в виду мой друг,
И был он прав: Ишим — отсюда — юг.
Да, тот Ишим, что север — для башкира,

Так относительны понятия мира!..
Для каждого из нас, для всей Земли —
Свой «юг» и «север», стороны свои,
Те, что для прочих, может быть, негожи,
Ведь люди меж собою — так несхожи
И мерка каждому своя дана.
Условно все: и званья, и цена.

«Поэты — мы...» — твердим мы горделиво.
Когда не сравнивать — оно правдиво.
Но, если с Пушкиным себя сравним,
Признайтесь сами: кто мы — рядом с ним?
А человек?.. Обсудим хладнокровно...
«Х» — человек, быть может, лишь условно.
А по сравнению с лучшими людьми
Кем может он считаться, черт возьми!..

Ученые?.. Почтенное сословье!
С глубоким уважением, с любовью
Мы к ним относимся... Но посмотри,
Меж них Эйнштейнов много ль?.. Иль Кюри?..
Герои — путешественники... Право,
Была вполне заслуженной их слава,
Но лишь — в их время... А теперь дитя
По трудным их путям пройдет шутя...

А красота?.. Для жителей Ямала
Прекрасней тундры мест найдется мало.
А красота вот этих беглых строк?..
Я б поручиться за нее не мог!
Она другим, быть может, — не приметна...
Что ярко — для меня, для многих — бледно!

Короче: все подвержено сомнению,
Все — относительно... И по сравнению
Со всем многообразием бытия
Что значит жизнь — твоя или моя?..

ЗДРАВСТВУЙ, ТУНДРА!

Здравствуй, тундра!.. Край оленей,
Край снегов и край полян!
Километрах в ста — иль менее —
Ледовитый океан!

Держит путь оленье стадо,
Разбивая снег и лед.
Снега им, оленям, надо,
Всем другим — наоборот!

О двуликая природа!
В том твоя живая суть:
Что негоже — для кого-то,
В самый раз — кому-нибудь!

ХОМУС ¹

Катибе Кинъябулатовой

Я знаю, ты играешь на кумызе,
Но вот запел под пальцами хомус —
И сразу стали расстоянья ближе,
И с плеч упал годов тяжелый груз.

Кумыз — хомус...

Почти одно название

У инструментов, родственная суть...
А ты с якуткой схожа этой ранью,
Когда бы юность прежнюю вернуть...

Как хорошо, что возвращает память
Мелодией минувшие года,

¹ Х о м у с — якутское название кумыза.

**И я могу печаль веков расплавить
И сблизить годы счастья без труда!**

**А музыка играет каждой гранью,
И мне уже давно сказать пора,
Что сказочно сблизжает расстоянья
Игра твоя волшебная,
сестра!**

БАШКИРСКОЕ ОЗЕРО

В Нижнеколымском районе
Якутии одному из озер тундры
дано название Башкирское озеро.

**Якуты нам озеро подарили.
Спасибо, спасибо, о друг якут!
Средь синих озер, средь их изобилья
Отныне Башкирским одно зовут.**

**Ну, озеро!.. Если у берега станем —
Другого почти что не видит взор.
Конечно, и дома — в Башкортостане —
Немало таких же больших озер.**

**И все-таки радостно сердцу и взгляду
Здесь, в тундре холодной, найти родство.
Мне кажется, озеро тоже радо
Тому, что Башкирским назвали его.**

**Оно и стихи мои слушает тоже
И даже способно слова понять:
Якутский язык и башкирский — схожи,
Как будто одна нас вскормила мать.**

Как будто из общего края когда-то
Пришли мы и добрый нашли приют...
Смотрите, как здешние олениа
Из нашего озера воду пьют!

О них мы расскажем в Башкортостане.
Но все ж впереди — еще долгий путь...
Башкирское озеро, до свиданья...
Эй, озеро! Земляков не забудь!..

САХАЛИН

...Бежал бродяга с Сахалина
...Звериной узкою тропой.

Старинная песня

Так вот какой ты, Сахалин!..
Ты проклят был, ты был хулим.
А нынче из морских глубин
Всплываешь ты совсем иным.
В тебе — таинственная власть.
Ты — песня, что не родилась,
Но созревает в глубине...
И ты всплываешь на волне,
Как мощный лайнер-исполин...
К тебе я прибыл, Сахалин!..
Я — только гость твоей земли.
Но многие здесь дом нашли,
Крутой твой полюбили нрав,
Себя в бореньях испытал,
Творя нелегкие дела...

Во тьму веков она ушла —
Глухая узкая тропа,
Лихая русская судьба
Бежавших с каторги бродяг,
Лишь в песнях сохранился знак.

О Сахалин!.. К тебе на мол
Дорогой песни я пришел.
О Сахалин!.. Прими меня,
По песне мы с тобой — родня,
Ведь от нее свой путь ведет
И твой, и мой старинный род.

В прекрасном сказочном краю
Я — не пришлец, а старожил.
Немало песен я сложил
И о тебе теперь спою
Хвалебный гимн — и не один! —
Цветущий новый Сахалин!

ОСЕТИНСКИМ ДРУЗЬЯМ

Мне повезло с друзьями...

Мустай Карим

С окопных дней до нынешнего дня,
Как птицы, сердцем пойманы моим,
В Осетии друзья есть у меня:
Казбек, Нафи, Георгий и Максим.
Меня вы одарили добротой,
Теплом сердец согрели душу мне.
Вы были рядом на тропе крутой —
Да, повезло с друзьями мне вполне!
Прекрасен настоящей дружбы нрав,
Ее душа распахнута всегда.
Лик настоящей дружбы не лукав,
Все нараспашку — радость и беда.
Лик дружбы отражает все вокруг.
Ни хитрости и ни корысти в ней.
Не потому ль, когда теряем вдруг —
Пусть ненадолго — мы следы друзей,
На поиски пускаемся тотчас,
И нас удача ждет, а в помощь ей —

Душ тяготенье, приближенье глаз
И праздничность распахнутых дверей.
Душа к душе... Мы объединены
Судьбой земли и собственной судьбой!..
Сравненья нашей дружбе не нужны:
Она сравнима лишь сама с собой.
В гостях у вас я побывал не раз.
Как повезло мне, что я встретил вас!
И повезло не мне лишь одному —
Башкирскому народу моему!
И видится в том смысл великий мне,
Что, вписанный над Белой в небосклон,
Наш Салават на бронзовом коне
Талантом осетина возведен!..¹

ЭЛЬБРУС

Эльбрус — он всем горам гора,
Двуглав — в нем радость и печаль.
Звон и свечение серебра,
Высокой вечности печать.

Краса земли, души задор,
О Шат-гора! Гора из гор!
За Лермонтовым он вослед
Кайсыном пламенным воспет.

Сто верст туда — не два шага!
С подножия Бештау взгляни:
Чем выше горные снега,
Тем ближе кажутся они.

Высь и величье — не одно ль?..
Одна поручена им роль:
Она, поверьте, нелегка —
Сближать пространства и века.

¹ Автор памятника Салавату Юлаеву в Уфе
скульптор-осетин С. Д. Тавасиев.

ДВЕ ВЕРШИНЫ

(У памятника М. Ю. Лермонтову)

Здесь он жил. И, пулею повержен,
Здесь лежал — у места встречи гор.
И отсюда он, забронзовевший,
На Эльбрус свой устремляет взор.

Устремил навек. Синеют тени
На хребтах, несущих снежный груз.
Над горами — горы. И, как гений,
Надо всеми высится Эльбрус.

Две вершины, два величья — рядом,
В синеве — гора и человек.
Тянутся друг к другу сердцем, взглядом, —
Что для них мгновенье или век!..

Вечность? Вот: дотронуться рукою...
Вечность? Вот: перед толпою гор...
О поэт! Ты не нашел покоя:
Спор все длится — но не с Шат-горою;
С временем и с вечностью — твой спор...

* * *

Не схожи пути человечьи,
И судьбы различны вокруг...
Но, глядя на Черную речку,
Я думой лечу на Машук.

И горы не схожи с горами,
С рекою не схожа река...
А речке той Черной — годами
Бежать — не достичь Машука,

Сквозь толщи дождей и туманов,
Сплетенья концов и начал...
Но выстрел, на севере грянув,
У южной горы прозвучал...

И мечены метой единой
Поэты... И жребий суров...
И схожи во всем властелины
Различных широт и веков.

СКАЗАТЬ ОСМЕЛЮСЬ

От внезапной мысли онемел
Вдруг у Машука я — у подножья.
Я две жизни Лермонтова прожил —
Как же так я две прожить сумел?

Две!.. Но разве жизнь моя была
Сплошь бела?.. Я помню и поныне:
И в меня ведь целились — в Берлине,
Только вот меня судьба спасла.

Две!.. Да как же вышло так со мной?
Может быть, от пули я скрывался,
Может быть, врага я испугался,
Прятался у друга за спиной?

Две!.. В смятение думаю о том:
Разве жизнь была вся ладной-складной,
Разве счастье, силой непонятной
Дверь раскрыв, само вошло в мой дом?

И сказать осмелюсь: песня грудь
Полнит и мою — по воле бога...
Целых две!.. Как мало — и как много!
Какова ж двух жизней этих суть?..

Всех гостей собрал Реваз,
Торопившихся в дорогу,
И без промедленья нас
К своему привел порогу.
Без особенных затей —
Пусть судьба их счастье множит!..
Сразу видно: без гостей
Дом грузинский жить не может...
Это праздник и игра,
Широта души открытой...
Под окном течет Кура,
Солнцем берега омыты.
Буйство, страсть и шум воды
Начинают мне казаться
Пылким правом тамады —
Славного Карло Каладзе.
За столом Карло царит,
И Кура шумит на воле,
Пламя дружества горит,
Озаряя лад застолья.
Я впервые в доме том,
В пламени речей я таю.
Покорил меня их дом,
Их приветливость простая.
Тут ли ты — и там ли ты?
Позабылись расстоянья.
Здесь, под знаком красоты,
Происходит душ слиянье...
По-иному нас пьянил
Дух знакомый цинандали,
Покорил нас и пленил,
Только с ног собьет едва ли...
Как Кура, я шумным стал,

Легким стал — хоть в поднебесье!..
И запел я мой «Урал»,
Страсть преображая в песню.
Эта песня на Кавказ
Путь проделала неблизкий.
В этом доме в первый раз
Зазвучал мотив башкирский.
Пламя дружества горит,
Озаряя лад застолья.
За столом — Карло царит,
И Кура шумит на воле.

НИНА

В Тбилиси над могилой
великого Грибоедова на
Мтацминде высится фигу-
ра скорбящей женщины...

Скорбь и величие — едины..
Передо мною облик твой.
Надгробием ты стала, Нина,
Когда была еще живой.
Здесь тайна ли, закономерность?
Кровь — или южные лучи?..
Такие и любовь и верность,
Что, замерев пред ней, — молчи..
Каким — пришедшему с чужбины —
Великим нужно было быть,
Чтобы расположение Нины
Завоевать и сохранить..
Две жизни... И две смерти... Мало!..
Увы, как век был краток твой..
Надгробием ты, Нина, стала,
Когда была еще живой.

Земли армянской я, башкир,
Не видел до сих пор.
Мне представлялся вечный пир
Среди зеленых гор.

Мне праздник чудился сплошной,
Где пышно все цветет,
Клочок земли — величиной
С ладонь — расцвел и тот.

Теперь я вижу, как цветы
Впрямь на камнях цветут,
Как камни, глядя с высоты,
Каменотесов ждут.

Я видел сам, как в камень гвоздь
Строитель забивал,
Как свет пила живая гроздь
Меж обнаженных скал.

Я видел трав немой порыв
К недремлющей воде.
Но вот необозримых нив
Я не встречал нигде.

Зато преграды песням нет —
Здесь все у вас певцы.
Амбарцумяна звездный свет
Летит во все концы.

Хачатурян непостижим,
Сарьян — неповторим.
Мы в их звучании парим,
Мы в красках их горим...

**Железный Шаумян. Стальной
Камо — защитник, брат
И маршал Баграмян — войной
Испытанный солдат.**

**В бою — боец и в дружбе — друг,
Один — могуч, как сто.
Числом вас мало... Тесен круг...
Армяне вы зато!..**

БАКИНСКИЕ РОЗЫ

**Прощай, бакинское тепло!
Здесь розы — как весною.
Хочу, чтоб деревце росло,
Посаженное мною!**

**У нас, в Уфе, — пора зимы,
У вас — сады в расцвете...
На долгий срок запомним мы
Улыбки, встречи эти...**

**Надолго сохраним тоску
О Каспии зеленом.
Вы — первый, мы — второй Баку...
Считается местом что́ нам?!**

**Какой там счет между людьми?!
Сравниемся, конечно!
Вот — Низами и Насими,
Те вправду — вековечны!**

**Я рад, что ваш народ назвал
В их честь сады и зданья...
Да не отстанет наш Урал
В поэтопочитанье!..**

У нас — давно и снег, и лед,
Весна — у вас, в столице...
...Пусть радость встречи не замрет,
Пусть праздник сердца длится!

МАРДАКЯНЫ

Небо тут не знает хмури,
Тут цветы благоуханны,
И плывут у вас в лазури
Розы — и бело, и рдяно, —
Мардакяны, Мардакяны.

И с тех пор, как в вашем крае
Погостил певец желанный,
Здесь душа стихов живая
Пребывает постоянно,
Мардакяны, Мардакяны.

Говорят, поэты юга
Прелесть песни златотканой
Дарят северному другу,
Кто вдохнул ваш воздух пряный,
Мардакяны, Мардакяны.

Я — такой пришлец счастливый...
Но пока — скрывать не стану! —
Мне восточные мотивы
Не даются, как ни странно!
Мардакяны, Мардакяны...

Мы березку посадили,
Чтоб поэту непрестанно
Вспоминать под небом синим
Милые леса, поляны...
Мардакяны, Мардакяны...

И растут теперь на пару
На земле Азербайджана
И березка, и чинара —
И вдвоем шуршат слиянно:
«Мардакяны, Мардакяны...»

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

Разносится дудки пронзительный звук,
Старик заклинатель бесстрастно сидит,
А хищная кобра, раздув свой клобук,
Застыла и словно с мольбою глядит...

С такой же коварной, змеиной душой
Пробрался захватчик сюда в старину
И долгие годы, надменный, чужой,
Душил и обманывал эту страну.

Гляжу с восхищеньем: заставь-ка, сумей,
Чтоб слушала кобра, как дудка поет!
И вправду, народ, побеждающий змей, —
Великий народ, вдохновенный народ!

ИНДИЙСКОЙ ДЕВУШКЕ

Мурмурки надек, мурмурки!
(Не прячь глаза, не прячь!)

Из индийской песни

Я тогда еще не был в индийском краю,
А уж слышал далекую песню твою,
До сих пор эту песню тихонько пою:
Мурмурки надек, мурмурки!..
А в цветущем краю очутившись твоим,
Я случайно зашел в этот маленький дом,

Небогат был твой дом, но приветлив прием.
Мурмурки надек, мурмурки!..
Ты запела... И сразу мотив я узнал
Этой песни, что часто и раньше слышал,
И, любуясь тобой, я в душе повторял:
Мурмурки надек, мурмурки!..
Я башкирскою песней ответил тотчас,
Очень схожи, сказала ты, песни у нас.
Что ж ты прячешь алмазы застенчивых глаз?..
Мурмурки надек, мурмурки!..

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗ ИНДИИ

Лечу на Родину...

Седые Гималаи

Косятся, хмурятся, укрывшись в облака.
Хребтины гор,

друг друга настигая,

Плывут, смотря на нас издалека.

Эй, Индия!..

Никто, при всем желанье,

Не мог взобраться раньше в этот край.

Не потому ли родилось преданье,

Что между этих гор укрылся рай?..

Что не придумает мечта людская?!

Мечте любая сказка — по плечу!..

А я лечу по небу — выше рая,

В свой лучший рай — на Родину лечу!

ОКАЗЫВАЕТСЯ, НАСТОЯЩИЙ РАЙ

Весь этот раскаленный край таков,
Как будто бы его ты проклял, боже!
Все ж средь камней и пламенных песков
Живет же человек... Живет же!

Он горд, что здесь, в былые времена,
Ходил пророк, законам поучая...
Здесь, здесь — в жаре жестокой — рождена
Мечта людская о прохладном рае,

Где деревца тенисты, а на них —
Плоды пестреют меж листвою резною,
Между корней поет-журчит родник,
Он освежает путника от зноя.

А если так, — с чем я сравнить могу
Тебя, моя родимая сторонка,
Где роща так свежа, где на лугу
Ручей меж лопухов лепечет звонко?!

Родные, милые места мои,
Орешники и папоротник в чаще!..
Тут понял я, что — как вас ни зови —
Вы вправду рай — реальный, настоящий!

* * *

О боже, наверное
тебя совсем нет!

М. Гафури

Из Мекки в Медину
Я шел по древнейшему следу.
Из Мекки в Медину
Я шел, продолжая беседу.

Пророк Мухамед,
Я с тобой говорил многодневно.
— Велик ты иль нет? —
Про себя вопрошал тебя гневно.

День страшный суда
Видел я, направляясь к Медине,
День страшный, когда
Человечности нет и в помине.

Пророк, ты велик!
Ведь нужна непомерная сила,
Чтоб даже на миг
Человеческий ум так затмило,

Чтоб людям внушить,
Будто кровь у народов — несхожа.
«Неверных крушить!..»
О пророк, разве это — по-божьи?!

Наверно, нет бога?..
Он, добрый, казнил бы жестоко
Тех, кто хоть немного
Похож на такого пророка!

АФАФ

Афаф, тебе только — девять лет..
Вокруг скользит череда теней.
Их облик и стан паранджой одет..
Поди различи, что скрыто под ней!

Ширин прошла?.. Лейли или нет?
Все прячет тяжелая паранджа..
Афаф, тебе только девять лет,
И ты, как весенний рассвет, свежа.

Поэтами древности он воспет —
Огонь твоих черных, блестящих глаз...
Но ты, Афаф, в свои девять лет
Прекраснее лучших стихов в сто раз.

Всю землю твой озаряет свет,
Волшебно-преlestны твои черты...
Афаф, тебе только девять лет,
Еще расцветаеть пока что ты...

Но с гордостью твой отец говорит:
«Как только исполнится десять лет,
Тотчас будет облик ее сокрыт
От глаз посторонних, от всех людей!»

Все — нежная шейка, лицо и грудь —
Под темной скроется паранджой!..
...И если я хоть когда-нибудь
Приеду опять в этот край чужой,

Приду ли, как пилигрим, пешком,
По небу ли синему прилечу —
Под черным, под этим глухим мешком
Тебя, Афаф, я не различу...

Афаф, тебе — только девять лет,
Ты блещешь сейчас, точно вешний день...

...На улице — тени без всяких примет.
За тенью проходит черная тень.

ПУТЬ ЧЕРЕЗ МЕККУ

Земля — точно пламя... Шаг шагнуть —
Сквозь обувь ноги горят.
О Мекка!.. Лежит через Мекку путь
К раю, — как говорят.

Мы к раю идем. Опаляют нас
Лучей отвесных огни...
Но вот при дороге — старый лабаз...
Мы сели в жидкой тени...

Мы дышим, как запаленный скот...
С жадностью воду пью...
Хозяин поспешно плату берет
За теплую эту струю.

Что делать?! Хочется в рай?.. Плати!
Не сыщешь воды иной.
Не встретишь тут родников на пути,
Как дома — в стране родной...

Глаза выжигает горячий свет.
Длится, пылая, день...
Хозяин просит еще монет...
— За что же еще?..

— За тень!

Ну что ж!.. Не торгуйся. Плати давай —
Побудешь еще под стеной...
Как видно, путь через Мекку в рай
Немалой дастся ценой!

ЗАЛИВ ТЕРПЕНИЯ

Когда сомненье на меня нахлынет,
Не в меру утомит привычный труд, —
Я вспомню тот залив на Сахалине,
Залив Терпения — его зовут.

Терпение!.. Сияющие слитки
И чувств, и мыслей — все таит оно.
Как хорошо, что нам порой в избытке
Разумное терпение дано!

**И я терпением не обездолен,
Иначе — мужеством... Не все равно ль?..
И в час, когда я миром недоволен,
Сжав зубы, пересиливаю боль.**

**И вижу вдруг: обида — лишь пылинка,
И мой заклятый враг — слабей, чем я,
И с честью выйду я из поединка,
Ведь у меня есть верные друзья.**

**Терпение — при нас... И все — в порядке!
Не победит сиянья солнца — тьма,
Нет, не допустит страшной смертной схватки
Терпенье — это детище ума!**

**И не оно ли нас хранило в гуще
Военных испытаний, ста смертей —
Терпение, что издавна присуще
Народу нашему, стране моей?..**

**Оно Земле подарит одоление...
И мне так сладко думать в миг иной,
Что во Вселенной есть залив Терпенья,
И в нем найдет спасенье шар земной.**

КРАЙ СВЕТА

**Есть мыс такой на Шикотане где-то,
Народ его считает «краем света»,
Я не дошел до этого мыска,
Свет для меня не кончился пока.**

**Куда б меня ни заносили ноги,
По свету все ведут меня дороги...
О жизнь! Когда? Средь ночи иль средь дня,
Где тот конец наступит для меня?**

УРАЛ

(Поэма)

Как назвать историю мне эту?
Сказкой? Былью?
Разницы в том нет...
Давний друг мой, сын Ишмухамета,
Ишбулла изъездил целый свет.
Шар земной уменьшился в размере,
Как доступны нынче небеса! —
В целый мир распахнутые двери!
Скорости! Открытья! Чудеса!..
Скорости... Уже не замечая
Их — нет, не к соседу за рекой,
К другу мчимся мы на чашку чая,
За полтыщи верст — подать рукой!..
Для поездки надобно уменье:
У иных — готовая душа
К восприятию и размышленью,
За других — не дам я ни гроша...
Где бы ни бывал в огромном мире
Ишбулла, — рассказывали мне, —
В Африке, в Европе ли, в Сибири
И в заокеанской стороне, —
Ишбуллу приветливо встречали,
Находили общий с ним язык.
В незнакомцах в самой дальней дали
Он друзей угадывать привык...
Восхищались все его искусством,
Чуть не целый покори́л он свет.
От земли башкирской с добрым чувством
Разным землям привозил привет.
Он дарил свое искусство миру —
Магию, уменье, волшебство.
Хочешь знать ты, каковы башкиры?
Погляди, послушай-ка его!

Есть у всех своя неповторимость,
Красота души, особый нрав.
Как опишешь ты, скажи на милость,
И пристрастия и непримиримость,
Пенье птиц и запах вешних трав?
Можно ль, от старания сгорая
(Только все слова — не те, не те!),
Описать мелодию курая,
Сложность раскрывая в простоте?..
И дивились люди не случайно,
Как из срезанного тростника
Музыки пленительная тайна
Воспаряла, сказочно легка...
Срежь тростник, и сделай пять отверстий,
И своим дыханьем оживи,
И протяжной и печальной песней
Расскажи нам о своей любви!
Пусть плывет «Сибай»... Ты от дыханья
Отними курай — он не затих,
Сам поет, без твоего старанья,
Продолжает петь в руках твоих...
...Если уж хвалю — хвалю без меры:
Вообще — не щедр я на хвалу!..
Мой восторг прошу принять на веру —
Должен я прославить Ишбуллу!
Похвала чрезмерна? Но горенье
Не измерить мерой никакой.
Всякое горенье — откровенье
Пламени!.. Горенье — непокой!..
Он играет — потрясает душу,
А как пляшет!
Он — не утомим!
Ну, а как поет он — ты послушай,
Ширь поет степная вместе с ним.
Так, играя, изумляя пляской,
Сын Ишмухамета Ишбулла

Путь свой держит... Назову ли сказкой
Быль, что в самом деле с ним была?..
Вот что с ним случилось в самом деле:
Ишбулла, в одной из дальних стран
Оказавшись, отдыхал в отеле,
Из окна смотрел на океан.
В мысли погрузился он... Нежданно
Слышит он за дверью легкий стук.
Удивился Ишбулла: как странно —
Кто бы мог сейчас явиться вдруг,
Без предупрежденья, приглашенья —
Никого не ждал он в этот час...
Входит гость... Хозяин без сомненья
Видит незнакомца в первый раз.
Гость не произнес пока ни звука...
Кто же он? И что несет за весть?
Ишбулла жмет незнакомцу руку,
Как хозяин, жестом просит сесть...
Языка страны, где он проездом,
Ишбулла не знает... Как же быть?
На каком же он — ему известном —
С незнакомцем станет говорить?
Привело его какое дело?
В волосах — густая седина...
Вялая рука в перчатке белой,
Как безвольна, как мягка она...
Чем-то он взволнован несомненно.
Почему-то кажется, что он
Только что сошел с подмостков сцены —
Не разгримирован, утомлен...
По-башкирски вдруг через мгновенье:
— Здравствуй, —
Тихо говорит, —
Земляк... —
Вздрыгнул, не скрывая удивленья,
Ишбулла: откуда? Как же так?..

Г о с т ь

Я — башкир, как видишь. И вопросов
Быть не может: ясно и без слов, —
Будто через силу произнес он, —
Где родился, из каких краев.

И ш б у л л а

Как башкир? Так что ж, скажи
на милость
Что же привело тебя сюда?..
Что с тобой случилось-приключилось?.. —
Человек чужой (в ответ)
Судьба...

И ш б у л л а

Как — судьба?

Г о с т ь

Да всякое бывало...
Все война наделала, беда...
Испытать мне довелось немало,
Мир вверх дном перевернулся!

И ш б у л л а

Да...

Г о с т ь

Что же замолчал ты?

И ш б у л л а

Тяжким камнем
На сердце она... Пронзает боль...
Хочется узнать наверняка мне:
Где же ты?..

Г о с т ь

Как где? Я здесь, с тобой...

И ш б у л л а

О другом я:

Где ты в мире этом,

Что перевернулся кверху дном?..

Наверху ль, внизу?..

Г о с т ь

Тебе ответом

Наша встреча в номере твоём.

Наверху, конечно, раз живу я...

И ш б у л л а

Да... Конечно... Павшие — внизу.

В землю полегли они сырую,

В сердце я сквозь годы их несу...

И остались мертвые — живыми.

Дело в том ведь, как себя вести,

Как живым остаться,

Чтобы имя

По земле с достоинством нести.

Волк, предчувствуя землетрясение,

Избежать пытается его...

Г о с т ь

Понимаю все... Но тем не менее

Выслушай башкира своего!

Будь помягче, всякое бывает,

Не навечно мы явились в мир...

Время убывает, забывает...

И ш б у л л а

Ты — башкир? Какой же ты башкир?!

Г о с т ь

Настоящий!..

И ш б у л л а

Быть того не может...

Г о с т ь

Почему?

И ш б у л л а

Поверить тяжело...

Г о с т ь

**Что мне лгать —
Мой век почти что прожит,
Время все снегами замело.
Вот, сейчас...**

И ш б у л л а

**В карманах ты не ройся,
Предо мною справок не клади.
По бумагам быть башкиром просто,
Ты меня без справки убеди.
Ты — с какой реки, на самом деле?
Где же начинался он — твой век?..**

Г о с т ь

**Наши предки выбирать умели,
Выбрали одну из лучших рек...**

**Так рассказ свой невеселый начал
Незнакомый гость:
Назвал аул
И реку, стоянки обозначил,
Горы все окрест упомянул.**

Говорит, волнуясь, несвободно,
В каждом слове — горькая тоска.
Голос, полный грусти безысходной,
Будто слышится издалека...
Горькое раскаянье... Виною
Кто всему?.. Гость плачет неспроста...
...Ишбуллы родною стороною
Оказались эти все места.

И ш б у л л а

Да, я верю, ты оттуда родом,
Все с рождения знакомо мне.
Да, живут в тебе земля и воды, —
Только хватит ли того вполне,
Чтоб башкиром истинным остаться?..

Г о с т ь

Да, да, да! Я этим дорожу!
Чтоб с башкирским духом не расстаться,
Я кобылку у себя держу:
О своих корнях не забывая,
Я и здесь кумыс башкирский пью,
Для меня он — как вода живая,
Пью и вижу родину свою...

И ш б у л л а

Ты, земляк, мне вдруг напомнил
детство:
Вот оно, возьми лишь — оглянись!..
Расскажу, послушай:
И отец мой
Славный приготовить мог кумыс...
(Пал на фронте он... С великой верой
В ясность наступающего дня.
Был всегда он символом и мерой
Совести и чести для меня...)

Было так: в Москву его позвали —
Выставка готовилась тогда —
И велели, чтобы в нашем зале
Был кумыс!..

И сразу же туда,
На луга, направился он, чтобы
Все понять на месте, — и сорвал
Он траву, и пожевал для пробы
(Сам я это видел!),

И сказал:

«Что ж, кумыс мы приготовим, братцы,
И, похваливая, станем пить.

Только должен честно вам признаться,
Что башкирским здесь ему не быть».

...В том-то все и дело, поразмысли,
Ты от стороны родной вдали:

От земли идет все: мед, кумыс ли, —
От земли идет все,

От земли.

Можно на широтах самых разных
Мед пчелиный собирать весной,
На курае заиграть под праздник,
Но нельзя играть землей родной...

Г о с т ь

Это ты на двух кубызах сразу
Заиграл... А мог бы поясней
Рассказать, что значат эти фразы:
То — все от земли...
То — суть не в ней...

И ш б у л л а

Господин хороший, отвечаю,
Повторяю, что башкир — народ.
Да, народ: не просто звук курая
И не только лишь кумыс да мед.

И твоя кобылка на Урале
Даст кумыс башкирский в добрый час,
И от пчел, что к нам из дальней дали
Привезут, мед соберут у нас...

Г о с т ь

Если так, то как пчела когда-то
Собирал я сок родной земли.
И в моей крови — ее закаты
И рассветы в призрачной дали.
Песнь твою услышал — пробудилась
Кровь моя, и засиял весь мир,
И душа моя воспламенилась,
Загорелась, — значит, я башкир.

И ш б у л л а

Человек — народа единица,
Но не только: дух народа в нем,
То, что в поколениях хранится,
Что горит в крови святым огнем.
Это просто — как курай — и сложно...
Повтори и про себя и вслух
Слово, что священно, непреложно:
В сердце каждого — высокий дух,
Дух бессмертный, что парит над миром...

...Ишбулла, помедлив, продолжал:
— Коль считаешь ты себя башкиром —
Спой-ка нашу песню мне — «Урал».

Растерялся гость. И воцарилась
В комнате немая тишина...
За окошком брызгами дымилась
И, вздыхая, падала волна.

В комнате — безмолвные два взгляда:
Разные сыны одной земли,
Молодой и седовласый — рядом
Здесь сейчас, от родины вдали.
Гость сказал: — Сыграй мне на курае...—
Ишбулла в ответ: — Запомни впредь,
Что не дожидается курая
Тот башкир, что захотел запеть! —
Медленно, протяжно зазвучала
Песня задумчивая «Урал»...
Свет и краски с самого начала,
Всю красу — напев в себя вобрал.
Сок земли и запахов кружение —
Все вокруг наполнило в тот миг,
Став вдруг мелодичным отраженьем
Судеб непредвиденных людских.
Чье могущество, какая сила
Эту чудо-песню породила?
Человек чужой вдали от дома —
Как он вел мотив, давно знакомый!
«Эй, Урал мой, я срезаю снова
Прутик ивы погонять коня...
Павших за тебя и за меня...»
Капает на землю кровь батыров,
Ишбулле казалось отчего-то,
Что не слышал песни той вовек, —
Оттого ль, что на чужих широтах
Пел чужой и чуждый человек?..
Только исполнения прелестней
Он не знал и не услышит впредь:
Истинный башкир лишь эту песню
Может так неповторимо петь...
«Выше собственной своей вершины
Урал-тау не стремится быть...
Нет такой души на целом свете,
Что Урал могла бы разлюбить...

Если пал за Родину джигит —
Жизнь его не отдана напрасно!..»
Как печально, искренне и страстно
Здесь, у океана, песнь звучит!
Вздрогнул Ишбулла:
Вдруг показалось,
Что поет здесь не чужой певец...
Песню, что души его касалась,
Будто затянул его отец.
Будто голос, так его потрясший,
Плыл откуда-то издавека:
Голос сильных духом,
Голос павших,
Голос тех, что будут жить века...
Явственно пред Ишбуллой предстала
Вдруг судьба погибшего отца
И солдат, отваги небывалой,
Что с ним рядом бились до конца,
Дух народа — вот каков на деле!
Вот вам красота — вся суть души!
Ишбулле казалось, что запели
Воины с отцом его — в тиши
Этого далекого отеля,
Не чужой певец — солдаты пели...
«В руки взял башкир свое оружие,
Доброго коня он оседлал.
Где ни дрался, жизни не жалея,
Никому он не сдавал Урал...»
Песнь затихла...
Все припомнив это,
Как не плакать, слез не проливать!
О, где только не лежат егеты,
Чтоб живой мог жить да поживать...
Плачет Ишбулла...
А гость доволен,
Он волненьем этим награжден...

Значит, отрывать никто не волен
От земли его, где он рожден?!
Значит, в споре победил он все же?..
— Пусть тебя те слезы не тревожат, —
Ишбулла сказал, —
Свидетель — мир,
Что башкир лишь петь так песню может..
Но башкир ли ты, ответь, башкир?..

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУГУ

СТИХИ

Сосед по огню. Перевела Е. Николаевская . . .	6
Приглашение другу. Перевела Е. Николаевская . .	6
Хлеб, солнце... Перевела И. Снегова	8
Привези моего отца. Перевела И. Снегова	9
Два всадника. Перевела Е. Николаевская	10
Ленинский костер. Перевел Л. Пеньковский . .	11
Три песни жизни. Перевела Е. Николаевская . . .	12
Слово о Родине. Перевела Е. Николаевская . . .	13
«Космонавты говорят: «Земля...» Перевела Е. Нико- лаевская	13
Застольное слово. Перевела Е. Николаевская . . .	14
Разговор с деревьями. Перевела Е. Николаевская	14
Не увидел бы сегодня... Перевела Е. Николаевская	15
Дождь идет. Перевела Е. Николаевская	16
Стихи, сказанные перед рассветом. Перевела Е. Ни- колаевская	17
Жизнь. Перевела Е. Николаевская	17
Горы и реки. Перевела Е. Николаевская	18
Идут снега. Перевела И. Снегова	19
Что за день! Перевела Е. Николаевская	20
Миляш. Перевела И. Снегова	21
Не ищу... Перевела Е. Николаевская	22
Песня о корове. Перевела И. Снегова	23
И я остаюсь... Перевела Е. Николаевская	25
«Не странно ли, что с каждым днем...» Перевела Е. Николаевская	26
Скворцы. Перевела Е. Николаевская	27
Огни, минуты... Перевела И. Снегова	28
Если они в пути. Перевела Е. Николаевская . . .	29
Янган-тау. Перевела И. Снегова	31

Тяжесть. Перевела Е. Николаевская	33
Из воды. Перевела Е. Николаевская	34
Язык земли. Перевела Е. Николаевская	35
Мое Царское Село. Перевела И. Снегова	35
Два камня. Перевела И. Снегова	37
«На зимнюю Казань ложилась мгла...» Перевела Е. Николаевская	39
«То ты жарок...» Перевела И. Снегова	40
Придет она или нет? Перевела И. Снегова	40
Два джигита. Перевела И. Снегова	41
«Из свертка жизни...» Перевела И. Снегова	42
«Дорога, море, горная гряда...» Перевела Е. Ни- колаевская	43
«Уж полночь...» Перевела Е. Николаевская	43
Цветы солдата. Перевел Я. Козловский	44
«Черное море...» Перевела И. Снегова	45
Ранний снег. Перевел Н. Новоселов	45
Солдаты, солдаты... Перевела Е. Николаевская	46
Тюбстейка. Перевела Е. Николаевская	47
«Все с опозданием пришло...» Перевела Е. Нико- лаевская	49
Я задумал уехать. Перевела Е. Николаевская	50
«О, что б я ни сделал...» Перевела Е. Николаевская	52
Аленушка. Перевел М. Гафуров	52
«К счастью будней...» Перевел Н. Милованов	53
«— Печали, к моим вы стремитесь...» Перевел Я. Козловский	54
Земля и цветок. Перевела Е. Николаевская	54
«Жизнь — она всего тебе отвалит...» Перевела Е. Николаевская	55
Камень. Перевела Е. Николаевская	55
Осенние листья. Перевела Е. Николаевская	56
Разве можно назвать осенью... Перевела Е. Ни- колаевская	58
Нет, это не зима... Перевела Е. Николаевская	59
«Был год нелегко...» Перевела Е. Николаевская	59

Воспоминание. Перевела Е. Николаевская	61
«Я Новый год среди друзей встречаю...» Перевел С. Северцев	61
«Строка моя, какая ж ты по счету?...» Перевела Е. Николаевская	62
«Рождение и смерть — две крайних даты...» Пере- вел Я. Козловский	63
Глаза моей матери. Перевела Е. Николаевская . . .	63
Сон. Перевела Е. Николаевская	64
Не возвращаются лишь лебеди... Перевела Е. Ни- колаевская	65
Пустота. Перевела Е. Николаевская	68
«Река от реки, повстречавшись...» Перевела Е. Ни- колаевская	69
«Мы идем по осенней чаще...» Перевела Е. Нико- лаевская	69
Рог. Перевела Е. Николаевская	69
Здравствуй, Бобик. Перевел Я. Козловский	71
«Утром шумело...» Перевела Е. Николаевская . . .	72
Гора и море. Перевела Е. Николаевская	73
«Мне говорили: радуешься ты...» Перевела Е. Ни- колаевская	74
Женские руки. Перевела Е. Николаевская	75
«Как разнятся вершины меж собой...» Перевела Е. Николаевская	76
«В пылу любви, во власти страха...» Перевел Я. Козловский	76
«Года все идут...» Перевел С. Северцев	77
Вы удивлялись. Перевел Я. Козловский	77
Над Агиделью белый туман. Перевел Я. Козлов- ский	78
Отцовское слово. Перевел Я. Козловский	79
Вечер над Агиделью. Перевел Я. Козловский . . .	81
Родному аулу. Перевела Е. Николаевская	81
«О, дай мне, жизнь, такое право...» Перевел А. По- перечный	82

Пешком, не спеша... Перевел А. Поперечный . . .	83
Птицы. Перевел А. Поперечный	84
«В самый канун Нового года...» Перевела И. Снегова	85
Гляжу на звезды. Перевела И. Снегова	86
Тукай. Перевела И. Снегова	87
Шайхзада Бабич. Перевела И. Снегова	88
Хасан Туфан. Перевела И. Снегова	89
«Мрак ляжет...» Перевела Е. Николаевская . . .	90
Унтер-ден-Линден. Перевела Е. Николаевская . .	91
Узел. Перевела Е. Николаевская	91
Татарский язык. Перевел Я. Козловский.	92
«Как странен мир...» Перевела Е. Николаевская .	93
Бывают разливы. Перевела Е. Николаевская . . .	94
Из фронтовой тетради	95
«Я — Земля». Перевела Е. Николаевская .	95
Время мчится. Перевела Е. Николаевская	95
Горизонт. Перевела Е. Николаевская . .	96
Стих. Перевела И. Снегова	97
Дитя. Перевела Е. Николаевская	97
Сердце. Перевела И. Снегова	98
Явилась песня. Перевела Е. Николаевская . . .	99
«Загадочные, словно чудо...» Перевел Я. Козловский	100
«Опять тебя не встретил!..» Перевела Е. Николаевская	102
«Я в горах...» Перевела И. Снегова	102
Другу. Перевела Е. Николаевская	102
На пароходе. Перевела И. Снегова	103
Обида. Перевел Н. Милованов	104
Первое дыхание. Перевел С. Северцев	105
Ветры. Перевел С. Северцев	106
Костер. Перевела Е. Николаевская	108
Благодарен. Перевела И. Снегова.	108
Черемуха. Перевел М. Гафуров	109
На тропинке. Перевела Е. Николаевская	110
В осеннем саду. Перевела Е. Николаевская . . .	111
Разговор в весенний день... Перевел Н. Милованов	111

Березы. Перевел С. Северцев	115
Одиннадцать песен о друге. Перевела Е. Николаевская	123
Рубашка. Перевела Е. Николаевская	143

СТОРОНЫ

БЛИЗКИЕ СТОРОНЫ

Какого сына видишь ты во мне? Перевела Е. Николаевская	160
Отчий дом. Перевела Е. Николаевская	161
Уфимские липы. Перевела Е. Николаевская	161
Башкортостан. Перевела Е. Николаевская	162
Любовь настигает меня. Перевела Е. Николаевская	164
Васильки. Перевела Е. Николаевская	165
Затосковала б ты, как я тоскую... Перевела Е. Николаевская	165
27 июня. Перевела Е. Николаевская	166
Ты — моя пожизненная ровесница. Перевела Е. Николаевская	167
Где я был? Перевела Е. Николаевская	168
Под дубом. Перевела Е. Николаевская	169
Летнее стихотворение. Перевела Е. Николаевская	170
Разговор со своим только что написанным стихотворением. Перевела Е. Николаевская	170
Продолжается. Перевела Ю. Нейман	172
«Исчезаю... Душа моя тает...» Перевела Е. Николаевская	173
Тебя провожаю. Перевела Е. Николаевская	174
Осень. Мгла ночная. Перевела Е. Николаевская	174
Мерин. Перевела Е. Николаевская	175

Мята. Перевела Е. Николаевская	176
«Высокая полночь — чиста и ясна...» Перевела Ю. Нейман	176
Другу после вчерашнего случая. Перевела Ю. Ней- ман	177
В гостях я был однажды у цветов. Перевела Е. Ни- колаевская	178
Хвала огню. Перевела Ю. Нейман	179
Есть еще, есть. Перевела Ю. Нейман	181
«Как много было у меня друзей...» Перевела Ю. Нейман	181
Раненые годы. Перевела Е. Николаевская	182
Мне кажется, что все — в последний раз. Перевела Е. Николаевская	183
«Ах, хоть бы ты не плакала!.. Тебя...» Перевела Е. Николаевская	183
Дерево и железо. Перевела Е. Николаевская	184
Дуб. Перевела Е. Николаевская	184
Дал имя. Перевела Ю. Нейман	185
Если от души. Перевела Е. Николаевская	187
Шестьдесят один. Перевела Ю. Нейман	187
Поле боя. Перевела Е. Николаевская	188
Длинное стихотворение, написанное в санатории «Юматово». Перевела Ю. Нейман	189
Песнь минутам восхода солнца. Перевела Е. Ни- колаевская	191
Правда и ложь. Перевела Ю. Нейман	192
«Будто мечта моя, а не весна...» Перевела Е. Ни- колаевская	193
Удел великих. Перевела Ю. Нейман	193
Неизвестные солдаты. Перевела Ю. Нейман	194
Письма в прошлое. Перевела Е. Николаевская	195
1. Кузьминскому	195
2. Девушкам войны	197
21 июня 1974 года. Перевела Ю. Нейман	198
Памяти фронтового друга. Перевела Ю. Нейман	199

Дым без огня. Перевела Ю. Нейман	200
Творчество. Перевела Е. Николаевская	203
Звон колокольчиков. Перевела Е. Николаевская	204
Не нужны утешения мне. Перевела Е. Николаевская	205
У тебя горит огонь. Перевела Е. Николаевская	206
Стихи о татарине. Перевела Ю. Нейман	207
Ива. Перевела Ю. Нейман	209
Куда пойти? Перевела Ю. Нейман	209
Ведь листья не опали. Перевела Е. Николаевская	211
В саду юности. Перевела Ю. Нейман	212
I. Просторы	212
II. Каменная девушка	212
Откуда эта чистота. Перевела Е. Николаевская	213
Гармонистка. Перевела Ю. Нейман	214
Неспроста, наверно, неспроста. Перевела Е. Николаевская	215
День прекрасный миновал. Перевела Е. Николаевская	216
Туман. Перевела Е. Николаевская	217
«Спой любимому песню любви...» Перевела Е. Николаевская	217
Я к тебе еще приду. Перевела Е. Николаевская	218
Хмель. Перевела Е. Николаевская	219
Не играй в любовь. Перевела Е. Николаевская	219
Минуты любви. Перевела Е. Николаевская	221
Иду к тебе. Перевела Е. Николаевская	221
Любит он меня иль нет. Перевела Е. Николаевская	222
Только для себя. Перевела Е. Николаевская	223
Четверостишия. Перевел Н. Гребнев	224

ДАЛЕКИЕ СТОРОНЫ

Полярный Урал. Перевела Ю. Нейман	227
Земляки. Перевела Ю. Нейман	228
Надым. Перевела Ю. Нейман	228
Харасавей. Перевела Ю. Нейман	229

Относительно. Перевела Ю. Нейман	230
Здравствуй, тундра! Перевела Ю. Нейман	232
Хомус. Перевел В. Широков	232
Башкирское озеро. Перевела Ю. Нейман	233
Сахалин. Перевела Ю. Нейман	234
Осетинским друзьям. Перевела Е. Николаевская	235
Эльбрус. Перевела Е. Николаевская	236
Две вершины. Перевела Е. Николаевская	237
«Не схожи пути человечьи...» Перевела Е. Николаевская	237
Сказать осмелюсь. Перевела Е. Николаевская	238
В грузинском доме. Перевела Е. Николаевская	239
Нина. Перевела Е. Николаевская	240
Раздумья на армянской земле. Перевела Е. Николаевская	241
Бакинские розы. Перевела Ю. Нейман	242
Мардакяны. Перевела Ю. Нейман	243
Заклинатель змей. Перевел С. Северцев	244
Индийской девушке. Перевел С. Северцев	244
Возвращаясь из Индии. Перевела Ю. Нейман	245
Оказывается, настоящий рай. Перевела Ю. Нейман	246
«Из Мекки в Медину...» Перевела Ю. Нейман	246
Афаф. Перевела Ю. Нейман	247
Путь через Мекку. Перевела Ю. Нейман	248
Залив Терпения. Перевела Ю. Нейман	249
Край света. Перевела Ю. Нейман	250
Урал. (Поэма). Перевела Е. Николаевская	251

Наджми Н. Н.

Н17 Приглашение другу: Пер. с башк. —
М.: Сов. Россия, 1984. — 272 с., 1 л.
портр. — (Лауреаты Гос. премии РСФСР
им. М. Горького).

Книга башкирского поэта, удостоенная Государственной премии РСФСР в 1982 году, включает стихи и поэмы о прожитом и пережитом, о войне, о мире, о любви.

Н 4702110000—202
 М-105(03)84 204—84

С(Башк)2

**Назар Назмутдинович Наджми
(Назмутдинов)**

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУГУ

Редактор **В. Г. Бояринов**
Художественный редактор **Е. Ф. Николаева**
Технический редактор **Г. О. Нефедова**
Корректор **Э. З. Сергеева**

ИБ № 3849

Сдано в набор 02.09.83. Подп. в печать 20.01.84. А05719. Формат 70×90/1₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,95. Усл. кр.-отт. 9,95. Уч.-изд. л. 12,01. Тираж 25 000 экз. Заказ 684. Цена 1 р. 30 к. Изд. инд. ЛНП—102.

Ордена „Знак Почета“ издательство „Советская Россия“ Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 186750, Сортавала, Карельская, 42.

THE
BOOK OF
THE
LORDS

THE
BOOK OF
THE
LORDS

THE
BOOK OF
THE
LORDS